Кубанский государственный университет
Факультет истории, социологии и международных отношений
Центр славянских исследований

ЧЕХИЯ, СЛАВЯНСКИЙ МИР И ИХ СОСЕДИ:

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ

(К 170-ЛЕТИЮ АЛОИСА ЙИРАСЕКА)

Краснодар
2021

УДК 94(437):008(08)
ББК 63.3(4Чех)я43
Ч56

Редколлегия: *Э.Г. Вартаньян,* докт. ист. наук, профессор (науч. ред, сост); *А.В. Ващенко,* канд. ист. наук, доцент, декан факультета истории, социологии и международных отношений КубГУ; О.В. Матвеев, докт. ист. наук, профессор (науч. ред, сост); *А.С. Евтушенко,* канд. ист. наук, доцент.

Рецензент: Хут Людмила Рашидовна, профессор Адыгейского государственного университета, доктор исторических наук

Чехия, славянский мир и их соседи: вопросы истории и культуры (к 170-летию А. Йирасека): Материалы Международной научно-практической конференции / *Науч. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев* – Краснодар: Изд-во «Традиция», 2021. – 225 с. Тираж – 500 экз.

ISBN 978-5-91883-440-4

В издание вошли материалы очередной, 15-й Международной научно-практической конференции, организованной Центром славянских исследований Кубанского государственного университета при поддержке Департамента по международным связям Кубанского государственного университета, Чешской Ассоциации русистов, Международного культурного института «Ключ» в Градец Кралове, Русского Дома в Праге, Чешского культурного центра в г. Краснодаре, Клуба молодежной и детской дипломатии в Чехии.

Конференция приурочена к 170-летию выдающегося чешского историка и писателя Алоиса Йирасека и содержит новые исследования по истории, историографии Чехии и славянских стран, вопросам их культурного и духовного наследия. В рамках конференции работала секция «Клуб молодежной и детской дипломатии в Чехии». Сборник адресован студентам, преподавателям, специалистам в области истории, культуры, филологии, исследователям-славистам.

УДК 94(437):008(08)
ББК 63.3(4Чех)я43
Ч56

ISBN 978-5-91883-440-4 © Коллектив авторов, 2021

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сегодня у России и Чехии сложились непростые взаимоотношения, однако это не значит, что в угоду сиюминутной политической ситуации мы должны отбросить богатейший опыт историко-культурных связей наших народов. Ещё Нестор в «Повести временных лет» писал о Руси периода князя Владимира и государстве Андриха Чешского: «и бе мир межю ими и любовь». В XI в. на Руси была переписана кириллицей церковно-славянская легенда о Св. Вацлаве, в Чехии же почитались русские святые Борис и Глеб. Черниговские и киевские княгини в чешской и словацкой землях, неоднократные посещения гуситами и «чешскими братьями» России для ознакомления с православием, связи русских и чешских славистов, литераторов, боевое братство в годы Первой и Второй мировых войн, чешские села на Кавказе, Злата Прага как духовный центр русской эмиграции, «пражские» страницы творчества Марины Цветаевой, «похождения» солдата Ярослава Гашека в Сибири, результатом которых стало не только его бессмертное произведение о Швейке, но и разговорный русско-бурятский словарь – от этого великого наследия мы не можем отказаться.

Нельзя не вспомнить русско-чешские музыкальные связи. Праге ставились оперы М.И. Глинки, звучали произведения А.Е. Варламова, А.А. Алябьева. Под впечатлением от поездки в Прагу в 1867 г. для постановки оперы М.И. Глинки «Руслан и Людмила» М.А. Балакирев написал «Увертюру на чешские темы», переработанную много лет спустя в симфоническую поэму «В Чехии». Известна дружба П.И. Чайковского с гениальным чешским композитором Антонином Дворжаком, 180 лет со дня рождения которого исполнилось 8 сентября 2021 года.

Очередную (15-ю) Международную научно-практическую конференцию, материалы которой вы держите в руках, Центр славянских исследований Кубанского государственного университета посвятил вопросам историографии, истории и культуры чешского народа, его государственности, связям славян и их соседей. Приурочены конференция и сборник её материалов к 170-летию со дня рождения выдающегося чешского писателя Алоиса Йирасека, чьи исторические произведения сыграли огромную консолидирующую

роль в укреплении национального самосознания и народной памяти, в освободительной борьбе против социального и духовного гнета Австро-Венгерской империи.

В подготовке сборника приняли участие исследователи из четырёх славянских стран: Чехии, Болгарии, Беларуси и России. Первый раздел посвящен вопросам истории и историографии чешского народа, второй – вопросам духовного наследия и исторического прошлого славян и их соседей. Книга предназначена специалистам, преподавателям и учащимся, сотрудникам учреждений культуры, всем, кто интересуется проблемами славянского мира.

В Международной научно-практической конференции Центра славянских исследований КубГУ впервые приняли участие Чешская ассоциация русистов (Й. Клапка, Й. Кеснер, Я. Лорензова и др.), Международный культурный институт «Ключ» (А. Евсина, Д. Битнерова, А. Пинская, В. Николаева, И. Сидорова, В Добешева), Клуб молодежной и детской дипломатии в Чехии (младшая секция, старшеклассники, секция студентов), президент клуба Михал Федоров, вице-президенты В. Антош, А. Ефремов и А. Алексеева, куратор клуба К. Евсина и члены клуба (школьники и студенты), участники конкурсов и проектов, посвященных 170-летию А. Йирасека, а также руководитель Чешского культурного центра в г. Краснодаре Н.Л. Лазаренко и учащиеся школ г. Краснодара, участники проекта посвященного 170-летию А. Йирасека (секция Клуба молодежной и детской дипломатии Чехии включена в рамки работы конференции).

Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев

RSVK v PRAZE

Представительство Россотрудничества в Чешской Республике

Участникам Международной научно-практической конференции «Чехия, славянский мир и их соседи: вопросы истории и культуры», приуроченной к 170-летию Алоиса Йирасека

Русский дом в Праге приветствует участников XV Международной научно-практической конференции «Чехия, славянский мир и их соседи: вопросы истории и культуры», приуроченной к 170-летию выдающегося чешского историка и писателя Алоиса Йирасека.

Его творчество, безусловно, является одним из важнейших этапов развития чешской литературы, а также неотъемлемой частью общеславянского культурного наследия.

Символично, что в рамках молодежной секции ребята получат возможность воплотить свои творческие таланты и идеи в виде фильмов, проектов, презентаций и викторин. Несомненно, конференция станет прекрасной площадкой для обмена мнениями и обсуждения исторического и литературного наследия А.Йирасека, а также изучения историографии славянских стран и народов, позволит вам окунуться в мир их легенд и сказаний.

Желаем вдохновенных дискуссий и плодотворной работы!

И.о. руководителя представительства Россотрудничества в Чешской Республике А.А.Шунина

Участникам Международной научно-практической
конференции «Чехия, славянский мир
и их соседи: вопросы истории и культуры»,
приуроченной к 170-летию Алоиса Йирасека

Уважаемые коллеги, друзья!

Мы рады приветствовать организаторов и участников международной конференции, которая станет не только образовательной и научной площадкой, но и местом диалога культур России и Чехии.

Участие в работе конференции представителей чешского научного и образовательного сообщества, а также молодежи и школьников дает надежду на сохранение и развитие взаимопонимания между народами наших стран, укрепление доверия и сотрудничества в непростых условиях современной геополитики.

Уверены, что работа молодежного круглого стола в рамках этого научного события станет для его участников началом интересной исследовательской работы, создаст условия для формирования интереса к другой культуре, творческого мышления и научного познания.

С почтением -
Анна Евсина,
председатель правления Международного
культурного института «Ключ»,
Дана Битнерова, член правления Международного
культурного института «Ключ»,
Михал Федоров, президент клуба молодежной и
детской дипломатии в Чехии.

Mezinárodní kulturní institut KLÍČ
Chelčického 1242/2
500 02 Hradec Králové
IČ: 226 76 627 DIČ: CZ22676627

РАЗДЕЛ I. К 170-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. ЙИРАСЕКА: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ И ИСТОРИИ ЧЕШСКОГО НАРОДА

О.В. Матвеев
(г. Краснодар, Российская Федерация)

НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ АЛОИСА ЙИРАСЕКА

Аннотация. Статья посвящена историзму классика чешской литературы Алоиса Йирасека. Крестьяне, горожане, рудокопы выступали для писателя основными носителями исторического развития. Критерием оценки королей, военачальников, духовенства и других исторических деятелей у него является служение своему народу. Глубоко знание психологии эпохи достигалось стремлением услышать народные голоса при прочтении древних рукописей, устных материалов, записанных со слов старожилов. Вникая в повседневность, лексику, традиционную систему ценностей, отраженную в пословицах и поговорках, песнях и преданиях, писатель выявлял определяющие факторы национального развития, раскрывал в произведениях эпического характера содержание политической, общественной и культурной жизни чехов и их соседей.

Ключевые слова: народная история, Алоис Йирасек, легенды, песни, предания, эпические произведения, крестьянское мировоззрение

O.V. Matveyev
(Krasnodar, Russian Federation)

FOLK HISTORY OF ALOIS IRASEK

Abstract. The article is devoted to the history of the classics of Czech Literature Alisa Irasek. The peasants, the townspeople, Rudokop performed for the Writer the main carriers of historical development. The criterion for evaluating kings, military leaders, clergy and other historical figures, he is serving to his people. The deep knowledge of the psychology of the Epoch was achieved by the desire to hear folk votes when reading the ancient manuscripts, oral materials recorded from the words of old-timers. Looking in everyday life, vocabulary, traditional value system, reflected in proverbs and sayings, songs and legends, the writer detected the determining factors of national development, revealed in the works of an epic nature of the content of the political, social and cultural life of Chekhov and their neighbors.

Key words: folk history, Alois Iraceek, legends, songs, legends, epic works, peasant worldview.

В Чехии даже дети знают песню «Кто же вы, Божьи воины?» и рассказывают легенду о том, как малочисленные, но громко и мощно поющие отряды гуситов заставили обратиться в бегство полчища закованных в броню крестоносцев. Историки до сих пор ставят вопросы: насколько у этой народной песни версия истории битвы у Домажлиц (1431) соответствует реальности? Одержали ли чехи победу над многократно превосходящими их немецкими рыцарями всего лишь громогласным пением? [1]. Однако историзм этой легенды в ином: столетиями уверенность в ее достоверности придавала страдающему народу веры в собственные силы. Легенду и песню, которые воодушевляли чешский народ в условиях сурового гнета Австро-Венгерской монархии, а позднее, в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, способствовали укреплению национального самосознания, извлек из глубин народной памяти и сделал достоянием национальной гордости учитель истории, замечательный писатель, классик чешской литературы Алоис Йирасек (1851–1930).

Народная культура, исторические песни, предания, легенды окружали Йирасека с детства. «Собственно говоря, я крестьянского рода, – вспоминал писатель. – История моего рода проста. Его судьба – судьба всего чешского крестьянства. Много в ней притеснений, а в былые времена самое тяжелое – это рабство, да барщина» [2]. Мать Йирасека, простая чешская женщина, привила сыну любовь к труду и родной старине. В детстве и позднее, уже будучи известным литератором, он любил подолгу слушать ее рассказы о прошлой жизни чешских крестьян. «Из воспоминаний матери я почерпнул не один образ, не одну интересную, даже редкую деталь», – отмечал он [3].

Ещё в детстве писателя увлекали передававшиеся из поколения в поколение предания о гуситских войнах, о Яне Жижке, о наполеоновской эпохе и о приходе русских в Чехию. «Из сказок, бесед с соседями <…> поднималось, росло и крепло во мне национальное самосознание» [4].

Систематизировать знания о прошлом чешского народа Йирасеку помогло специальное образование, полученное на историческом отделении философского факультета Карлова университета в Праге, а

также последующая служба учителем истории в старинном городе Литомышль, а затем в Праге. Он постоянно следил за новинками в области исторических исследований, посвященных родной Чехии [5]. Исторические взгляды писателя определялись близостью к крестьянству, а также знакомством с русской классической литературой: Йирасек был восторженным поклонником Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Особенно влекло Йирасека к творчеству Гоголя [6]. В повести «Тарас Бульба», которая неоднократно переводилась на чешский язык во второй половине XIX в. и ставилась на чешской сцене [7], литомышльский учитель находил для себя мотивы обращения к народному творчеству. Гоголь при создании своего произведения не только использовал слова, образы и сюжеты казачьих героических песен (дум), но и предоставил возможность самим героям, самой эпохе рассказать о себе, воскресил дух и атмосферу времени борьбы украинского народа с национальным и религиозным гнетом [8]. Историзм Гоголя по отношению к текстам народной истории в полной мере передан в его статье «О малороссийских песнях»: «Историк не должен искать в них показания дня и числа битвы или точного объяснения места, верной реляции: в этом отношении немногие песни помогут ему. Но когда он захочет узнать верный быт, стихии характера, все изгибы и оттенки чувств, волнений, страданий, веселий изображаемого народа, когда захочет выпытать дух минувшего века, общий характер всего целого и порознь каждого частного, тогда он будет удовлетворен вполне; история народа разоблачится перед ним в ясном величии» [9].

Представляется, что влияние гоголевского историзма, а также глубокая связь с народом обусловила содержание исторической концепции Алоиса Йирасека. Отличительная особенность произведений писателя – насыщенность их народной поэзией. Сказки, легенды, песни, пословицы, поговорки – всё это творчески использовалось им для отражения исторического опыта чешского народа, его чувств, труда и подвигов [10]. Большую роль в передаче исторического колорита времени играет у него лексика. В его произведениях немало старых слов, обозначающих названия частей костюма, оружия, общественных институтов, различных должностей. Оттенки народных наречий передаются в языке крестьян и горожан, немецкими выражениями и оборотами изобилует лексикон буржуа,

церковная и латинская лексика свойственна речам священников и монахов [11]. А. Йирасек до совершенства довел метод подготовки материалов для своих произведений: ездил по местам исторических событий, знакомился с потомками своих героев, изучал местные памятники материальной культуры, диалект, пословицы и поговорки [12]. Российский славист, переводчик и литературный критик Андроник Иоанникиевич Степович, представляя русскому читателю рассказы Йирасека в 1884 г., отмечал: «Такие рассказы, как "Дворский", "Залиш", "Дивоус" полны глубокого интереса по тем данным чешской этнографии (особенно хорошо представлены простонародные поверия), которые в таком изобилии находятся в них» [13].

Крупнейший исследователь творчества А. Йирасека, чешский историк Зденек Неедлы уже по поводу ранних произведений писателя отмечал: «Его (А. Йирасека. – О.М.) историческое творчество проникается истинно народным духом, и он целиком отдает его на службу народным массам» [14]. Крестьяне, горожане, рудокопы выступали для писателя основными носителями исторического развития. Критерием оценки королей, военачальников, духовенства и других исторических деятелей у него является служение своему народу. Поэтому Йирасек нередко противостоял взглядам современных ему представителей чешской исторической науки. Так, крупнейший представитель консервативного направления чешской историографии второй половины XIX в. Вацлав Владивой Томек считал установление австрийского господства и потерю национальной независимости чехами положительными моментами. Победа абсолютизма, по его мнению, спасла чешский народ от разгула шляхетской анархии, способствовала объединению чешских земель. Проводившаяся Габсбургами контрреформация и германизация рассматривались историком как приобщение чехов к более высокой немецкой культуре [15].

Другой чешский историк Йозеф Пекарж не усматривал прогрессивного значения в гуситском движении, отказывался видеть «эпоху тьмы» в австрийском владычестве, подчеркивал сходство государственной жизни немцев и чехов [16].

Йирасек же впервые в чешской истории и литературе трактовал гуситство как массовое выступление широких народных масс, в

котором видел единство социальной и национально-освободительной борьбы [17]. В трилогии «Между течениями», эпопеях «Против всех», «Братство» А. Йирасек создает большой силы эпическое полотно, воссоздающее подвиги гуситских армий. Полемизируя с современными ему чешскими историками, пытавшимися исказить образ Яна Жидки, писатель в реалистических красках рисует образ народного вождя, его близость к чешскому крестьянству. В романе «Братство» причины поражения таборитов Йирасек усматривает в отходе вождей после смерти Жижки от коллективных интересов, в столкновениях корыстных чувств жажды власти и обогащения [18].

С гоголевскими казаками роднит изображение А. Йирасеком мужественной борьбы за свои права чешских ходов в романе «Псоглавцы». Ходы – это субэтнос чешского народа, группы которого компактно проживали в районах Тахова, Домажлиц и Пршмиды и за охрану южных границ государства от чужеземных вторжений пользовались особыми привилегиями от чешских королей. На знамени Ходского войска была изображена собачья голова – символ верности и службы, которую они несли с помощью больших и сильных псов. Поэтому ходов ещё называли «псоглавцы». Когда Чехия после битвы у Белой горы в 1620 г. потеряла свою независимость, императорский наместник перестал признавать ходские вольности. Роман основан на реальном событии 1693 г., когда на глазах у представителей ходов императором были уничтожены все их старые грамоты на привилегии [19], однако в изложении Йирасека заставляет вспомнить и характерный для казачьих преданий сюжет об утраченной жалованной грамоте. Так, в предании уральских казаков говорилось, что «дана им была на реку Яик с сущими при ней реки и протоки и со всякими угодья от вершин той реки до устья, Его Великого Государя жалованная грамота, чтоб им на той реке жить и владеть, и Ему Великому Государю служить казачью службу, и набираться на житие вольными людьми. Токмо-де та грамота в давних годах в пожарное время сгорела» [20].

Гордые ходы не могли смириться со своим положением, хранили свои грамоты в заветном дубовом ларце. Чтобы избавить бывших вольных пограничников от надежд на справедливость, этот ларец старается в романе «Псоглавцы» разыскать барон Максимилиан Ламмингер, получивший ходов в наследство.

Другим традиционным мотивом, задействованном Ирасеком в романе «Псоглавцы», стал мотив «Божьего суда». Приговоренный к виселице предводитель восставших ходов Ян Козина, стоя на помосте, предвещает барону встречу на Высшем суде. Барона Ламмингера стали мучить по ночам кошмары, он стал раздражительным и злым, жаловался на здоровье и все время вспоминал, как бунтовщик с петлей на шее осмелился вызвать его на суд Божий. Ровно через год и один день он внезапно умер от удара. Ходы, узнав о смерти барона, восклицают: «Есть ещё справедливость! Есть ещё Бог!», считая, что выиграл их Козина, а не барон. «Из поколения в поколение, заканчивает свое повествование Йирасек, – передавались и будут передаваться рассказы о нём, пока на прекрасной Шумаве, в тех краях у Домаждлице, обильно орошенной ходской кровью, живут еще потомки мужественных псоглавцев – славное племя, верное языку, обычаям и костюмам своих предков» [21].

Хорошо помню: любимым чтением детей в 1970-е годы были «Старинные чешские сказания» Алоиса Йирасека, которые неоднократно издавались в нашей стране большими тиражами и с роскошными иллюстрациями. Они представляют собой обработку и переложение произведений устного народного творчества, а также книжных средневековых памятников – «Чешской хроники» Козьмы Пражского XII в. и стихотворной «Далимиловой хроники» XIV в. Однако книга не случайно посвящена этнографу и собирателю фольклора Франтишеку Бартошу: тексты излагаются вдохновенным языком народного сказителя, в легендарной форме передают наиболее яркие события чешской истории. Легенды о Чехе, Лехе, Кроке, Либуше, Пршемысле во многом основываются на идее общеславянского этногенеза А. Йирасек выстраивает также мифологему родства верховной власти и простого народа, близкую к народным представлениям о «крестьянском царе» [22]. Эта черта акцентируется родом занятий Пршемысла-пахаря. После того, как родоначальник чешской династии королей одевает облачение монарха, но берет с собой корзину и лапти, на удивление послов Пршемысл отвечает: «Взял для того, чтобы дать их вам на вечное сохраненье: пусть знают потомки мои, откуда они происходят, пусть живут они в страхе перед богами, не ослепляясь гордыней, не угнетая подвластных людей, ибо все мы равны» [23].

Ряд сказаний Йирасека посвящен расцвету чешского государства при Карле IV, появлению великолепных построек Златы Праги. Немало текстов относится к эпохе гусизма, которая в народных представлениях воплощала яркие страницы борьбы за независимость.

«Сказания» отразили немало известных в славянских культурах фольклорных сюжетов. Так, в изложении А. Йирасека чешские крестьяне воспринимают пещеру в горе Бланик своеобразным временным тоннелем, уничтожающим время и смерть как зло. В пещере «дремлют вооруженные рыцари», «войско святого Вацлава», дожидаются дня, когда понадобится их помощь [24]. Параллели данному сюжету встречаются, например, в нарративах, формирующихся в русле культурного ландшафта донского русско-украинского пограничья [25]. Недаром историк Зденек Неедлы, отмечая значение «Старинных чешских сказаний», говорил: «Перед нами открывается душа нашего народа, его народная философия, мы познаем его моральные и исторические взгляды» [26]. К сказаниям Йирасека вполне приложимы и слова А.М. Горького о том, что «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества, и что «фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории» [27]. Горький высоко оценил идейно-воспитательное значение «Старинных чешских сказаний», с которыми познакомился еще в дореволюционном переводе в 1899 г. «Сказания» настолько захватили пролетарского писателя, что он рекомендовал их в качестве обязательного чтения своему сыну Максиму, обращался к ним в своей публицистике [28].

В своих исторических взглядах А. Йирасек был близок к тем, кто ратовал за единение славянских народов. Идея славянской взаимности приобретает звучание уже в одном из ранних рассказов Йирасека «На кровавом камне», где писатель сочувственно отнесся в героической борьбе болгар и сербов против турецких поработителей на Балканах. В трилогии «Братство» он большое внимание уделил дружбе чехов и словаков, рассматривая её как жизненно важный союз народов с общей исторической судьбой.

В сказании «Пророчество слепого юноши» говорится о письме Карлу IV, состоящему из загадочных букв. Буква З означает запад, с которого на Чехию грянут вооруженные полчища, «и тогда придет время самой жестокой и решительной битвы». Буква В «означает

народ с востока, народ могущественный, который будет бороться со своими соседями, но чехам никакого вреда не причинит» [29].

Эпопея «Ф.Л. Век», где мы встречаем прекрасные страницы о России и её доблестной армии, уральских казаках, Суворове, не оставляет никаких сомнений в подлинных чувствах чешского писателя к русскому народу: «Их (русских солдат и офицеров. – О.М.) приняли в Праге как союзников, как героев победоносных сражений, – писал А. Йирасек, – а здесь узнали, что эти грозные воины, кроме смелости и храбрости, обладают благородными чувствами и добрым сердцем. А пленительная родственность языка завязала узелок дружбы ещё крепче. Это понимали пока немногие, лишь те, кто боролся за жизнь родного народа и защищал его язык. В этой родственной связи они видели источник новой силы, и вера их крепла» [30].

Уважение и любовь к русскому народу писатель высказывал не только на страницах своих произведений, но и в частных беседах, воспоминаниях, письмах. К рисунку русского богатыря, подаренному Йирасеку в результате одной из таких бесед его близким другом художником Алешом, последний сделал такую надпись: «До тех пор не будет хорошо в Чехии, пока русский конь не напьется из Влатвы» [31].

В то же время Алоис Йирасек не мог остаться равнодушным к трагедии польского восстания 1863 г. В повести «Собота» он описывает отголосок этих событий в Чехии, где «все молодое и народное взяло сторону польских революционеров».

Свободолюбивый характер ирасековского творчества, воспевание героических страниц борьбы чехов и других славян с захватчиками вызывали бешеную ненависть гитлеровцев, которые запрещали и сжигали книги писателя. В годы Великой Отечественной войны в советском журнале «Интернациональная литература» появился специальный раздел «Героические традиции славянских народов». Здесь наряду со стихами Адама Мицкевича, Христо Ботева, рассказами Генрика Сенеквича печатались части романа Алоиса Йирасека «Против всех». Они рассказывали советским людям о подвигах гуситского войска, одержавшего победу над армией германского императора Сигизмунда. Так герои произведений Йирасека внесли свой вклад в победу над фашизмом, вдохновляя

примерами славянского братства и доблести на борьбу с коричневой чумой.

Подход Алоиса Йирасека к истории, согласно которому наиболее реальное, аутентичное отражение прошлого воплощено в многоцветной палитре крестьянского мировоззрения выступает сегодня путеводной звездой для исследователей народных исторических представлений и напрямую связанной с последними этнокультурной идентичности. Глубокое знание психологии эпохи достигалось стремлением услышать голос народа при прочтении древних рукописей, устных материалов, записанных со слов старожилов. Вникая в повседневность, лексику, традиционную систему ценностей, отраженную в пословицах и поговорках, песнях и преданиях, писатель выявлял определяющие факторы национального развития, раскрывал в произведениях эпического характера содержание политической, общественной и культурной жизни чехов и их соседей. Его герои исторически правдивы, поскольку воплощают в себе наиболее типические черты гуситов, ходов, землепашцев и горняков, выражают устремления своего времени. Алоис Йирасек заложил своеобразную концепцию народной истории, которая выстраивает пространственно-временную и функционально-содержательную систему координат, связывает прошлое и настоящее, уверенно смотрит в будущее.

Примечания

1. *Бучанов И.И.* 2008.04.008. Лысы М. Походы гуситов в Венгрию в 1428–1431 гг. Lysy M. Husitské vpady do Uhorska v rokoch 1428–1431 // Historický časopis. – Bratislava, 2007. – Roč. 55, Č. 3. – S. 3–45 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: история. Реферативный журнал. – 2008. – № 4. – С. 51.

2. Цит. по: *Шуплецов Б.* Алоис Ирасек (1851–1930) // *Ирасек А*. Сочинения в восьми томах. – Т. 1. Старинные чешские сказания. Скалаки / *Под ред. Б. Шуплецова и А. Павловича*. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. – С. 6.

3. Цит. по: *Филипчикова Р.Л.* Алоис Ирасек (23 августа 1851 – 12 марта 1930) // Очерки истории чешской литературы XIX–XX веков / *под ред. Д.Ф. Маркова, С.В. Никольского, С.А. Шерлаимова*. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 311.

4. Там же.

5. *Богатырев П.* Алоис Ирасек и его книга «Старинные чешские сказания» // https://royallib.com/read/irasek_alois/starinnie_cheshskie_skazaniya.html#0 (Дата обращения 11.10.2021).

6. Алоис Ирасек. Биография и обзор творчества // https://www.winstein.org/publ/25-1-0-1062 (Дата обращения 21.07.21).

7. *Лаптева Л.П.* Н.В. Гоголь и отражение его творчества в чешской литературе XIX века (по данным В.А. Францева) // Н.В. Гоголь и славянские литературы / *Отв. ред. Л.Н. Будакова*. – М.: Изд-во «Индрик», 2012. – С. 276.

8. *Монахова И.Р*. Украинские и русские народные песни в жизни Гоголя // Н.В. Гоголь и славянские литературы / *Отв. ред. Л.Н. Будакова*. – М.: Изд-во «Индрик», 2012. – С. 172.

9. *Гоголь Н.В.* О малороссийских песнях // *Гоголь Н.В.* Полн. собр. соч. в 14 т. – Т. V. – М., Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – С. 172–173.

10. *Филипчикова Р.Л.* Указ. соч. – С. 324.

11. Там же.

12. *Шуплецов Б.* Указ. соч. – С. 18.

13. *Филипчикова Р.Л*. Алоис Ирасек в России и в СССР // Чехословацко-советские литературные связи. – М.: Изд-во «Наука», 1964. – С. 12.

14. Цит. по: *Шуплецов Б.* Указ. соч. – С. 19.

15. Историография истории южных и западных славян / *отв. ред. И.В. Созин*. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. – С. 66.

16. Там же. – С. 70–71.

17. *Филипчикова Р.Л*. Алоис Ирасек (23 августа 1851 – 12 марта 1930). – С. 319.

18. Там же. – С. 320.

19. История Чехословакии в трех томах. – Т. I. / *Под ред. Г.Э. Санчука и П.Н. Третьякова*. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С. 280.

20. *Левшин А.И*. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. – СПб.: Воен. типогр., 1823. – С. 14.

21. *Ирасек А*. Сочинения в восьми томах. Т. 2. Философская история. Псоглавцы. – М.: Гос. изд.-во худож. лит-ры, 1955. – С. 372.

22. *Мельников Г.П*. Чешская этатизационная легенда в средневековой хронистике // Вестник славянских культур. – 2014. – № 2 (32). – С. 11.

23. *Ирасек А*. Сочинения в восьми томах. – Т. 1. Старинные чешские сказания. Скалаки / *Под ред. Б. Шуплецова и А. Павловича*. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1955. – С. 58.

24. Там же. – С. 317.

25. *Степкин В.В.* Восприятие пещеры как пространственно-временного тоннеля в народной культуре лесостепного Подонья // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2004. – № 4-3(30). – С. 169–172.

26. Цит. по: Старинные чешские сказания. Комментарии Н. Пашаевой и Б. Шуплецова // *Ирасек А*. Сочинения в восьми томах. – Т. 1. – С. 580.

27. *Горький А.М.* Доклад на Первом Всесоюзном съезде советских писателей 17 августа 1934 года // https://ruslit.traumlibrary.net/book/gorkiy-pss30-27/gorkiy-pss30-27.html#s054.

28. *Филипчикова Р.Л.* Алоис Ирасек в России и в СССР. – С. 26.

29. *Ирасек А*. Сочинения в восьми томах. – Т. 1. – С. 307.

30. *Ирасек А*. Сочинения в восьми томах. – Т. 5. Ф.Л. Век. Часть 3. – М.: Гос. изд-во худож. лит-ры, 1957. – С. 454.

31. Цит. по: *Филипчикова Р.Л.* Алоис Ирасек в России и в СССР. – С. 7.

А.В. Копршивова
(г. Прага, Чешская Республика)

АЛОИС ЙИРАСЕК ИЛИ КАК ПРОСТО ЗЛОУПОТРЕБИТЬ АВТОРОМ, КОТОРЫЙ НЕ МОЖЕТ СЕБЯ ЗАЩИТИТЬ

Аннотация. Автор посвящает очерк Алоису Йирасеку – чешскому писателю, автору исторических романов патриотического характера и общественному деятелю (1851, Гронов (Hronov) – 1930). На разных этапах истории Чехословакии его творчество служило основой патриотического воспитания или пропаганды.

Ключевые слова: Алоис Йирасек, Чехословакия, книги, кино, патриотизм, независимость.

A.V. Koprshivova
(Prague, Czech Republic)

ALOIS JIRASEK OR HOW EASY IT IS TO ABUSE AN AUTHOR WHO CANNOT PROTECT HIMSELF

Abstract. The author dedicates the essay to Alois Jirasek, a Czech writer, author of historical novels of a patriotic nature and a public figure (1851, Gronov-1930). At different stages of the history of Czechoslovakia, his work served as the basis for patriotic education or propaganda.

Key words: Alois Jirasek, Czechoslovakia, books, cinema, patriotism, independence.

В прошлом году тихо и незаметно отметили, как будто и не отметили 90 лет со дня кончины этого писателя. В этом году, 23

августа 2021г., также тихо вспомнили, что от даты его рождения уже прошло долгих 170 лет.

Что сказать о писателе? Его книги сегодня мало кто читает, но его имя знакомо каждому и даже тому, кто из его книг не прочел ни строчки. В оправдание можно сказать, что интерес к чтению книг в Чехии значительно упал. Молодежь читает исключительно выборочно, отдавая предпочтение жанрам фантастики и фэнтези, а также литературным сюжетам, переведенным на язык кино. Эта читательская незаинтересованность коснулась не только творчества А. Йирасека, но и многих других писателей.

Судьба его литературного наследия интересна сама по себе. Его творчество было популярным около 50 лет и достигло пика в двадцатых годах прошлого века. Когда Йирасек умер в 1930 г., вся нация попрощалась с ним как с великим писателем, драматургом и общественным деятелем. Его книги еще с конца XIX в. стали духовной опорой в борьбе за национальную независимость. Они поддерживали читателей в эпоху Первой мировой войны и подготовили, по меньшей мере, два поколения граждан к активному строительству Чехословацкой Республики. Не лишним будет повторить, что важнейшую роль при возникновении республики сыграли иностранные легионы [1], сокольское движение и его идеалы [2] и книги А. Йирасека.

В 1930-х гг. с появлением нового поколения писателей книги Йирасека отошли на задний план, чтобы славно вернуть себе внимание читателя в грозное для республики время перед Второй мировой войной и после гибели республики в эпоху немецкого протектората [3]. Действительно, в это время люди снова обратились к классической литературе, которая выходила большими тиражами с красивым художественным оформлением. Покупка такой книги считалась проявлением патриотизма и веры в лучшее будущее.

После войны, в 1950-х гг. Йирасек мог бы радоваться. Он стал самым издаваемым автором. Его книги выходили невероятно большими тиражами. К сожалению, это не было вызвано искренним интересом читателей или другими естественными причинами, а стало результатом решения Коммунистической партии и правительства. Была создана так называемая «акция Йирасека», которая поставила перед собой задачу использовать (а на поверку – злоупотребить)

некоторые работы автора для поддержки новой идеологии. Поэтому были опубликованы не все его книги, а только те, которые посвящены истории XV века: Яну Гусу, гуситскому движению и гуситским войнам, военачальнику Яну Жижке, трагической битве при Липанах, а также истории XVII века: периоду реформации и трагической битве на Белой горе, последовавшей за этим казнью лидеров народного восстания, насильственному возвращению католичества и бегству из страны несогласных.

В то же время выдвигалась совершенно новая интерпретация произведений Йирасека. Якобы он первым понял, что гуситы были собственно предтечей коммунистов. Их борьба, на самом деле, была идейной и национальной борьбой против засилья иностранцев, прежде всего немцев, и против католической церкви. Был придуман лозунг: «Коммунисты – прямые наследники гуситов». Каждая книга сопровождалась идеологическим предисловием в том же духе. Выдающиеся книги Йирасека, посвященные истории XIX века, остались вне сферы интересов организаторов этой акции.

Подписка на новые книги была обязательной для всех публичных библиотек. Особенно внимательно следили за обязательным чтением книг в военных гарнизонах. Был проведен конкурс так называемого «Значка достижений Фучика» со списком обязательного чтения. Значок вручали тому, кто прочитал все предписанные книги, или, по крайней мере, утверждал, что прочел их и прошел затем проверку своих знаний. Особенно популярными были экзаменационные вопросы типа: «А теперь расскажите нам своими словами, что автор хотел этим сказать». Экзамены часто были формальными и всегда успешными, потому что о количестве успешно их сдавших сообщалось в соответствующие инстанции. Все это с юмором вспоминали все, кто в 1950-е гг. служил в армии. А чрезвычайно глупые ответы стали частью юмористических книг.

Аналогично с творчеством А.К. Йирасека обращались на уроках литературы в школах, на выпускных экзаменах и на вступительных экзаменах по литературе на гуманитарных факультетах. Неудивительно, что книги Йирасека были несколькими поколениями читателей затерты до дыр. Бедный Алоис Йирасек!

А это еще он не увидел, как в 1950-х гг. по его книгам сняли фильмы. Интерес к творчеству Йирасека у кинематографистов

появился с самого начала индустрии кино в Чехословакии. Первым (1925 г.) был снят еще немой фильм «Фонарь» (Lucerna). Его повторно отсняли в звуковом кино с тем же названием в 1938 г. к 20-летию провозглашения независимости Чехословакии. В это же время были сняты еще три фильма по мотивам книг Йирасека: «Философская история» (Filosofská historie), «Псоглавые» (Psohlavci) и драма «Войнарка» (Vojnarka).

В 1950-х гг., в разгар Йирасковой акции, были быстро отсняты фильмы, которые были посвящены гуситской тематике. Все успешные и неудачные сражения с сотнями занятых в них статистов, боевой экипировкой и лошадьми, дорогостоящими макетами зданий и интерьеров, доспехами, костюмами – все это должно было послужить выбранным идеологическим задачам. Фильм является отличным средством пропаганды, и многие до сих пор представляют себе данное время и события такими, какими они видели их на киноэкране. Я в то же время посмотрела советский фильм «Кубанские казаки» в пражском кинотеатре. И по сей день помню, как мне понравился фильм, как это было красиво: цвели подсолнухи, золотились колосья, кубанские казаки плясали, хотя теперь знаю, что реальность была несколько иной.

Помимо фильмов про гуситов был снят фильм «Тьма» (Temno) на антикатолическую тематику с крайне негативным изображением членов ордена иезуитов. Фильм начали демонстрировать, ведя идеологическую подготовку запланированной акции против католической церкви, связанной с разрушением мужских и женских монастырей, принадлежащих к разным церковным орденам.

Каждое государство создает свою мифологему, но ее не должны насаждать в умы граждан. И она должна хоть немного соответствовать истине. Трагедия творчества Йирасека в том, что им много злоупотребляли и спекулировали.

Теперь было бы уместно вкратце рассказать о его жизни и работе.

Алоис Йирасек родился 23 августа 1851 г. в северо-восточной Чехии в местечке Гронов и умер в Праге 12 марта 1930 г. Он был похоронен в Гронове, где с благоговением относятся к его родному дому и его могиле. Он родился в большой и относительно небогатой семье. Любил свой Гронов и родной край, отразив его историю,

природу и человеческие судьбы в своих произведениях – в хронике «У нас» и пятитомной эпопее «Ф.Л. Век»).

Учился он сначала в гимназии в г. Градце-Кралове (Восточная Чехия), потом в гимназии при бенедиктинском монастыре в Брумове, закончив которую поступил на философский факультет Пражского университета и посвятил себя изучению истории. У него была хорошая языковая подготовка, он овладел латынью, греческим и немецким языками, необходимыми для чтения архивных материалов. Успешно окончив учебу, он вернулся в родной край, в г. Литомышль, где в 1874 г. начал работать учителем истории и географии. В Литомышле Йирасек женился, там родились его первые дети, и там он начал систематически публиковаться. В 1888 г. семья переехала в Прагу, где Йирасек полностью посвятил себя писательской и редакторской деятельности.

Он был очень скрупулезен при написании книг, просматривал все доступные архивные материалы, относящиеся к данному историческому периоду. Он изучал до деталей предметы одежды, оружие, архитектуру, хозяйственную жизнь и обычаи того времени. Места, которые он описывал, он тщательно сам обходил, замечая природу, русла рек и потоков, следы старых дорог, полей и построек, топографические особенности края. Как истинный писатель-реалист, историк, он описывал все очень подробно и очень правдоподобно. В то время, когда еще не было пишущей машинки, он написал тысячи страниц пером и чернилами. Тысячам страниц его Собрания сочинений в сегодняшнее торопливое и насыщенное событиями время будет трудно искать терпеливого читателя.

Какие работы Йирасека живы и читаемы по сей день? Из театральных пьес благодарный зритель любит пьесу «Фонарь» (Lucerna), которую исполняют как профессиональные, так и любительские театральные труппы. Замечательную и вдохновляющую театральную пробу осуществили в Праге в прошлом году. Сюжеты трех драм Йирасека: «Ян Гус» (Jan Hus), «Ян Жижка» (Jan Žižka) и «Ян Рогач с Дубы» (Jan Roháč z Dubé) удалось объединить в один спектакль. В сжатой форме удалось охватить всю проблематику сложного и противоречивого гуситского периода.

Из книг до сих пор живы «Старинные чешские сказания», книга легенд и сказаний с доисторических времен, которые в какой-то

степени напоминают русские былины с их храбрыми богатырями. Старые чешские сказания неразрывно связаны с основными представлениями о далеком необъяснимом прошлом. Йирасек написал их в то время, когда формировалось чешское национальное сознание. Тогда нужно было найти свое героическое народное прошлое, даже путем создания литературных подделок, таких как Краловедворская и Зеленогорская чешские фальшивые рукописи. За их подлинность велись ожесточенные бои между патриотически настроенными защитниками и противниками, которые выступали против прославления ложного национального прошлого. Хотя рукописи были обнаружены как подделка, они вдохновили ведущих художников, скульпторов и композиторов на создание выдающихся произведений. Так же «Старинные чешские сказания» Йирасека стали источником вдохновения для многих иллюстраторов. А художник И. Трнка (J. Trnka) запечатлел их в превосходном кукольном мультфильме.

Популярны для чтения и короткие рассказы Йирасека, такие как «На воеводском дворе», посвященная г. Литомышлю «Философская история» – пример из студенческой жизни накануне революционного 1848 г. Еще одним востребованным произведением является объемистая хроника «Ф. Л. Век», которая была спасена от забвения благодаря снятому по этому произведению фильму. Многосерийный телевизионный фильм с выдающимися актерами был создан в 1968 г. и транслировался в начале 1969 г. Во время всеобщей национальной депрессии фильм обрел необычайный резонанс и высокие просмотровые рейтинги, которые не снижаются до настоящего времени.

Йирасек был очень активен в общественной и политической жизни Литомышля и Праги. Он участвовал в культурных мероприятиях, общаясь со всеми знаменитыми личностями того времени. Он принимал участие в закладке первого камня при строительстве Национального театра и здания Национального музея. Он стал членом Чешской академии наук и искусств, членом Независимого союза легионеров и Международной организации писателей (Penklub). Его четыре раза безуспешно номинировали как чешского писателя на Нобелевскую премию.

В 1917 г. он был автором манифеста чешских писателей, который был адресован чешским депутатам парламента в Вене. Манифест был

подписан 222 видными общественными деятелями и призывал депутатов последовательно отстаивать в Вене национальные интересы. Его общественная деятельность достигла кульминации в 1918 г., когда 13 апреля он принес так называемую «народную присягу» на общенародном собрании в Праге, 14 ноября участвовал в первой сессии революционного народного собрания и 21декабря от имени нации приветствовал на пражском вокзале Т.Г. Масарика, возвратившегося на освобожденную родину. С Масариком его связывала старая дружба и то, что они были близки по возрасту. В 1926 г. Масарик лично посетил Йирасека в Гронове, а в 1930 г. присутствовал на его похоронах.

Благодарные земляки не забывают Йирасека. В 1930 г. в Гронове было построено здание театра, в котором с 1931 г. под названием «Гронов Йирасека» (Jiráskův Hronov) и по сей день проводятся ежегодные представления и конкурсы любительских театральных коллективов. Город заботится о родном доме Йирасека и месте его последнего упокоения. На пражском доме, где жил Йирасек, установлена мемориальная доска, а в 1960 г. на небольшом газоне перед домом была установлена его статуя, теперь это место называется Площадь А. Йиерасека.

Остается еще важная тема: Алоис Йирасек и русская эмиграция в Чехословакии, Русская акция помощи (в этом году будет 100 лет с момента ее начала).

Большинство чешских патриотов в конце XIX – начале XX в. искало защиты от германизации в славянофильстве, которое они считали важнее просто русофильства. Поиском общих славянских корней Алоис Йирасек заинтересовался уже при написании «Старинных чешских сказаний». Его интересовали все национальные движения в славянских землях, он всячески поддерживал славянскую общность. Глубоко переживая трагедию Гражданской войны в России и судьбу русской эмиграции, он участвовал в акциях помощи. Он был автором петиции с призывом помочь России, которая 2 октября 1921 г. появилась на страницах чешских газет. За этот поступок Йирасек был назначен почетным членом Общества русских писателей и журналистов Чехословацкой Республики. С 1918 г. и до своей смерти он был членом культурного объединения «Чешско-русского единства» (Česko-ruská Jednota) и последним председателем Общества по

возведению памятника Русскому воину, который должен был стоять на Ольшанском кладбище Праги рядом с православной церковью Успения Пресвятой Богородицы. Обществу удалось организовать только церемонию закладки первого камня, в которой приняли участие представители чехословацкой армии и легионерских объединений, а также представители дипломатического корпуса и широкой общественности. На этом все и закончилось. После смерти А. Йирасека его функции никто на себя не взял. Политические настроения начали меняться. Приближалось подписание чехословацко-советского договора, и памятник Русскому воину перестал быть актуальным. Первоначальный камень фундамента был использован много лет спустя для строительства часовенки на кладбище.

Примечания

1. Чехословацкие легионы, 2006. [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://web.archive.org/web/20141218003737/http://www.valecnehroby.army.cz/htm/ru/r_3_0_1.html (Дата обращения 22.09.21).

2. «Hej, sokoly!»: Сокольское движение в Чехии, 2017. [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://vesparevenge.ru/?p=8737 (дата обращения 23.09.21).

3. *Барбарунова З.А., Копршивова А.В.* Коллаборационизм или труд ради «хлеба насущного». Граждане бывшей Чехословакии и русские эмигранты на ее территории на работах в Германском рейхе в 1938–1939 // Славянские народы и их соседи во Второй мировой войне. Вклад в победу над фашизмом (1939–1945): Материалы Международной научно-практической конференции / *Науч. ред., сост. Э.Г. Вартаньян. О.В. Матвеев*. – Краснодар: Изд-во «Традиция», 2020. – С. 159–160.

З.С. Ненашева
(г. Москва, Российская Федерация)

100-ЛЕТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ЧЕХО-СЛОВАКИИ В 1918 г. КАК ФАКТОР ОСМЫСЛЕНИЯ ПРИЧИН РАСПАДА АВСТРО-ВЕНГРИИ В СОВРЕМЕННОЙ ЧЕШСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация. В статье указывается на особое место юбилейных дат в развитии историографии в современной Чешской республике. Таким стало и 100-летие образования независимого государства чехов и словаков в 1918 г. Из большого блока публикаций для анализа выбрана монография профессора Карлова университета Яна Рыхлика, который попытался рассмотреть распад Австро-Венгрии и образование Чехо-Словакии с учетом взаимодействия внешних и внутренних факторов. Его оригинальные размышления над историографией по этому кругу проблем представляют несомненный интерес для российских специалистов по истории Центральной Европы.

Ключевые слова: Чехо-Словакия, историография, юбилейные даты, 1918 год, Ян Галандауэр, Ян Рыхлик.

Z.S. Nenasheva
(Moscow, Russian Federation)

THE 100TH ANNIVERSARY OF THE FORMATION OF CZECHO-SLOVAKIA IN 1918 AS A FACTOR OF THINKING THE REASONS OF THE DISSOLUTION OF AUSTRIA-HUNGARY IN MODERN CZECH HISTORIOGRAPHY

Abstract. The article is pointed out special role of anniversaries in the evolution of modern historiography in Czech Republic, especially the 100th anniversary of the formation of independent Czecho-Slovakia in 1918. The author focuses on monograph of professor Jan Rychlík, who tried to analyze the dissolution of Austria-Hungary and formation of Czecho-Slovakia taking into account external and internal factors. His original conclusions are interesting for Russian researchers of Central Europe.

Key words: Czecho-Slovakia, historiography; anniversaries; Jan Rychlík; Jan Galandauer.

Из юбилейных изданий последнего тридцатилетия следует указать на книгу Яна Галандауэра «Возникновение Чехословацкой

республики. 1918. Программы, проекты, перспективы», вышедшую в Праге в 1988 г. Она интересна тем, что представляет точку зрения историков, на тот момент еще существовавшего общего государства чехов и словаков. Необходимо обратить внимание и на такой факт, как включение в монографию практически всех (их 23) важнейших документов эпохи образования нового государства.

О том, как шел поиск новых подходов в освещении обозначенной проблематики, может свидетельствовать сборник очерков, привлекающий внимание читателей своим названием (в условном переводе) «Бойцы октября 1918 г. Судьбы участников создания Чехословацкой республики» [1]. Материалы, вошедшие в него, должны были выйти в свет в журнале «Střed». По своему замыслу эта публикация была подготовлена к 90-летию возникновения Чехо-Словакии. В данном контексте любопытно наблюдение составителя сборника, сделанное на основе анализа ситуации на философском факультете Карлова университета. Так он отмечает, что интерес к этой проблематике заметно угас в первое десятилетие после бархатной революции [2]. На этом фоне обращает на себя внимание стремление авторов сборника представить, как пережили дни, недели и месяцы 1918–1919 гг. менее известные читателям деятели, также «связанные с октябрьским переворотом 1918 г.». Книга включает 15 хорошо фундированных очерков, каждый из которых совершенно по-новому представляет своих героев.

Не умаляя значение других юбилейных изданий, увидевших свет к 100-летию образования самостоятельного государства чехов и словаков, хотелось бы остановиться на монографии профессора Карлова университета, доктора исторических наук Яна Рыхлика «Распад Австро-Венгрии и возникновение Чехословакии» [3]. Она вызывает интерес, учитывая несколько факторов.

Во-первых, ее автор известный исследователь, который системно занимается изучением не только чешской и словацкой истории XIX–XXI вв., но и истории южных славян. Причем и тот и другой ареал в его трудах, как правило, представлены в широком контексте, с учетом взаимодействия различных внешних и внутренних факторов. Я. Рыхлик опубликовал несколько крупных монографий, получивших признание специалистов по отдельным странам, массовой читательской аудитории. Кроме того, помимо книг из-под его пера

вышло такое количество статей, что их полный реестр стал доступен только благодаря появлению компьютерных программ.

Не менее существенна роль Я. Рыхлика в популяризации истории, будь то в телевизионных выступлениях или же в качестве комментатора текущих событий в периодике. С нашей точки зрения, эти выдающиеся качества как историка, просветителя и активного гражданина проявились и в подготовке анализируемого издания [4].

Следует признать, что выход в свет такого труда в юбилейный год, потребовал определенной решимости, смелости от автора, поскольку ему предстояло определить свое место в море яяяя историографии. Это признал и сам господин Рыхлик в научном введении к монографии.

Так, он подчеркивает, что в исследовательском плане по избранной проблематике существует настолько огромный массив литературы, что, кроме нескольких деталей, уже невозможно привнести что-то новое в имеющийся банк информации. В таких условиях он решил «не писать лишь о возникновении Чехословакии», а рассмотреть распад Австро-Венгрии в широком контексте и остановиться на образовании других государств – наследниц. Подобный подход открывал возможность сравнения проходивших политических, социальных процессов на всей территории монархии. В этой связи примечателен текст на обороте обложки, задающий тон всему сочинению. В частности, в нем утверждается, что проблема (проблемы) монархии была не в том, что она не хотела разрешить национальный вопрос, а в том, что он был неразрешим.

Поскольку, на наш взгляд, в любом случае исходным моментом должно стать стремление понять авторский замысел, а нежелание навязать ему свое толкование темы исследования, то, прежде всего, следует остановиться на научном введении к монографии. Сам Я. Рыхлик придавал ему особое значение. Оно занимает 17 страниц текста и, по сути, является самостоятельным очерком [5].

Итак, во введении представлена развернутая картина развития историографии по обозначенной проблематике, которая, как уже говорилось, действительно огромна. Это обстоятельство весьма убедительно подтверждено цифрами каталогизированной литературы в Национальной библиотеке Чешской Республики. Так, о

Первой мировой войне в ней имеется 7267 упоминаний; о распаде Австро-Венгрии – 7502; о возникновении Чехословакии –553.

Следует согласиться с мнением Я. Рыхлика, что в таких условиях дать классический историографический анализ, т.е. с характеристикой источниковой базы, новизны подходов и выводов, невозможно. С этой ситуацией сталкиваются и российские богемисты.

Из литературы на русском языке здесь значится работа А.Х. Клеванского, вышедшая на чешском языке, «Чехословацкие интернационалисты и легионерский корпус в России» [6]. (В скобках надо заметить, что в чешском варианте из названия ушло такое весьма спорное уточнение как «проданный корпус»). Кроме того, Я. Рыхлик посчитал целесообразным включить монографии К. Назаренко «Балтийский флот в революции 1917–1918 гг.» (М., 2017) и А. Пушкаша «Цивилизация или варварство? Закарпатье 1918–1945» (М., 2006).

Прежде всего, Я. Рыхлик выделил наиболее актуальные темы. По его мнению, основными направлениями исследования в мировой историографии стал поиск ответов на вопрос, что же послужило причиной распада Дунайской империи. Не менее существенным оказалось и определение виновников, развязавших Первую мировую войну, ее характера, описание хода военных действий. Для автора эти сюжеты в силу их повторяемости «скорее второстепенные».

Отечественному читателю будет интересно узнать, что периодизация развития богемистики в XX в., которой придерживается Ян Рыхлик, практически идентична с подходами, существующими в российской славистике. А вот отдельные его наблюдения весьма оригинальны и по содержанию и стилистике.

По его мнению, крупными этапами в эволюции историографии стали 20-е гг. XX в., времена Первой республики, период после 1948 г., когда постепенно шло формирование марксистского направления.

Историк отталкивается от очевидной констатации, что изучение событий, связанных с Первой мировой войной, началось в 20-е гг. XX в. и продолжается вплоть до сегодняшнего дня. Он справедливо указывает на принципиальные различия взглядов и оценок в историографии и публицистике в странах победителей и побежденных. Так, в качестве наиболее яркого примера он выделяет

Австрию и Венгрию, особенно интенсивно ностальгирующих по былой империи. В этом контексте Рыхлик напоминает, что для некоторых известных венгерских историков была наиболее приемлемой трактовка Трианонских договоров как «трагедии без границ».

Что касается историографии народов победителей, то ее представители расценивали эти события, прежде всего, с «национальной точки зрения». Совершенно справедливо наблюдение автора, что в межвоенное двадцатилетие чехословацкие историки уделяли огромное внимание изучению всего комплекса проблем, связанных с возникновением независимого государства. При этом в центре исследовательского интереса оказались так называемая заграничная акция и сопротивление внутри страны. В этом контексте любопытна характеристика Я. Рыхликом главных протагонистов создания нового государства как наиболее известных «актеров в чехословацкой политической жизни», описавших свое участие или в мемуарах, или актуализированных политических опусах. Отношение к распавшейся монархии было вполне предсказуемым, исходя уже из логики вещей, оно должно было быть негативным, поскольку иначе Чехо-Словакия не имела бы никакого «raizon d’etre». И в этом случае она не была исключением.

Второе наблюдение, на котором следует сделать акцент: легионерская традиция не только во многом стала идеологической основой построения чешскословацкой армии, но и вышла за ее пределы. Действительно, сочинения о легионерах (Чешско-Словацких корпусах, которые были сформированы в Российской империи, Франции и Италии) составляли основную часть литературы о заграничном сопротивлении.

Наиболее существенные наблюдения историков, с которыми фактически согласился и Я. Рыхлик, заключались в следующем.

– Страны союзницы вели справедливую войну. Возникновение независимого государства чехов и словаков стало результатом стремления стран Антанты разрушить Австро-Венгрию. При этом автор анализируемой монографии вполне оправданно отмечает, что в трудах тех лет подчеркивался, главным образом, вклад американского президента Вильсона.

– Другим фактором стало военное поражение монархии Габсбургов, чему способствовали действия легионеров за границей и «информационная» деятельность Маффии (Мафии) внутри страны. В данном случае следует, на наш взгляд, уточнить, что речь шла не о пропагандистской в современном понимании работе членов и сторонников этой организации, а о сборе ими сведений для передачи их заграницу.

– Обобщающим выводом, сделанным на основе анализа развития данного этапа историографии, является утверждение, что во времена Первой республики возникновение Чехо-Словакии трактовалось как естественное завершение национального развития чехов и словаков.

Времена нацистской оккупации чешских земель и появление Словацкого государства принесли новые перемены. В Протекторате появились работы, написанные, хотя и квалифицированными историками, но, по сути своей, скорее коллаборационистами. Я. Рыхлик уточняет, что они характеризовали возникновение Чехо-Словакии как ошибку. События конца 20-х гг. XX в. рассматривались ими, как исключение чехов из центрально-европейского пространства. Появление еще одного независимого государства на карте Европы, в конечном итоге, никак не способствовало развитию чехов, потому что оно было лишь политической калькуляцией Франции и Великобритании против Германии. Изменение приоритетов у этих государств в 1938 г. привело к падению Первой республики. Такой исход оказался для чехов более выгодным. Я. Рыхлик убежден, что авторы подобных рассуждений, сами попытки рассматривать возникновение нового государства как «ошибку», тогда не имели в чешской среде надежды на понимание.

В это время в Словакии возник другой дискурс. Новый взгляд на процессы, проходившие в Центральной Европе, прежде всего, учитывал политические потребности правящей партии Андрея Глинки (1864–1938). Разумеется, историки не могли отрицать значение 1918 г., особенно в условиях усиливающегося венгерского ревизионизма. Такая позиция свидетельствовала бы об умалении необходимости отторжения от венгров. Образование Чехо-Словакии трактовалось ими как один из рубежей на пути словаков к созданию своего государства, «логическому завершению (vyústění)» словацкой истории.

Представление о новом государстве как «станции пересадки» строилось на убеждении, что в нем словакам было хорошо. Однако оно уже исполнило свою историческую роль. В современной Словакии такой взгляд стал популярен после 1989 г. и, особенно, после 1993 г. Это позволяло словацким историкам и общественным деятелям позитивно смотреть на Чехословакию, не высказывать негативного отношения к прекращению ее существования в 1992 г.

Весьма любопытна позиция Я. Рыхлика, когда он говорит о таком факторе как революции в Российской империи. Так, он подчеркивает, что официальная чешская и словацкая марксистская историография были вынуждены усвоить тезис В.И. Ленина о мировой войне как империалистической. Представители этой школы также приняли тезис о «большевистской революции» как начале новой эпохи мировой истории, которая оказала принципиальное влияние на национально-освободительную борьбу народов монархии Габсбургов. В результате они в негативном ключе освещали деятельность заграничного сопротивления, а в наихудшем положении, что вполне понятно, оказались чешские и словацкие легионеры.

Историками марксистского направления возникновение Чехо-Словакии жестко увязывалось с тезисом, что «без Великой Октябрьской революции не было бы свободной Чехословакии». И такой подход, по мнению Я. Рыхлика, предопределил необходимость переписывания истории. Этот процесс активно начался в 1951 г., когда он должен был соответствовать новой идеологии, пропагандируемой руководством КПЧ. Ведь в стране было даже отменено празднование 28 октября как государственного праздника. А на «историческом фронте» звездой «фальсификаторов», как подчеркивает Ян Рыхлик, стал Вацлав Краль (1926–1983). В скобках заметим – в это время весьма уважаемый в СССР преподаватель философского факультета Карлова университета. Фактически в этом ряду, по убеждению автора монографии, находился и известный словацкий исследователь Людовит Голотик. На наш взгляд, такая оценка вклада этого историка вряд ли справедлива, если иметь в виду, хотя бы его монографию о Милане Растиславе Штефанике. Опустив формализованное введение к ней, написанное в самом начале становления марксисткой историографии в Словакии [7], эту работу до сих пор чтут специалисты.

Литература 60-х гг. XX в. представлена Я. Рыхликом как продукция историков, работавших в условиях начавшейся либерализации политической жизни. Новая атмосфера способствовала постепенному возвращению к реабилитации идеи об обоснованности антигабсбургской борьбы, и наконец, деятельности чешско-словацких легионеров. При этом их антибольшевистское выступление поколением «Пражской весны» стало расцениваться скорее как достойная сожаления ошибка или недоразумение, вызванное непониманием действительных целей большевистской революции. Такой поворот в оценках стал возможен под лозунгом «возврата к источникам».

В год 50-летия возникновения Чехо-Словакии знаковым стал выход книги Карла Пихлика «Заграничное сопротивление 1914–1918» [8]. Эта монография представлена Я. Рыхликом как «весьма отважная» работа. В ряду наиболее значительных сочинений оказался также труд Зденека Карника «Социалисты на распутье. Габсбург, Масарик или Шмераль» [9] и уже упоминавшаяся монография Яна Галандауэра.

В годы нормализации важным шагом вперед в изучении темы стал перевод книги Александра Харитоновича Клеванского на чешский язык. Она заслужила особое отношение, так как в ней были приведены точные цитаты документов из советских архивов иностранным историкам тогда недоступных.

В конце 80-годов важной вехой в истории страны стало возвращение 28 октября как государственного праздника. Что касается литературы этого времени, то автор введения выделил книгу Ф. Чады «28 октября 1918 г. Действительность, сны и иллюзии» [10].

Как подчеркивает Рыхлик, только после 1989 г. пали все ограничения, и авторы могли писать свободно. В этой связи интересно его наблюдение, что в 1990-е годы произошел возврат к дискурсу, который был популярен во времена Первой республики. Новые условия способствовали тому, что за последнее 30-летие число изданных книг безмерно увеличилось.

Заслуживает признания утверждение, что в современной чешской и словацкой историографии при освещении чешско-словацкого освободительного движения в годы Первой мировой войны наблюдается снижение интереса к проблеме влияния России и произошедших в ней революций на заграничную акцию чехов и

словаков. В этом случае автор введения отослал читателей к книге Ивана Савицкого [11].

Что касается историографии других стран наследниц, то она в рецензируемом издании представлена достаточно ярко. Языковые возможности автора позволили ему более подробно остановиться на польской литературе, частично – венгерской и в меньшей степени – народов Югославии. По его мнению, Венгрия, ее историки так и не преодолели травму Трианона. Если в 50-е гг. XX в. преобладало «глубокое молчание» по поводу рассматриваемой проблематики, то, когда наступило время дистанцироваться от «фашистского режима Хорти», на нее было просто наложено табу. В рамках «братских отношений» между странами народной демократии было как-то не комфортно напоминать о существовании венгерских меньшинств в соседних государствах. После падения коммунистического режима в Венгрии произошел своеобразный возврат к концепциям предвоенного периода. Распад исторической Венгрии вновь стал рассматриваться как пережитое мадьярами несчастье.

Характеризуя развитие польской историографии, автор отмечает, что исторически поляки боролись не против Австро-Венгрии, где они занимали хорошее положение, а против России и имперской Германии. Это обстоятельство объясняет, почему у поляков не было протестных выступлений против монархии Габсбургов. Соответственно не было потребности и в историографии, которая бы оправдывала распад монархии Габсбургов. Выделяя из общего исторического контекста культ Пилсудского, Я. Рыхлик поясняет, что позитивная оценка деятельности польских легионеров была неприемлема в «народной» Польше. В ней в этот период под влиянием советской историографии был распространен тезис, что польская независимость это, прежде всего, результат влияния революций в России. При этом польские историки, с 1956 г. обладавшие в большей степени интеллектуальной свободой, не должны были так жестко следовать этому тезису. На рубеже 1880-х гг., по наблюдению Я Рыхлика, был вновь частично обновлен культ Пилсудского.

Что касается югославянских народов, то в межвоенный период их историками подчеркивалась параллельность процессов между освободительным движением чехов, словаков, словенцев, хорватов и сербов, проживавших в Австро-Венгрии. Сделать этот вывод

позволяло сотрудничество политических лидеров этих народов, действовавших заграницей во время Первой мировой войны. Однако связи между странами-наследницами не стали более тесными. Да и возникновение Королевства сербов, хорватов и словенцев принципиально отличалось от создания Чехо-Словакии, поскольку королевство было, собственно говоря, только расширенным, уже самостоятельно существовавшим сербским государством. Неслучайно, официальная сербская историография писала о процессе объединения югославян как об естественно завершившемся явлении.

В свою очередь, у хорватских историков распад Австро-Венгрии, по мнению Рыхлика, не воспринимался однозначно позитивно, как в случае с Чехо-Словакией. Специфика развития страны диктовала свои требования к ученым. Королевская Югославия для хорватов и словенцев являлась необходимой охраной перед итальянским ревизионизмом. Другое отличие автор введения видит в интерпретации процесса возникновения Югославии во времена коммунистической диктатуры. После разрыва И.В. Сталина и И.Б. Тито не было необходимости подчеркивать значение «большевистской» революции в России.

Подводя итог сделанного анализа историографии, посвященной изучению процесса распада Австро-Венгрии, Я. Рыхлик подчеркнул, что процесс возникновения новых государств не был однородным. Тем не менее, недостатком у большинства работ является то, что эта проблематика рассматривалась «с национальной точки зрения», т.е. в интересах и понимании каждого из народов.

Автор введения ставит вопрос, была ли хоть какая-то возможность достичь компромисса между их элитами и тем самым сохранить монархию Габсбургов. Ответ на него жесткий и однозначный: возможность такого компромисса была иллюзорной. Различные национальные программы его исключали, а с учетом военного поражения империи трудно было иметь иной результат, чем ее распад.

В конце фактической презентации книги Рыхлика хотелось хотя бы кратко остановиться на его трактовке темы. Цель своей работы он видел в том, чтобы не искать новые подробности, а показать, как постепенно монархия шла к своему распаду. В контексте растущих национальных противоречий рассмотрен и процесс возникновения Чехо-Словакии в 1918 г. На него, разумеется, сделан основной акцент.

Автор хотел показать, что возникновение совместного государства чехов и словаков не было исключительным и каким-то особым явлением, а являлось частью всего комплекса событий, происходивших в тогдашней Центральной Европе. Сам распад Австро-Венгрии не следует рассматривать как конец некой «империи зла».

Насколько интересна эта монография можно показать на примере хотя бы первой главы «Австро-Венгрия перед Первой мировой войной» [12]. Она лишь на первый взгляд традиционна. Высказанные в ней суждения фактически противостоят подходам, свойственным «старшей» историографии и политической публицистике. Имеются в виду ученые, видевшие в монархии Габсбургов «тюрьму народов», распад которой принес, в конце концов, им свободу. Действительно, в настоящее время такая трактовка просто не профессиональна и в целом ошибочна.

Говоря о возникшей в 1867 г. Австро-Венгрии, Я. Рыхлик подчеркивает, что речь не может идти о едином (одном) государстве. Историк тщательно прорисовывает созданную систему управления двуединым государством. Он указывает на действие двух разных конституций, содержащих, прежде всего, различные концепции решения национального вопроса.

Прежде всего, речь идет о параграфе 14-м Конституции 1867 г., введенной в Цислейтании, западной части двуединой монархии. Для него особенно существенно, что эта новелла, которой так страстно оперировали марксистские историки в своем стремлении обличить монархию, действовала лишь в условиях чрезвычайной ситуации, когда правительство не могло созвать парламент. Тем самым, в результате ее присутствия в конституционном праве, все его распоряжения издавались в рамках действовавшей Конституции и были законны.

Интересна и общая оценка сложившейся системы функционирования Цислейтании. По мнению автора книги, в контексте конца XIX и начала XX в. она в принципе являлась стандартной парламентской монархией с ограниченным влиянием граждан на управление государством. Введение всеобщего избирательного права, безусловно, значительно продвинуло ее к современной демократии.

Венгрия также являлась конституционной монархией, однако венгерская политическая система была во многом отличной от австрийской. Венгерскую конституцию составляла сумма законов, принятых на заседании венгерского сейма в Братиславе 18 марта 1848 г. и санкционированных императором. В отличие от Цислейтании венгерское правительство вообще не могло действовать без сейма и не могло издавать постановления в ранге закона.

Ян Рыхлик останавливается на принципиальных отличиях между двумя половинами монархии. Главным из них была трактовка национального вопроса. Следует согласиться с уже не раз высказанной точкой зрения, что по большому счету Цислейтанию нельзя рассматривать как государство, где проживали угнетенные славяне. Параграф 19-й Конституции 1867 г. декларировал равноправие всех народов, так же как равноправность и равноценность языков.

Однако следующее наблюдение Рыхлика требует осмысления. Автор обращает особое внимание на то, что Цислейтания официально не имела никакого государственного языка, а языком управления был всегда язык (или языки?), привычные для конкретной коронной земли. В чешских землях это были чешский и немецкий (в таком порядке их перечисляет автор). При этом он считает, что немецкий язык сам по себе никогда не являлся свидетельством принадлежности земель к монархии Габсбургов. Он использовался, исходя из того довода, что чехи и немцы были «земскими народами».

Немецкий язык как язык коммуникации для всех народов монархии не мог быть какой-либо формой германизации, без его объединяющего начала не могло функционировать многонациональное государство. Таким образом, Рыхлик поставил под сомнение оценки, которые отстаивали историки «старшего поколения». В то же время сам автор вынужден был признать, что на практике отношения не были такими идеальными.

Особого внимания требуют и другие рассуждения Я. Рыхлика. В Цислейтании якобы не было, с государственной точки зрения, национальных меньшинств. В этой связи автор уточняет свою позицию, заявляя, что меньшинство не может быть там, где одновременно не существует большинства. По его мнению, меньшинства существовали только на уровне отдельных земель, но и в этом случае народы могли успешно развиваться. Об этом

свидетельствует подъем чехов, которые уже к 1880-м гг. достигли уровня сравнимого с народами Западной Европы.

Иной была ситуация в Транслейтании. Целью венгерских либералов было преобразовать Венгрию в мадьярское национальное государство. Это уже на теоретическом уровне означало мадьяризацию всего населения. Автор ссылается не только на творцов концепции венгерской политической нации, но и показывает, как, в каких сферах реальная политика вела к формированию этнически единого мадьярского государства. В этом контексте представляет интерес трактовка Я. Рыхликом одной из статей закона 1868 г. Формально она предоставляла возможность в народных и средних школах и других образовательных институциях использовать национальной язык. Эта норма распространялась и на общинное самоуправление. Однако в действительности государственным языком был мадьярский язык.

Подводя предварительный итог, следует признать, что и в другие главы (а их 6) написаны в новаторском ключе. Описывая положение в монархии отдельных народов, автор при характеристике каждого из них высказывает массу интересных наблюдений. Так, говоря о немцах, он отмечает, что с правовой точки зрения они не имели никакого привилегированного положения. Таким образом, даже такой неполный экскурс показывает, насколько неожиданной, парадоксальной, заставляющей размышлять является эта книга.

Примечания

1. *Jan Galandauer*. Vznik Československé republiky. 1918. Programy, projekty, perspektivy. – Praha: Nakladatelstvi Svoboda, 1988. – 347 s.

2. Muži října 1918. Osudy aktérů vzniku republiky československé. K vydání připravil Rudolf Kučera. – Praha: Masarykův ústav a Archiv AV ČR. – 2011. – S.7.

3. *Jan Rychlík*. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. – Praha: Vyšegrad, 2018. – 276 s.

4. *Vladimír Kučera* / Jan Rychlík. Historie, mýty,jízdní řady. – Praha: Vyšegrad, 2015. –204 s.

5. *Jan Rychlík*. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. – Praha: Vyšegrad, 2018. – S. 11–28.

6. *Klevanskij A*. Ch. Českoslovenští internacionalisté a legionářský sbor v Rusku. – Praha: Horizont, 1973.

7. *Holotík L*. Štefánikovská legenda a vznik ČSR. – Bratislava: 1. vydání 1958.

8. *Pichlik K.* Zahraniční boj 1914-1918 bez legend. –Praha: Svoboda, 1968.
9. *Kárník Z.* Socialisté na rozcestí. Habsburk, Masaryk či Šmeral ? – Praha: Svoboda, 1968.
10. *Čada F.* 28. říjen 1918. Skutečnost, sny a iluze. – Praha: Mlada fronta, 1988.
11. *Savický I.* Osudová setkání. Češi v Rusku a Rusové v Čechách 1914– 1918. – Praha: Academia, 1999.
12. *Jan Rychlík*. 1918. Rozpad Rakouska-Uherska a vznik Československa. – Praha: Vyšegrad, 2018. S. 29–56.

М.М. Каптур

(г. Москва, Российская Федерация)

ИСТОРИЧЕСКАЯ АРГУМЕНТАЦИЯ В ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЕКТАХ ЧЕШСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. Историческое право стало важнейшим аргументом в политической полемике чехов на начальном этапе Первой мировой войны. Они использовали свое историческое наследие, чтобы заново открыть миру Чехию, привлечь внимание к чешской проблеме, придать ей новое звучание в рамках вставших на повестку дня споров о послевоенном устройстве Европы и возможных вариантах решения национального вопроса.

Ключевые слова: *Первая* мировая война; чешское национальное движение; русские чехи; русофильство.

M.M. Kaptur
(Moscow, Russian Federation)

HISTORICAL ARGUMENTATION OF CZECH EMIGRES' GEOPOLITICAL PROJECT DURING THE FIRST WORLD WAR IN 1914-1915

Abstract. The research is devoted to the historical rhetoric as the most important argument of the Czech emigres in political debates, when they tried to explain to the world community the objectivity of their claims on statehood. Czechs used their heritage in order to rediscover the world the Czech nation. They tried to draw attention to the Czech problem, propose their own plans about the postwar world and possible solutions to national issues.

Key words: First World war; The Czech national liberation movement; Russian Czechs; russophilia**.**

Как известно, одним из ключевых вопросов накануне и в годы Первой мировой войны был вопрос национальный. Особенно острые противоречия стали очевидными в Австро-Венгерской империи. Представители титульных мадьярской и немецкой наций в условиях начавшейся войны воспринимались как враги со стороны так называемых «угнетённых народов». В их числе были чехи и словаки, которые на протяжении всего XIX в. пытались добиться получения от австрийского правительства равных политических прав чехов наряду с немцами и венграми. Воодушевлённые призывами императора Николая II «устранить, наконец, угрозу германских держав общему миру и спокойствию» [1], представители чешской и словацкой эмиграции в России (в историографии их принято называть «русские чехи») с первых дней войны активно демонстрировали своё желание выступить за освобождение славянства на стороне Антанты. Одновременно с проектами создания добровольных чешских воинских частей стали появляться различные меморандумы и записки, в которых отражены надежды чехов на восстановление суверенитета Чешского государства.

Докладные записки и меморандумы – это как раз те программные документы чешских обществ в России, которые позволяют рассмотреть процесс включения исторического права в реестр важнейших аргументов политической полемики чехов во время Первой мировой войны. Оно стало активно использоваться в их попытках объяснить мировому сообществу объективность своих требований на обретение собственной государственности. На основании представленных документов можно выяснить, какова была позиция «русских чехов» в период становления национально–освободительного движения, и какой вклад в оформление идеи создания чешского государства внесли представители русских колоний.

Звучавшие из уст Верховного главнокомандующего Николая Николаевича слова о том, что «Вам, народы Австро-Венгрии, Россия также несёт свободу и осуществление ваших народных вожделений» [2], воодушевили чехов. С начала августа 1914 г. в среде чешских колонистов начинает активно дебатироваться тема о том, какие

политические цели они преследуют и о том, какой должна быть политическая программа чешского заграничного сопротивления.

Первыми свою политическую программу представили императору московские чехи. На встрече с российским монархом 8 (20) августа 1914 г. в Москве они заявили о необходимости вхождения земель Чешской короны в состав России. Более детально о настроениях московских чехов можно узнать из воспоминаний одного из участников первого совместного совещания «русских чехов» Ф. Дедины. Будущее «освобожденных Россией земель короны святого Вацлава», по сути, на тот момент не было ясным и очевидным. Наиболее четко консервативная панславистская концепция отразилась в листовке московских чехов под названием «Автономия в составе России», опубликованной чуть позже, в сентябре – октябре 1914 г. В ней говорилось о том, что включение Чехии («не только в этнографических границах (Малая Чехия), но и в исторических, со времен правления Само, т.е. от Судет до Адриатики» [3]) в состав Российского государства – это взаимовыгодный шаг. «Создание обособленного чешского государства» – резюмировали авторы, – «не решает вопроса, так как такое государство, окружённое с трех сторон немцами, и имея внутри себя целую треть населения, состоявшего из немцев, лишенное выхода к морю и отделенное политической границей от России <…>, явится могилой для чешского народа» [4]. Следует подчеркнуть, что в документе не раскрывались детали того, какое место могли занять чешские земли в составе Российской империи и какую систему управления планировалось в них создать.

Очевидно, что подобная откровенно русофильская позиция московских чехов была крайне негативно воспринята представителями более либеральных киевских и петроградских чехов. Они понимали, что после войны «интересы России и будущего Чешского королевства во многих пунктах будут противоположены» [5].

Для выработки единых требований чешского и словацкого землячества в Российской империи с 28 августа по 5 сентября (с 10 по 18 сентября) 1914 г. в Петрограде прошёл съезд представителей Московского, Петербургского, Киевского и Варшавского обществ. Договорённость среди чешских организаций, достигнутая с большим трудом на этом совещании, позволила чешской колонии предстать перед императором, российским истеблишментом и обществом единой

силой с общими устремлениями, сформулированными в «Записке Совета чехов в России Николаю II о восстановлении Чешского королевства».

В этом документе «русские чехи» благодаря отсылкам к чешской истории создали из чехов образ славянского народа-искупителя, который добровольно приняв на себя роль «западного щита славянства», «принёс себя в жертву цивилизации, всему человечеству» [6], но до сих пор при этом незаслуженно остается в подчиненном положении у немцев. Авторы «Записки…» сделали акцент на том, что даже «первоучителям (Кириллу и Мефодию. – М.К.) 900 лет назад пришлось отстраивать традиции славянского мира от натиска Рима и германцев» [7]. Преемниками Кирилла и Мефодия делегаты называли Яна Гуса и Яна Амоса Коменского, подчеркивая их вклад в развитие чешских культурных традиций. Отчаяние, с которым чехи описывают период после Белогорской битвы 1620 г., когда Чехия оказалась под властью Габсбургов, постепенно сменялось гордостью за чешский народ, сумевший благодаря многочисленным будителям возродиться и занять достойное место среди других культурных народов. Решающим, по мнению «русских чехов», был аргумент о том, что «юридически Чешское королевство никогда не переставало существовать» [8].

Коснувшись вопроса о границах самостоятельной Чехии, авторы «Записки…» сделали акцент на военно-стратегические преимущества, которые несло бы создание чешского государства. Во-первых, отмечают они, «области Моравы, Силезка, и Подтатранских Чехов – Словаков (область на севере современной Словакии. – М.К.) – это мост, соединяющий Чехию с Польшей и Россией на северо-востоке, с Хорватами–Сербами–Словинцами на юге, и с морем». Во-вторых, «эта географическая естественная крепость на Западе Славянского Мира, <…>, была бы оплотом для Славян на Востоке, ибо из 10 миллионов Чехов и Словаков можно было бы поставить полумиллионную армию для союзников» [9].

Все эти рассуждения преследовали определенную цель. Авторы «Записки…» предлагали российскому императору признать чешское государство в следующих границах: «от южного конца Чехии по нынешней границе водораздела между Верхней и Нижней Австрией к Дунаю. На юг по реке Дунаю включительно до Вены, от Вены по Дунаю до Вацова, от Вацова до этнографической границы между

чехословаками и русскими, на севере до Вратиславы и на западе к Худове» [10]. В «Записке…» можно встретить и весьма спорные заявления, например, включить в состав Чехии Вену. Подобное притязание обосновывалось тем, что «одна четверть населения Вены – онемеченные славяне» [11]. Во время второй аудиенции было заявлено о необходимости присоединения Верхней и Нижней Лужицы к Чехии как ее автономной части. Таким образом, при обозначении границ будущего государства «русские чехи» настойчиво апеллировали, прежде всего, к историческим границам Чешского королевства.

При составлении совместного меморандума петроградская и московская группа разошлись в одном принципиальном вопросе. Разные подходы касались будущего словацких земель. Представители московского общества полагали устроить будущее королевство на дуалистических началах. Государство состояло бы из двух самостоятельных центров – чешского и словацкого, связанных общим государем, армией, министерством финансов и иностранных дел [12]. В данном случае можно провести параллели с Австро-Венгерским соглашением 1867 г.

Позиция петроградских и варшавских представителей была иной. В «Меморандуме…», составленном на том же общем совещании представителей чешских и словацких обществ и представленном на встрече с Николаем II, была отражена позиция петербуржцев. Важно отметить, что лидеры «русских чехов» признавали словацкий народ «культурно и этнографически самостоятельной ветвью славянства» [13], имеющей право «самостоятельно принимать решения и осуществлять направление в вопросах культурных и внутриполитических» [14]. Они отмечали, что словацкие территории, находящиеся в Венгерском королевстве, не следовало включать в границы земель Чешской короны, т.е. сохранить за ними особый статус [15]. Предполагалось, что «самостоятельное государство в составе Чехии, Моравии, Силезии и Словакии «образует мост через Силезию» к Польше и России, а через Словакию – к южным славянским территориям [16]. В документе выражалась надежда на то, что «словацкий народ признает вследствие своего географического положения выгоды, которые он получил бы от династического, военного и экономического объединения с Чешским королевством» [17].

На встрече с императором, когда речь зашла о готовности словаков войти в Чешское королевство. Причем, словак Орсаг, от лица уполномочившего его общества, решительно высказался за эту инициативу [18]. Важным условием, необходимым для солидаризации действий, обозначенным словацкими делегатами, было признание со стороны чехов языкового самоуправления на территории Словакии. Не менее существенным было обеспечение прав словаков на обучение на национальном языке и издание местной печати по-словацки [19]. Таким образом, в одной из самых ранних политических программ «русских чехов» была отражена концепция федеративного устройства будущего Чешско-Словацкого государства, построенного на языковом равноправии и подразумевающая наличие в Словакии собственных государственных органов.

Следует признать, что после аудиенции у Николая II кристаллизация государственно-политической программы «русских чехов» шла с трудом. Её разработка вновь была перенесена на площадку отдельных чешско-словацких обществ. В течение осени 1914 г. представитель петроградского общества Йиржи Клеканда работал над «Докладной запиской о чехословенском вопросе». Итоговый документ был передан им на имя главы Второго политического отдела МИД А.М. Петряева в конце 1914 г. В нём была сделана попытка объяснить необходимость создания единого государства чехов и словаков. Основой для «Докладной записки…» стало утверждение о том, что «чешский народ состоит из двух ветвей – чехов и словаков, и обе эти ветви произошли от одного працентра» [20]. Автор замечает, что наиболее разрушительным фактором, повлиявшим на развитие «чешскословенской» культуры и консолидации «чешскословенского» элемента, было заключение Австро-Венгерского соглашения 1867 г. Именно из-за установления австро-венгерского дуализма два миллиона словаков были «лишены всяких культурных достояний и помощи чешского народа». Долгие годы родственные народы даже не могли общаться, однако, как только чешская интеллигенция набралась сил, она снова обратила внимание на словаков, «брошенных на растерзание мадьярам» [22].

В подобных рассуждениях очевидны отголоски концепции «единой чешскословацкой нации», восходящей к используемому Я. Колларом понятию «чешскославянское племя». И хотя этот процесс не

был завершен «в желаемом размере» [23], чехи все-таки надеялись на то, что российское правительство пойдет им навстречу и одобрит создание единого государства чехов и словаков.

Между тем документ свидетельствует о том, что они явно относились к словакам как к менее развитой и в экономическом, и культурном отношении народности. При таком подходе, в новом государстве словаки бы заняли подчинённое положение. Разумеется, подобное отношение к своему народу не устраивало патриотически настроенную часть словаков. В их среде начали появляться проекты, авторы которых ориентировались на присоединение Словакии к Российской империи как автономно–независимого целого [24].

Чуть позднее, в начале 1915 г. в МИД была передана записка, содержащая уже более четко сформулированные политические предложения. Авторство этой записки также принадлежит Й. Клецанде. Он считал монархическое устройство более предпочтительным, так как именно оно могло обеспечить нужную устойчивость и «прочную линию внутренней и особенно внешней политики, причем наиболее подходящей была бы именно династия Романовых» [25]. Данная политическая концепция базировалась на убеждении о неизбежном крушении Австро-Венгрии и создании «самостоятельного Чешко-Словацкого королевства». Причем на данном этапе речь шла о независимости этого политического образования от официальной Вены. Подчеркивалась значительная роль России в процессе становления будущего государства, но не были определены четкие рамки полномочий российских властей.

Политическая ориентация на российскую империю и апелляции к истории были характерны не только для «русских чехов». Будущий президент Чехо-Словакии Т.Г. Масарик в первые месяцы войны направил в российский МИД три меморандума, в которых также писал о независимом Чешском королевстве во главе с представителем русской (но возможно также английской или бельгийской) династии. Он подчеркивал необходимость идти рука об руку с Россией, уточнял, что её пожелания по поводу ключевых вопросов будут определяющими. Также он возлагал надежду на скорейшую оккупацию чешских земель «русскими братьями». Для концепции Т.Г. Масарика была свойственна гибкость. При формулировании своих политических целей он старался оставлять простор для дальнейших

маневров, что, безусловно, говорит о его прагматическом отношении к своим союзникам. Тем не менее, он никогда не забывал и о важности помощи России в деле восстановления чешско-словацкого государства.

Во многих заявлениях Т.Г. Масарика, сделанных во время войны, он использовал аргументацию, присущую неославистам в довоенное время. Например, в разговоре, произошедшем в июле 1915 г., он подчеркивал ненависть немцев и мадьяр к славянам и, в свою очередь, делал акцент на прославянские настроения чехов. Он говорил: «В Чехии не так уж и просто жить, поскольку чешский народ никогда не скрывал своих симпатий к славянам, а в особенности к России. Кто из нас не был сербофилом, русофилом или славянофилом... Объединение всех славян – это путеводная звезда всех великих чешских мыслителей, историков, политиков и общественных деятелей. Чехи могли иметь разное отношение к правительствам и форме правления в той или иной славянской стране, но их всегда объединяла любовь к славянам, они всегда были сербофилами и русофилами в лучшем смысле этого слова» [26].

«Русские чехи» между тем не прекращали свои попытки добиться от российских властей официального заявления – декларации, в которой бы говорилось о создании суверенного чешского государства. У представителей российской политической элиты подобная настойчивость вызывала большие сомнения. Для их преодоления следовало понять, почему чешские политики не предпринимали реальные попытки добиться политической самостоятельности до начала войны, почему они были столь слабыми и оказались неэффективны. Оставался открытым крайне болезненный вопрос о том, что чехи неизменно сохраняли лояльность дому Габсбургов.

Для того чтобы как-то разрядить возникшее напряжение, «русские чехи» также пытались обратиться к прошлому. По их уверениям, для достижения политических прав в рамках Австрийской империи «чешско–словенский народ все свои силы направил к одной только цели: к борьбе с немечиной, к борьбе за свой язык. Все остальные вопросы отходили на второй план. Однако борьба эта приняла форму борьбы за отторжение от Вены, за права общего сейма земель Чешской короны вместе со Словакией, т.е. форму борьбы за исторические права чешско–словенского народа времен Великоморавского государства» [27].

Лидеры «русских чехов» отдавали себе отчет, что именно эти аспекты национального движения чехов на протяжении второй половины XIX и начала XX в. вызывали определенные подозрения у российских властей. Представители чешских обществ, пытались оправдаться перед русскими властями. Они подчеркивали, что «австрофильская политика была основана на том убеждении, что раз создание новых государственных единиц основывается на этнографическом принципе, то надо успеть до раздела Австро–Венгрии возвратить чехам потерянные земли. Причем сделать это «при нормальных обстоятельствах – в рамках Австро–Венгрии, поэтому нельзя было идти против интересов монархии» [28].

Подобные исторические рефлексии не могли оказать хоть сколько-нибудь заметное влияние на отношение российских политических элит к чешскому вопросу. Тем более, всякого рода записки и меморандумы, поступающие в различные ведомства, были разрозненны, содержали нечеткую политическую программу и, по большому счету, просто не могли быть восприняты сановниками всерьез.

Широко используемая историческая аргументация носила резкий обличительный характер против Вены. Чехи в качестве аргумента привлекли свое историческое наследие, чтобы заново открыть миру свой народ, показать его древнюю и богатую культуру. С помощью подобного рода свидетельств они пытались привлечь внимание российских политиков, учёных и общественных деятелей к чешской проблеме, придать ей новое звучание в рамках вставших в повестку дня споров о послевоенном устройстве Европы и возможных вариантах решения национального вопроса. С помощью исторической аргументации лидеры национально-освободительного движения пытались объяснить, почему в чешских землях не было активного движения против австро-венгерской политики, а основная работа велась представителями заграничной акции.

Несмотря на все предпринятые усилия, «русским чехам» не удалось добиться официального заявления (наподобие воззвания к полякам августа 1914 года) от российского правительства. Восторженно принятый ими манифест Верховного главнокомандующего Русской императорской армии великого князя Николая Николаевича к народам Австро-Венгрии, обещавший свободу

и осуществление народных вожделений и получивший широкое распространение в стране, остался единственным официальным документом (за исключением пропагандистских листовок к чешским солдатам).

В 1916 г. произошла переориентация чешского движения на Запад. Причинами этому было то, что по мере того, как война затягивалась, российское правительство, все больше и больше увязая в затянувшемся конфликте, теряло интерес к политическим проектам чехов. Сами чехи в этой связи осознали безрезультатность попыток добиться политического признания в России. Основной акцент их действий сместился к борьбе за создание Чешско-словацкой армии, историческая аргументация фактически исчезла из текстов их меморандумов и записок, уступив место практическим доводам.

Примечания

1. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920). Документы и материалы. – Т. 1. Чешско-словацкие воинские формирования (1914–1917). – М., 2013. – Док. № 2. – С. 50.

2. Там же. – Док. № 3. – С. 51.

3. Там же. – Док. № 22. – С. 85.

4. Там же. – Док. № 22. – С. 86.

5. Там же. – Док. № 57. – С.145.

6. Там же. – Док. № 13. – С. 70.

7. Там же. – Док. № 13. – С. 70.

8. Там же. – Док. №13. – С. 72.

9. Там же. – Док. №13. – С. 72.

10. Там же. – Док. № 13. – С. 69.

11. Там же. – Док. № 13. – С. 70.

12. *Даниш М.* Словаки и Россия. Политические концепции и планы в 1900–1917 гг. // Русский сборник. Исследования по истории России. – М., 2006. – С. 50.

13. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920). Документы и материалы. – Т. 1. – Док. № 14. – С. 77.

14. Там же. – Док. № 14. – С. 77.

15. Там же. – Док. № 14. – С. 78

16. Там же. – Док. № 14. – С. 76.

17. Там же. – Док. № 14. – С. 77.

18. *Муратов А.А., Муратова Д.И.* Две аудиенции // Русское слово (Прага). – № 2. – С. 24.

19. *Ведерников М.В.* Организованное политические движение чехов в России накануне и в годы Первой мировой войны. Дисс. ... канд. ист. наук. – М., 2016. – С. 156.

20. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус (1914–1920). Документы и

материалы. Т. 1. – Док. № 43. – С. 115.
21.Там же. – Док. № 43. – С. 115.
22. Там же. – Док. № 43. – С. 113.
23.Там же. – Док. № 43. – С.115.
24. Там же. – Док. № 87. – С. 189.
26. *Попов А.* Чехословацкий вопрос и царская дипломатия 1914–1917 // Красный архив. – 1929. – Т. 2 (33). – С. 23.
26. *Masaryk T.G.* Válka a revoluce. – Sv.1. – S. 50
27. Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус. 1914–1920. Документы и материалы. Том 1. – Док. № 58. – С. 148.
28. Там же. – Док. № 43. – С. 114.

К.Л. Мархолева
(София, Республика Болгария)

ЧЕХОСЛОВАЦКО-ПОЛЬСКИЙ КОНФЛИКТ ИЗ-ЗА ТЕШИНА (ОСЕНЬ 1918 – ЯНВАРЬ 1919 гг.)

Аннотация. В статье рассматривается начало чехословацко-польского спора из-за Тешина второй половины 1918 г., который приобрел характер военного конфликта января 1919 г. Автор статьи опирается на опубликованные документы, периодическую печать и на публикации чешских а западноевропейских историков.

Ключевые слова: чехословацко-польский конфликт, Тешин, Эдвард Бенеш, Роман Дмовски, Соглашение, США.

Markholeva Krasimira Laleva
(Sofia, Republic of Bulgaria)

CZECHOSLOVAK-POLISH CONFLICT OVER TESHIN (AUTUMN 1918 – JANUARY 1919)

Abstract. The current article presents the beginning of the Czehoslovak-Polish conflict over the region of Teschen during the second half of 1918 that turned into a military conflict in January 1919. The article relies on published documents, Czechoslovak and American periodical press, and, last but not least, on secondary literature, related to the topic.

Key words: Czehoslovak-Polish conflict, Teschen, Edvard Beneš, Roman Dmowski, The Entente, the USA.

В результате распада Австро-Венгрии в конце Первой мировой войны на ее месте в Центральной Европе появились несколько новых государств. Одним из них была Чехословакия. Первым премьер-министром нового государства был влиятельный чешский политик Карел Крамарж, первым президентом был избран Томаш Гарик Масарик, который руководил чехословацким зарубежным сопротивлением в Западной Европе во время мирового конфликта, а министром иностранных дел был его близкий сотрудник Эдвард Бенеш. Одним из главных внешнеполитических приоритетов нового чехословацкого государства являлась оккупация пограничных регионов в чешских землях с преобладающим немецким населением, присоединение Словакии и Подкарпатской Руси к новому государству и достижение соглашения с поляками по отношению Силезии.

Чехословацко-польская граница представляла самую большую проблему из-за территориальных претензий Чехословакии и Польши на Тешинскую область, которая находилась в Силезии. Причина в том обстоятельстве, что оба государства, которые возникли на руинах Австро-Венгрии, находились в лагере победителей.

Статья посвящена началу чехословацко-польского конфликта осенью 1918 г., который продолжался два года.

Тешин находится в юго-восточной части Австрийской Силезии. В Средновековье эта область была частью чешского королевства, но в начале XX века в этническом отношении территория представляла смесь несколько народов. Самую многочисленную группу составляли поляки, которые населяли округа Билско, Тешин, Фрищад и Бохумин. Другая часть населения определялась как силезийцы (шльонзаки), которые говорили на местном силезийском диалекте, который был ближе к польскому языку. Только в округе Фридек чехи составляли большинство населения. Область Тешин богата угольными залежи (в Карвине), там развивалась тяжелая промишленость, следовательно область являлась значимым фактором в экономической жизни Центральной Европы [1]. Для чехословацкого правительства этот регион был важным и в связи с железодорожной линией, которая связывала Богемию и Моравию со Словакией [2]. Со своей стороны

поляки тоже не скрывали своих претензий на всю область, сосылаясь на этнические аргументы.

Тешинская проблема была впервые обсуждена осенью 1917 г. между лидером чехословацкого эмигрантского движения в Западной Европы Томашем Гариком Масариком и польским политиком Владиславом Грабским в Киеве [3]. Весной следюущего года этот вопрос снова стал предметом переговоров между Едвардом Бенешем и польским политиком Романом Дмовским [4]. Е. Бенеш попытался убедить Р. Дмовского в необходимости достичь компромиссного решения по отношению Тешину. Он предложил, чтобы река Висла служила границей между двумя государствами [5]. Соглашение не состоялось.

Е. Бенеш и Т.Г. Масарик считали, что область должна быть включена в Чехословакию еще до установления границ на мирной конференции. Из-за польских претензий на Тешинскую Силезию оба политика допускали возможность компромиссного решения, разделяя области между чехословацким и польским государством [6]. Например осенью 1918 г. Т. Г. Масарик отправил полъским политикам следующее предложение – новое чехословацкое государство получит Тешинскую область, а взамен уступит полякам Ратибор, который тоже богат угольными залежами [7]. Чехословацкий министр иностранных дел предложил, чтобы Чехословакия получила угольные залежи и железодорожную линию Кошице-Бохумин, соединяющую Словакию и Богемию, а остальную часть должна получить Польша [8].

Эти предложения были отвергнуты поляками, которые хотели присоединить целую область к своему государству. В октябре 1918 г. в меморандуме, которй был предназначен американскому президенту Вудра Вильсону, Р. Дмовский представил официальную польскую позицию относительно границ будущей Польши. Польский политик попытался убедить президента США, что между поляками и чехами уже достигнут компромисс, согласно которому граница между Польшей и Чехословакией в этой области будет продвинута по этническому и языковому принципу. По его мнению Чехословакия должна получить только юго-западные части Тешинской Силезии (Фридек и Фрищад) [9].

В конце октября 1918 г. в Тешине создался Польский национальный совет, которой заявил свое намерение управлять

областью от имени польского государства. Совет получил помощь от польских войск, находившись в Кракове и таким образом продемонстрировал свое намерение присоединить эту область к Польше [10].

В то же самое время создался и Чешский национальный совет, который не получил военной поддержки из Праги. Поэтому его представители попытались договориться с Польским советом, заключив 5 ноября 1918 г. в Остраве соглашение. Согласно этому соглашению из четырех частей, которые составляли Тешинскую область, Чехословакия должна получить только западную часть (Фридек), а Карвинский регион и железная дорога попали под польскую власть [11].

Чешский совет в Тешине согласился с этим соглашением, так как в нём говорилось, что его целью является установление и сохранение порядка и спокойствия в области. Соглашение имело временный характер и ни в коем случае не санкционировало окончательные территориальные изменения, которые входили в компетенцию польского и чехословацкого правительств [12].

Не так рассуждали поляки. Для них это временное соглашение имело силу международного правового договора, который санкционировал окончательное разделение области между двумя государствами. Поляки использовали тактику Э. Бенеша, осуществляя политику законченных фактов (*fait accomplis*). Чтобы укрепить свою власть и установить контроль в области, местный польский совет опирался на польские военные части [13]. В конце ноября Чешский националний совет в Тешине предупредил пражское правителство о действиях поляков и рекомендовал оккупацию спорной области союзниками [14].

Правительство в Праге с беспокойством наблюдало о росте польского влияния в Тешине. В связи с этим в середине ноября К. Крамарж отправил предупреждение Е. Бенешу: „Они (поляки. – Авт.) хотят всей Восточной Силезии; они мобилизуются против нас и полагаются на то, что у нас нет армии. Поляки хотят железнодорожной линии Кошице-Богумин и Карвин. Для нас польская проблема является одной из самых опасных, и я прошу вас о серьезном внимании. Мы не можем развиваться без Восточной Силезии и ее угля“ [15]. В конце ноября правительство в Праге жесткоц дипломатической нотой

предупредило местное польское правительство в Тешине, что остравское соглашение не было официально признано Чехословакией и настаивало на том, что поляки признали присоединенине всей Австрийской Силезии к чехословацкому государству [16].

Чехословацко-польские переговоры в конце ноября в Париже и в середине декабря в Праге по вопросу о Тешине закончились неудачей. Поляки хотели присоединить целую область и не хотели уступать чехам и части Тешинской территории [17]. К. Крамарж тоже исключал возможность компромисса. В начале декабря он уже обсуждал с Е. Бенешем возможность военного решения Тешинской проблемы [18]. Чехословацкий премьер считал, что самым лучшим решением является оккупация области союзниками. В своем новогодном выступлении Т.Г. Масарик категорически заявил, что чехословацкое правительство ни в коем случае не допустит, чтобы Польша присоединила любую территорию, которая уже была признана союзниками частью чехословацкого государства [19].

Е. Бенеш пытался установить контроль над Тешинской областью решением западных союзников. Он ссылался на французскую ноту от 19 декабря 1918 г., в которой было сказано, что до решения мирной конференции Чехословакия должна иметь границы исторических провинций Чехии, Моравии и Австрийской Силезии [20]. Британское правительство, хотя и более сдержанно, тоже заявило, что эти территории должны быть под чехословацкой юрисдикцией до решения мирной конференции, а Тешин должен остаться под чехословацкой властью с небольшими изменениями на востоке в пользу Польши [21].

Конкретной причиной оккупации района чехословацкими войсками оказалось решение польского правительства провести в январе 1919 г. парламентарные выборы. Такое событие могло бы превратиться в референдум, который бы таким способом решил вопрос о том, частью какого государства будет Тешинская область. Поэтому чехословацкое правительство решило предпринять военные меры, чтобы предотвратить присоединение Тешина к Польши.

На чрезвычайном заседании 23 декабря 1918 г. чехословацкое правительство обсуждало возможность оккупации Тешина. На заседании присуствовал Т.Г. Масарик, который поддерживал идею военной интервенции и заявил, что переговоры с поляками возможны только после оккупации области. Кроме того он опирался на слова

неофициального советника американского президента полковника Эдуарда Хауза, который твердил, что чехословацкое государство может включить в свои границы все земли с угольными залежами несмотря на то, если в них живет население иной народности [22].

Владимир Щепанек, секретарь чехословацкого министерства иностранных дел, вернулся из Парижа с сообщением от Э. Бенеша о том, что без французских войск не предпринимать никакой оккупации [23]. Однако чехословацкое правительство решило действовать, не ожидая французских войск, используя престиж французских офицеров, стоявших во главе чехословацких войск. На заседании 17 января 1919 г. оно приняло решение об оккупации области.

В письме Э. Бенеше 21 января 1919 г. президент Масарик тоже настаивал на оккупации Тешина [24]. Правящие круги в Праге ошибочно считали, что, *во-первых,* Польша не будет сопротивляться против военных частей во главе с французскими офицерами, и *во-вторых,* что оккупация такой маленькой области как Тешин не произведет впечатления у союзных государств и даже получит их одобрение. Польское правительство не только отказалось отступить, но приказало своим войскам ответить военной силой. „Семидневная война“ между поляками и чехамии (23-29 января 1919 г.) происходила на западном берегу реки Ользы в районе Фриштада и городе Тешина [25].

Несмотря на то, что Франция и Великобритания считали чехословацкие претензии основательными, они не одобрили оккупацию в той форме, в какой она была предпринята [26]. Один из французских представителей, Жозеф Нулан, обвинял чехословацкое правительство в нарушении договора 5 ноября 1918 г., оправдывая себя не только большевистской опасностью, но и историческими, географическими, экономическими и этническими причинами [27].

Правящие круги в Праге стали объектом сильной критики и со стороны американских представителей в Центральной Европе, охарактеризовавших чехословацкое нападение как агрессию [28]. Один из американских экспертов, профессор Арчибалд Кулидж, например, считал неправильным представить военное вторжение в области как союзническую акцию. По эго словам президент Масарик признался, что чехословацкие военные части не ожидали, что поляки

будут сопротивляться после вторжения чехословацкой армии в Тешинскую область [29].

На чрезвычайном заседании Верховного Совета (включая премьер-министров Великих держав-победителей), посвящённом Тешинской проблеме, Э. Бенеш безуспешно пытался оправдать действия чехословацких правителей запланированными незаконными выборами в области. В своем выступлении К. Крамарж подчёркивал историко-юридические аргументы чехов в отношении области, а также её экономическое значение для Чехословакии. Речь польского представителя Р. Дмовского имела гораздо больше эффекта, так как он подчеркнул важность, которую Польша могла бы иметь как барьер против большевисткой угрозы [30].

Первоначально военные представители Соглашения, находящиеся в Праге, решили послать в район союзные войска с целью сохранения мира и охраны угольных залежей в Карвине. В этой связи они вышли со следующим заявлением: „Население может сохранить спокойствие. Мы очень сочувствуем двум народам, которые составляют большинство местного населения. Как военные представители, мы не будем вмешиваться в политические проблемы. От всего населения мы ожидаем помощи в поддержке внутренного порядка“ [31].

В конце января союзники призывали обе стороны к отступлению за установленную 5 ноября 1918 г. демаркационную линию [32]. Чехословацкая сторона обещала вывести свои войска из области, но при условии, что на их место придут союзники [33]. Поляки не только отказались отступить, но, по мнению чехословацкой прессы, направили против них свое оружие [34] и настаивали на том, чтобы в Тешин была отправлена межсоюзническая комиссия.

3 февраля было подготовлено чехословацко-польское соглашение, так называемый Парижский протокол. Согласно этому документу в качестве временной меры чехо-словаки должны были занять весь угольный район и Бохумин, а поляки – город Тешин и железнодорожную линию [35]. К. Крамарж и Э. Бенеш отказались подписать документ, считая, что это равнозначно военному поражению, поскольку существует реальная опасность того, что их государство потеряет важный для него угольный регион [36]. В. Вильсон не одобрил их позицию и попросил британского публициста

У. Стийда, который был в тесных отношениях с чехословацкой делегацией, убедить её членов подписать перемирие, чтобы те не потеряли американской поддержки в „других вопросах“ из-за своего упорства [37]. В конце концов 3 февраля 1919 г. Э. Бенеш подписал документ [38].

Великие державы послали в Тешин межсоюзническую комиссию. В нее входили представители союзников, чехи, поляки, как и представители живущих в Тешинском регионе [39]. В спорной области комиссия должна была обеспечить порядок [40], а также подготовить необходимую информацию, на основе которой мирная конференция определит окончательную границу между двумя государствами [41].

Чехословацко-польский конфликт в Тешине нанес серьёзный удар по попыткам Эдварда Бенеша представить Чехословакию в качестве примера стабильности и порядка в Центральной Европе. Этот конфликт также показал еще одну тревожную тенденцию в послевоенной Европе – начертанная Т.Г. Масариком политическая реорганизация Средней Европы в его книге «Новая Европа», была в противоречии с послевоенной реальностью.

Примечания

1. *Jelínek Petr*. Zahraničně-politické vztahy Československa a Polska 1918 – 1924. – Opava: Matice Slezská, 2009.
2. *Wandycz Piotr*. The United States and Poland. – Cambridge: Harvard University Press, 1980.
3. *Raková Svatava*. Politika Spojených států ve střední Evropě po první světové válce. – Praha: Akademie, 1983.
4. *Kadlec Jaroslav*. Dmowského linie a těšínská otázka. – In: Promýšlet Evropu dvacátého století: proměny hranic, Brno: Matice moravská, 2014.
5. *Jelínek Petr*. Zahraničně-politické vztahy Československa a Polska 1918 – 1924. – Opava: Matice Slezská, 2009.
6. *Valenta Jaroslav*. Edvard Beneš a Těšínsko v letech 1918–1920. – In: Śląsk Cieszyński in zarania polskiej i czechosłowackiej niepodległości 1918–1920. – Cieszyn: PTH, Oddział Cieszyn, 1999.
7. *Buttin Félix*. The Polish-Czechoslovak Conflict over Teschen Silesia (1918–1920). – Perspectives: Review of Central European Affairs, Winter 2005/2006, – No 25.
8. *Valenta Jaroslav*. Edvard Beneš a Těšínsko v letech 1918–1920. – In: Śląsk Cieszyński in zarania polskiej i czechosłowackiej niepodległości 1918–1920. – Cieszyn: PTH, Oddział Cieszyn, 1999.

9. *Dmowski Roman.* Polytika Polska i odbudowanie państwa. ‾ Warszawa: Niklewicz, 1926.

10. *Ondřeka Zbyšek.* Padli jsme, aby národ žil. ‾ Český Těšín: Muzeum Těšínska, 2018.

11. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. svazek I, (eds.) Jindřich Dejmek, František Kolář, Praha: Ústav mezinárodních vztahů: Karolinum: Historický ústav AVČR, 2001.

12. *Pelc, Ferd*[*inand*]. "O Těšínsko". Vzpomínky a úvahy. ‾ Ostrava: Slezská Matice osvěty lidové, 1928.

13. *Ondřeka Zbyšek.* Padli jsme, aby národ žil. ‾ Český Těšín: Muzeum Těšínska, 2018.

14. *Pelc, Ferd*[*inand*]. "O Těšínsko". Vzpomínky a úvahy. ‾ Ostrava: Slezská Matice osvěty lidové, 1928.

15. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. svazek I, (eds.) Jindřich Dejmek, František Kolář, Praha: Ústav mezinárodních vztahů: Karolinum: Historický ústav AVČR, 2001.

16. *Ondřeka Zbyšek.* Padli jsme, aby národ žil. ‾ Český Těšín: Muzeum Těšínska, 2018.

17. Там же.

18. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. svazek I, (eds.) Jindřich Dejmek, František Kolář, Praha: Ústav mezinárodních vztahů: Karolinum: Historický ústav AVČR, 2001.

19. *Bílek Jiří.* Kyselá těšínská jablička. Československo-polské konflikty o Těšínsko 1919, 1938, 1945. – Praha: Epocha, 2018.

20. *Valenta Jaroslav.* Česko-polské vztahy v letech 1918–1920 a Těšínské Slezsko. ‾ Ostrava: Krajské nakladatelství, 1961.

21. *Perman, D[agmar*]. The Shaping of the Czechoslovak State. The Diplomatic History of the Boundaries of Czechoslovakia. ‾ Leiden: E. J. Brill, 1962.

22. *Valenta Jaroslav.* Edvard Beneš a Těšínsko v letech 1918–1920. – In: Śląsk Cieszyński in zarania polskiej i czechosłowackiej niepodległości 1918–1920. ‾ Cieszyn: PTH, Oddział Cieszyn, 1999.

23. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. svazek I, (eds.) Jindřich Dejmek, František Kolář, Praha: Ústav mezinárodních vztahů: Karolinum: Historický ústav AVČR, 2001.

24. *Korespondence T.G.* Masaryk – Edvard Beneš, sv. 2: 1918–1937, (eds.) Dagmar Hájková, Ivan Šedivý, Praha: Masarykův ústav a archiv AVČR, 2013.

25. *Buttin Félix.* The Polish-Czechoslovak Conflict over Teschen Silesia *(*1918–1920). – Perspectives: Review of Central European Affairs, Winter 2005/2006, – No 25.

26. *Bílek Jiří.* Kyselá těšínská jablička. Československo-polské konflikty o Těšínsko 1919, 1938, 1945. – Praha: Epocha, 2018.

27. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Paris Peace Conference. Washington: U. S. Government Printing Office, 1942-1947, 13 volumes, vols. III, XII.

28. Czechs Are Accused of Attacks on Poles in Teschen District. – The New York Tribune, 4.2.1919.

29. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Paris Peace Conference. Washington: U. S. Government Printing Office, 1942-1947, 13 volumes, vols. III, XII.

30. *Bílek Jiří.* Kyselá těšínská jablička. Československo-polské konflikty o Těšínsko 1919, 1938, 1945. – Praha: Epocha, 2018.

31. Dohoda nařidila Polákům, aby vyklidili Těšinsko. – Národní listy, 24.1.1919.

32. *Bílek Jiří.* Kyselá těšínská jablička. Československo-polské konflikty o Těšínsko 1919, 1938, 1945. – Praha: Epocha, 2018.

33. Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Paris Peace Conference. Washington: U. S. Government Printing Office, 1942-1947, 13 volumes, vols. III, XII.

34. Dohoda nařidila Polákům, aby vyklidili Těšinsko. – Národní listy, 24.1.1919.

35. *Korespondence T.G.* Masaryk – Edvard Beneš, sv. 2: 1918–1937, (eds.) Dagmar Hájková, Ivan Šedivý, Praha: Masarykův ústav a archiv AVČR, 2013.

36. *Bílek Jiří.* Kyselá těšínská jablička. Československo-polské konflikty o Těšínsko 1919, 1938, 1945. – Praha: Epocha, 2018.

37. *Raková Svatava.* Politika Spojených států ve střední Evropě po první světové válce. ¯ Praha: Akademie, 1983.

38. *Dejmek Jindřich.* Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX. století (1918 až 1992): vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky. ¯ Praha: Centrum pro ekonomiku a politiku, 2002.

39. *Buttin Félix.* The Polish-Czechoslovak Conflict over Teschen Silesia *(*1918–1920). – Perspectives: Review of Central European Affairs, Winter 2005/2006, – No 25.

40. Československo na pařížské mírové konferenci 1918–1920. svazek I, (eds.) Jindřich Dejmek, František Kolář, Praha: Ústav mezinárodních vztahů: Karolinum: Historický ústav AVČR, 2001.

41. Czecho-Polish Truce Obtained By Commission. – The New York Tribune, 4.2.1919; Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1919. Paris Peace Conference. Washington: U. S. Government Printing Office, 1942-1947, 13 volumes, vols. III, XII.

А.В. Баранов
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ЧЕХИ И ПОЛЯКИ НА ЮГЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ СОВЕТСКОЙ ЭТНОПОЛИТИКИ В 1920-х гг.[1]

Аннотация. В статье исследованы основные черты положения чехов и поляков на Юге России в контексте советской этнополитики 1920-х гг. Внимание уделено этнодемографии и географии расселения чехов и поляков в Северо-Кавказском крае, влиянию политики «коренизации» на этнический статус, общественное и социокультурное развитие чехов и поляков. Работа основана на анализе архивных документов, в том числе — протоколов, отчётов и директив национальных секций при краевом и окружных комитетах РКП(б).

Ключевые слова: советская этнополитика, 1920-е гг., Юг России, чехи, поляки.

A.V. Baranov
(Krasnodar, Russian Federation)

CZECHS AND POLES IN THE SOUTHERN RUSSIA IN THE CONTEXT OF SOVIET ETHNOPOLITICS, 1920s

Abstract. The article examines the main features of the situation of the Czechs and Poles in the South of Russia in the context of Soviet ethnopolitics of the 1920s. Attention is paid to the ethnodemography and geography of the settlement of Czechs and Poles in the North Caucasus Region, the influence of the policy of "korenization" on the ethnic status, social and socio-cultural development of Czechs and Poles. The work is based on the analysis of archival documents, including protocols, reports and directives of national sections under the regional and district committees of the RCP(b).

Key words: Soviet ethnopolitics, 1920s, South of Russia, Czechs, Poles.

Актуальность темы проявляется в необходимости исследовать цели и методы этнополитики в отношении дисперсно проживающих этнических меньшинств Юга России, имеющих «материнскую» государственность в странах зарубежной Европы. Чехи и поляки – яркий пример таких народов. Недостаточно изучены технологии и

[1] Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 21-09-43110 «Взаимоотношения партийно-государственной власти и полиэтничного общества в ходе реализации национальной политики (на материалах Северо-Кавказского края и Крымской АССР, 1920-е гг.)».

практики партийно-государственной политики 1920-х гг. на региональном уровне, в том числе – на Юге России.

Цель исследования – определить основные черты положения чехов и поляков на Юге России в контексте советской этнополитики 1920-х гг.

Под Югом России имеется в виду пространство дореволюционных Донской, Кубанской и Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний. С весны 1920 по лето 1924 гг. оно именовалось «Юго-Востоком России» («Юго-Западом» считалась нынешняя Украина), а с лета 1924 по 1933 гг. было принято наименование «Северо-Кавказский край», состоявший из сельских и городских округов, автономных областей.

Научная тема проанализирована неравномерно по различным направлениям. В наибольшей мере исследована этнополитика общегосударственного и южнороссийского уровня (в работах немецкого историка В. Дённингхауса [1; 2], российских специалистов Н.Ф. Бугая [3], В.З. Акопяна [4], А.В. Аверьянова [5]. Этнодемография народов Юга России, их земельные отношения и социальная структура изучены в монографии В.Н. Ракачёва и Я.В. Ракачёвой [6], статье О.В. Бершадской [7]. Но специальные исследования истории чехов и поляков Юга России проводятся редко. К ним относятся монографии А.И. Селицкого [8] и А.А. Боголюбова [9], диссертация Е.В. Домашек [10]. Малоизвестными остаются тенденции развития этнической интеллигенции, практики повседневной жизни чехов и поляков, соотношение их адаптации к принимающим сообществам и сохранения собственной культуры.

Методологией исследования выбран конструктивизм, чем обусловлено переосмысление этнических групп в качестве сообществ с подвижными маркерами самоидентификации индивидов, изменчивыми границами. Этничность воспитывается, а не наследуется генетически. Особенно это актуально применительно к этнодиаспорным группам в условиях модернизации общества XX в. [11].

Источниковая основа статьи включает в себя материалы текущего учёта населения и Всероссийской переписи 1926 г. [12]; протоколы, отчёты и директивы западнославянских и польских национальных секций подотдела национальных меньшинств при Агитационно-пропагандистском отделе (АПО) Северо-Кавказского крайкома РКП(б)

– ВКП(б), при АПО окружных комитетов большевистской партии [13]; справки земельных управлений о землепользовании и земельной реформе среди национальных меньшинств [14]; личные дела партийных деятелей (К.И. Голодовича, И.А. Григоровича) [15; 16].

Принципиально важно, что в 1920-х гг. партийные и советские органы власти последовательно проводили курс «коренизации» этнополитики, которую видный американский историк Т. Мартин назвал «империей положительной деятельности» (affirmative action empire). Это означало «позитивную дискриминацию» русского большинства населения за счёт преднамеренного повышения экономического, политического и культурного статуса этнических («национальных») меньшинств [17].

Применительно к этнодисперсным группам со сравнительно высоким уровнем экономического и культурного развития (немцам, полякам, чехам, народам Прибалтики) «коренизация» на Юге России, начатая в 1923 г., имела значительные особенности [18]. Было невозможно создать территориально компактные автономные образования. Не хватало подготовленных кадров работников партийных, государственных и образовательных структур, знавших чешский либо польский языки.

Каковы же были особенности этнодемографии чехов и поляков Юга России в 1920-х гг.? Перепись населения (декабрь 1926 г.) жёстко соблюдала принцип отнесения к национальностям по рождению, принадлежности родителей. Двойная этническая самооценка при учёте не допускалась. В итоге переписи в Северо-Кавказском крае установлено постоянное проживание 18 425 поляков (0,22% всего населения края), 3 780 чехов и словаков (0,045%). Изучаемые народы в гораздо большей степени, чем в среднем всё население края, были урбанизированы. Проживали в городах 68,3% поляков и 34,0% чехов и словаков, тогда как среди всего населения края горожане составляли 19,8% [19]. Это закономерно, поскольку среди поляков и чехов на Юге России значительную часть составляли городские рабочие, ремесленники, интеллигенция, партийные и советские руководящие работники.

Интересно территориальное распределение поляков и чехов. Наибольший удельный вес поляков отмечен в населении г. Владикавказа – 1,1%, г. Грозного – 0,75%, Черноморского округа –

0,69%. Чехи и словаки (учтены при переписи 1926 г. нераздельно) в повышенной мере проживали в Черноморском округе (0,94% населения, где (вокруг Анапы и Туапсе) было сосредоточено 72,2% всех чехов Северо-Кавказского края [20]. Наивысший уровень урбанизации поляков зафиксирован в г. Грозном и Владикавказе – по 100%, Таганрогском округе – 90,3%, Донском – 89,9%, Терском –75,0%; чехов и словаков – в г. Грозном и Владикавказе (100%), Таганрогском (94,4%), Донском (86,2%), Шахтинско-Донецком округе (74,5%) [21]. Таким образом, поляки и чехи на Юге России концентрировались в основных промышленных центрах региона: Ростове-на-Дону, Таганроге, Грозном, Краснодаре, Владикавказе, а также на пересечении торговых путей (Кавказские Минеральные воды, ст. Кавказская и др.).

Что касается этнодемографических изменений, А.А. Боголюбов [22] и А.В. Гайворонская [23] доказали уменьшение численности поляков на Юге России за 1920–1926 гг. в 2,5 раза. Это объясняется репатриацией многих поляков, оказавшихся на Юге России за годы Первой мировой и Гражданской войн, не укоренившихся в нашем регионе. Аналогичный процесс отмечен среди чехов. Спад численности западнославянских народов можно объяснить также зыбкими границами идентичности чести мигрантов. Так, на заседании польской национальной секции при АПО Кубано-Черноморского обкома РКП(б) 22 марта 1924 г. докладчик Мыслинский отмечал плохое знание многими рабочими-поляками родного языка и письменности [24]. До переписи населения 1926 г. даже элементарный учёт численности народов не был налажен.

Для тех чехов и поляков, которые проживали в сельской местности, самым злободневными вопросами были землеустройство, сохранение сложившейся специализации хозяйств, а также признание властью форм самоорганизации этнических сообществ: кооперативов, национальных школ, религиозных общин. Данные вопросы решались органами власти противоречиво. До 1927 г. на местах учитывали повышенную доходность чешских хозяйств и их специализацию, чтобы не сокращать налоговые поступления [25]. Напротив, с 1927 г. органы власти перешли к коллективизации и финансово-экономической дискриминации зажиточных слоёв деревни. «Классовый подход» и стандартизация стали приоритетными. Заведующий Черноморским окружным земельным управлением Кодин признавал в «Справке о

землепользовании и землеустройстве национальных меньшинств в Черноморском округе» (1928 г.), что до революции национальные меньшинства были хуже обеспечены землей, чем основная часть населения: 1–2 десятин на семью в сравнении с 5–15 дес., хотя было и много сёл с равным землепользованием народов. Но земельная реформа велась в отношении «нацменов» на общих основаниях, как и распределение кредитов. Темпы землеустройства сильно различались по районам: в Анапском реформа в национальных сёлах была завершена, а в Туапсинском планировалось завершить передел угодий в 1931 г. Показательно, что на текст справки неизвестный вышестоящий чиновник наложил резолюцию о неудовлетворительной работе земельного управления в отношении нацменьшинств. Он потребовал создать особо благоприятные условия для обеспечения землёй национальных колхозов [26].

«Коренизация» национальной политики, начатая по решению XII съезда РКП(б) (апрель 1923 г.), предусматривала: преодоление былой дискриминации этнических меньшинств; обеспечение их пропорционального представительства в партийных, советских и хозяйственных органах; организацию подотделов национальных меньшинств, а в их составе – национальных секций при партийных комитетах; создание форм самоуправления (применительно к чехам и полякам – национальных сельсоветов и общественных организаций); поощрение развития языка и этнической культуры в рамках коммунистической идеологии [27]. Внимание органов власти к развитию польских сообществ было повышенным, поскольку в 1920-х гг. Польша воспринималась как основной военный противник на западных границах. Польша действительно вела разведывательную и диверсионную активность на Украине и советском Кавказе, в Белоруссии (план «Прометей»), рассчитывая опереться на свою диаспору [28].

На Юге России национальные секции при областных партийных комитетах создаются по директиве ЦК РКП(б) в октябре 1923 г. во время неудачной Германской революции. Так, участники совещания инициативной группы в Кубано-Черноморском обкоме РКП(б) 22 октября 1923 г. обсуждали вопрос о создании польско-немецко-чешской секции при подотделе национальных меньшинств обкома. Цель обозначена начальником Секретно-оперативной части Кубано-

Черноморского отдела ОГПУ Я.А. Бухбандом: «Мы хотим создать кадровых работников для революций на Западе» [29]. Тема вызвала разногласия. Одни работники предлагали создать единую секцию, аргументируя это нехваткой кадров и малым количеством чехов. Другие выступали за создание отдельных секций. Победила промежуточная позиция: создать на две недели организационное бюро во главе с Я.А. Бухбандом, а затем образовать две секции – польскую и немецкую. 26 ноября 1923 г. члены оргбюро постановили создать западно-славянскую секцию. Докладывал сотрудник областного Совета народного хозяйства К.И. Голодович [30]. Характерна аргументация: организовать секцию «в связи с событиями в Германии и вообще на Западе» [31]. Председатель созданной в январе 1924 г. западно-славянской секции Атрас конкретизировал, что нужна организация и подготовка поляков-коммунистов, чтобы они были готовы «участвовать в руководстве пролетариатом своей страны, когда наступит время» [32]. Предлагалось открывать польские школы для изучения родного языка и политического просвещения, провести учёт членов партии и комсомола — поляков и знающих польский язык [33].

Но уже в январе 1924 г. руководители секции (Атрас, Лянцкоронский и др.) столкнулись с значительными трудностями, отмечая отсутствие польского клуба и библиотеки, острую нехватку идеологической литературы на родном языке, пассивность многих коммунистов. Состав бюро польской секции часто менялся (три председателя за год). На заседании секции 3 февраля 1924 г. отмечалась слабость руководства со стороны обкома РКП(б), не было плана работы и оплачиваемых штатных сотрудников [34]. План разработан в марте 1924 г., западнославянская секция получила свой устав и начала участвовать в просветительной и культурно-массовой работе Краснодарского интернационального рабочего клуба национальных меньшинств [35]. В плане работы секции на март-апрель 1924 г. предусмотрено создать кружок изучения польского языка во главе с заведующим польской школой Я. Годзевичем и кружок политграмоты; организовывать в клубе обсуждение докладов и рефератов; выписывать из Москвы и Минска польские газеты. Для новых членов национальной секции разработана анкета, в которой можно отметить вопросы: «На каких языках говорит и читает», «Какую работу может выполнять» [36]. По отчёту секции 8 июня 1924 г., в ней состояло 36 большевиков, а в

польском кружке краснодарского клуба «Нацмен» — 38 рабочих (второе место по численности после армянской секции). Отмечалась слабая работа с молодёжью, не было раздела «Жизнь национальных меньшинств» в окружной газете «Красное знамя» [37].

Несмотря на успешные меры по развитию партийной и культурно-просветительной работы с поляками, через 3 года, в январе 1927 г. члены бюро Польской секции при АПО Кубанского окружкома ВКП(б) отмечали слабое участие поляков в заседаниях клуба «Нацмен» [38]. Часть рабочих-поляков стекольного завода в г. Краснодаре полагала, что участвовать в мероприятиях клуба опасно; власти обвинят в антисоветской политике, поскольку ранее прошли аресты рабочих завода, обвинённых в связях с польской шпионской организацией [39]. Слабость работы польских секций ВКП(б) отмечалась также в Армавирском, Черноморском и Майкопском округах.

Поэтому план работы подотдела национальных меньшинств АПО Кубанского окружкома ВКП(б) на декабрь 1926 – март 1927 гг. предусматривал введение должности уполномоченных по работе среди национальных меньшинств при райкомах партии и райисполкомах, создание национальных партсекций в районах проживания меньшинств. При окружном отделе народного образования организуется Совет национальных меньшинств. Проводятся беспартийные конференции «нацмен» в г. Краснодаре и сельских районах. Создаются национальные отделы библиотек, национальные кружки либо уголки при всех профсоюзных клубах. Ликвидация неграмотности национальных меньшинств должна была вестись на родном языке в «красных уголках» предприятий и избах-читальнях [40]. Но степень эффективности работы нуждается в дополнительном изучении.

Подведём итоги. Чехи и поляки на Юге России в 1920-х гг. являлись одним из дисперсно проживающих этнических меньшинств. Они имели повышенный удельный вес горожан и грамотных в сравнении со всем населением Северо-Кавказского края, в основном проживали в крупных городах и торгово-экономических центрах. Численность чехов и поляков на Юге РСФСР в первой половине 1920-х гг. значительно сократилась вследствие репатриации, ослабления этнической и языковой идентичности. Сельская часть чехов и поляков, имея недостаточную обеспеченность землёй, специализировалась на

технических культурах. С началом коллективизации этот слой подвергся раскулачиванию.

С 1923 г. на региональном и местном уровне была создана сеть партийных и советских, просветительных органов, специализированных на работе с польским и чешским населением. Но национальные секции партийных комитетов РКП(б) испытывали большие трудности при влиянии на чешское и польское население, и данная система стала работоспособной лишь в 1927 г.

Органы власти столкнулись с противоречием: поощряя этническую идентичность чехов и поляков, они должны были обеспечивать доминирование коммунистической идеологии, повышать роль рабочих и других лояльных власти групп внутри этнических меньшинств, не допуская роста влияния «буржуазных отечеств» на чехов и поляков, ограничивая влияние этнической интеллигенции. Первоначальные надежды (осень 1923 г.) выращивать руководящие кадры для будущих революций в Польше и Чехии оказались беспочвенными в условиях жёсткого дефицита ресурсов воздействия власти на этнические группы.

Примечания

1. *Дённингхаус В.* Советская национальная политика и проблема этнодисперсных групп (1922–1930 гг.) // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI междунар. науч. конф. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М., 2014. – С. 115–125.

2. *Дённингхаус В.* «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем…»: становление и деятельность национальных секций РКП(б)/ВКП(б) (1917–1929 гг.) // Уроки Октября и практики советской системы. 1920–1950-е годы: Материалы X междунар. науч. конф. Москва, 5–7 декабря 2017 г. – М., 2018. – С. 468–478.

3. *Бугай Н.Ф.* Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем. – М.; Тула, 2011.

4. *Акопян В.З.* Проблемы национальных меньшинств в деятельности Комиссии по национальной политике Северо-Кавказского крайкома (1920-е годы) // Научная мысль Кавказа. – Ростов н/Д, 2013. – № 2. – С. 76–79.

5. *Аверьянов А.В.* Особенности партийного строительства среди дисперсных этносов на Дону, Кубани и в Черноморье в 1920–1930-е гг. // Манускрипт. Тамбов, 2020. – Т. 13. – Вып. 1. – С. 21–25.

6. *Ракачёв В.Н., Ракачёва Я.В.* Народонаселение Кубани в XX веке: историко-демографическое исследование: в 4 т. – Т. 1: 1900–1920-е гг. – Краснодар, 2005.

7. *Бершадская О.В.* Национальные традиции хозяйственной деятельности как фактор развития черноморской деревни в первой трети XX в. // История: факты и символы. – Елец, 2017. – № 1. – С. 88–95.

8. *Селицкий А.И.* Поляки на Кубани: исторические очерки. – Краснодар, 2008.

9. *Боголюбов А.А.* Поляки на Северном Кавказе в XIX–XX вв. – Пятигорск, 2014.

10. *Домашек Е.В.* История чешских поселений Черноморского побережья Северного Кавказа во второй половине XIX в. – 1914 г. Дис. … канд. ист. наук. – Краснодар, 2007.

11. *Gellner E.* Nations and Nationalism (New Perspectives on the Past). 2nd ed. – Ithaca, 2009.

12. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. Северо-Кавказский край. Армавирский округ… URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_26.php?reg=817 (дата обращения: 04.09.2021).

13. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИКК). – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 1, 2, 5, 7, 10.

14. ЦДНИКК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 878. – Л. 1–2, 8–9.

15. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-143. – Оп. 6. – Д. 426. – Л. 1–7.

16. ЦДНИКК. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 842. – Л. 1–5.

17. *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. – Ithaca, 2001.

18. Всесоюзная перепись населения 1926 года.

19. Там же.

20. Там же.

21. Там же.

22. *Боголюбов А.А.* Указ. соч. – С. 165.

23. *Гайворонская А.В.* Поляки в этнокультурном пространстве Юга России (XIX – начало XXI вв.) // Этнокультурное пространство Юга России (XVIII – XXI вв.). Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Ноябрь-декабрь 2013 г. – Краснодар, 2013. С. 147.

24. ЦДНИКК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 15.

25. *Бершадская О.В.* Указ. соч. – С. 89–93; Основные моменты хозяйственного строительства, политического положения и работы на Черноморье. – Новороссийск, 1927.

26. ЦДНИКК. – Ф. 9. – Оп. 1. – Д. 878. – Л. 1–2, 8–9.

27. По национальному вопросу: резолюция XII съезда РКП(б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., испр. и доп. – М., 1984. – Т. 3. – С. 79–88.

28. *Bączkowski W.* Uwagi o Kaukazie. URL: http://www.omp.org.pl/stareomp/indexacc5.html?module=subjects&func=viewpage&pageid=16 (data zgłoszenia: 07.09.2021).
29. ЦДНИКК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 28.
30. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. Р-143. – Оп. 6. – Д. 426. – Л. 1–7.
31. ЦДНИКК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 68. – Л. 27.
32. Там же. – Л. 1.
33. Там же. – Л. 27.
34. Там же. – Л. 7.
35. Там же. – Л. 10.
36. Там же. – Л. 15–16, 24.
37. Там же. – Л. 19–21.
38. ЦДНИКК. Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 414. – Л. 2, 5.
39. Там же. – Л. 1.
40. ЦДНИКК. – Ф. 8. – Оп. 1. – Д. 407. – Л. 1–3.

А.Г. Иванов

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ЗА КУЛИСАМИ МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ФОРИН ОФФИС)

Аннотация. В статье дан анализ чехословацкого кризиса 1938 г. Приведены архивные документы фонда Форин оффис, раскрывающие хитросплетения дипломатической борьбы вокруг Чехословакии и мира в Европе.

Ключевые слова: кризис, Форин оффис, правительство, Чехословакия, пакт, обязательства.

A.G. Ivanov

(Krasnodar, Russian Federation)

BEHIND THE BACKSTADE OF THE MUNICH DEAL (ON MATERIALS OF THE FOREIGN OFFICE ARCHIVE)

Abstract. The article gives an analysis of the Czechoslovak crisis 1938. Archival documents of the Foreign Office's fund are presented, which disclose the intricasies of the diplomatic struggle over Czechoslovakia and the problem of peace in Europe.

Key words: crisis, Foreign Office, government, Czechoslovakia, pact, obligations.

История чехословацкого кризиса и Мюнхенского соглашения 1938 г. достаточно хорошо известна по опубликованным документам и материалам, монографиям, статьям [1]. В то же время имеются неопубликованные архивные документы, которые позволяют заметно расширить наши представления о драматических событиях в центре Европы в канун Второй мировой войны. В настоящей статье автор использует материалы фонда Форин оффис (Национальный архив, Лондон): протоколы заседаний английского кабинета, меморандумы и оценки дипломатами, политиками и военными Великобритании и других стран ситуации, связанной с чехословацким кризисом. Эти документы проливают свет на характер и целевую направленность политики умиротворения, которую проводили западные державы накануне Второй мировой войны.

Аннексия Австрии Третьим рейхом серьезно осложнила положение Чехословакии, которая оказалась окруженной агрессором с трех сторон. Не случайно поэтому буквально на следующий день после аншлюса Австрии, т.е. 13 марта 1938 г., Форин оффис рассмотрел положение в Центральной Европе. Помощник постоянного заместителя министра иностранных дел Великобритании А. Кадогана О. Сарджент представил меморандум на рассмотрение кабинета, в котором констатировал, что захват Австрии Германией намного увеличил опасность войны в ближайшие два-три года. Он предупредил правительство: «Если мы будем бездействовать, то для нас и для Франции будет потеряна вся Центральная Европа». Английский дипломат придавал большое значение позиции Италии, которая «все больше склоняется к Германии, как сильной державе», и позиции Франции. Французские обязательства по пакту о взаимопомощи с Чехословакией рассматривались как крайне невыгодные для Великобритании, поэтому Сарджент в программе действий на ближайшее время особо выделил пункт о согласовании общей с французами линии в чехословацком вопросе. Что касается СССР, связанным с Чехословакий и Францией пактами о взаимопомощи, то его готовность выполнить свои обязательства была поставлена под большое сомнение: «Россия в настоящий момент совершенно не поддающаяся учету сила, и единственное, что можно сказать с определенностью, это то, что советское правительство не собирается

быть вовлеченным в конфликт за рубежом. Ни Франция, ни Чехословакия не могут рассчитывать на Россию в выполнении ее обязательств по договорам». Британский дипломат полагал, что «в Восточной Европе можно ожидать сохранения тупикового состояния до тех пор, пока Гитлер не решит развивать экспансию на Восток за счет Польши или России» [2].

Итак, был дан старт разработке британской стратегии в условиях быстро разраставшегося чехословацкого кризиса. 18 марта Форин оффис представил правительству меморандум за подписью министра иностранных дел лорда Галифакса «Возможные меры по предотвращению акции Германии в Чехословакии». В нем признавались значительное ухудшение положения Чехословакии после аншлюса Австрии и тот очевидный факт, что «германское правительство будет добиваться включения немецкого меньшинства в состав Третьего рейха, переходной ступенькой чего будет автономия» (Судетской области. – А.И.). Далее указывалось: «Германия рассчитывает также разрушить договоры Чехословакии с Францией и СССР и создать из Чехословакии нейтральное государство типа Швейцарии». Галифакс считал, что принятие Англией обязательства об оказании помощи чехам может существенно уменьшить опасность войны. Но, с другой стороны, такое обязательство увеличит «шансы вовлечения (Великобританиии. – А.И.) в войну раньше, чем это представляется желательным».

Вниманию правительства предлагались три варианта действий в связи с угрозой, нависшей над Чехословакией:

1. Большой союз против агрессоров с участием Франции и других стран (предложение У. Черчилля в палате общин парламента 14 марта).

2. Новое обязательство Англии по отношению к Франции, т.е. косвенная помощь Чехословакии.

3. Никаких новых обязательств в отношении Франции.

Аргументация против первого варианта свелась к тому, что образование большого союза – «дело чрезвычайно трудное», тогда как Чехословакия нуждается в незамедлительной помощи. Кроме того, перспектива оформления такого союза подтолкнет Германию к провокациям и предоставит ей возможность покончить с Чехословакией [3].

Реализация второго варианта обставлялась условиями: чехословацкое правительство должно было гарантировать «хорошее обращение с судетскими немцами» [4], а Франция, прежде чем прийти на помощь Чехословакии, – получить одобрение Великобритании [5].

Галифакс склонялся к третьему варианту: не принимать обязательств по отношению к Чехословакии, убедить ее и Францию в том, что наилучшим исходом было бы достижение соглашения с Германией [6]. Но такой внешнеполитический курс, не случайно охарактеризованный министром как «негативный», скорее всего привел бы к полному подчинению Чехословакии диктату Гитлера.

Итак, курс на мирное разрешение судетской проблемы в пользу Германии за счет Чехословакии был взят официальным Лондоном уже на ранней стадии чехословацкого кризиса. Этот курс был навязан чехам и французам, хотя последние давно уже попали в зависимость от англичан и не могли (да и не желали) действовать самостоятельно, без оглядки на своего соседа за Ла-Маншем. Поистине, это были странные союзники, которых мало что связывало.

Расчеты Форин оффис и кабинета Чемберлена подкреплялись английскими начальниками штабов, которые пессимистически оценивали положение в Центральной Европе и считали ситуацию для Чехословакии безнадежной. В меморандуме «Военное значение германской агрессии против Чехословакии» от 21 марта 1938 г. указывалось: «Никакое давление с нашей стороны и со стороны наших союзников не в состоянии помешать Германии вторгнуться в Богемию и оккупировать ее и тем самым нанести решающее поражение чехословацкой армии. Поэтому предстоит долгая борьба за восстановление Чехословакии. В настоящей ситуации более чем очевидно: Италия и Япония воспользуются обстановкой, чтобы вмешаться и осуществить свои цели и намерения». Столь пессимистический прогноз подкреплялся неутешительными оценками соотношения сил противостоявших сторон. По расчетам начальников штабов, Германия могла выставить на фронт 57 дивизий. У нее имелись еще 24 дивизии ландвера, но они были пригодны только к несению охранной службы. Что касается 9 бывших австрийских дивизий, то их планировалось ввести в действие лишь через три месяца после начала войны [7].

Численность чехословацкой армии определялась по масштабам мирного времени – 17 пехотных и 4 кавалерийские дивизии. Таким образом, мобилизационные возможности Чехословакии не учитывались. Между тем английский военный атташе в Праге подполковник Г. Стронге в донесении в Лондон от 5 апреля 1938 г. констатировал: в случае германо-чехословацкого вооруженного конфликта армия Чехословакии «удивит всех своей способностью обороняться» [8].

Начальники штабов дали невысокую оценку также французской армии: «Хотя Франция может мобилизовать 53 дивизии, это возможно провести лишь за счет промышленности и сельского хозяйства, и она (Франция. – А.И.) будет не в состоянии обеспечить (военным снаряжением. – А.И.) такое количество дивизий на фронте», а «сможет поддерживать от 30 до 40 дивизий». Пессимистичными были и оценки французских военно-воздушных сил, а также состояния авиапромышленности, «географическое положение которой делает ее уязвимой для ударов (люфтваффе. – А.И.) с воздуха» [9].

Вооруженные силы СССР – союзника Чехословакии – вообще не принимались в расчет британскими военными руководителями, что, разумеется, не было случайным: сталинские репрессии командного состава Красной армии нанесли тяжелый удар по советскому оборонному потенциалу, значительно снизили ее наступательные возможности. Об этом, в частности, шла речь на англо-французских переговорах в Лондоне в конце апреля 1938 г. Лорд Галифакс заявил следующее: «Что касается России, то репрессии среди высшего командного состава армии… ставят под большое сомнение ее возможный вклад…в защиту Чехословакии» [10]. К тому же правительственные круги Великобритании не желали военно-политического сотрудничества с СССР, намереваясь отстранить его от решения проблем в Центральной Европе. Архив Форин оффис содержит неопровержимые доказательства этого. На заседании английского кабинета 22 марта 1938 г. при обсуждении меморандума начальников штабов было сказано, что они «были проинструктированы не принимать Россию в расчет». Было также высказано сомнение, что меморандум отражает реальное соотношение сил: «Возможно, они (начальники штабов. – А.И.) недооценили некоторые слабые места Германии». Как бы в оправдание своей

позиции (по существу, капитулянтской) было заявлено, что «завтра может быть еще хуже, поскольку малые государства (Австрия и другие. – А.И.) много добавят Германии, которая будет намного сильнее» [11].

Интересна оценка меморандума членами кабинета Чемберлена. Лорд Галифакс признал, что «этот доклад чрезвычайно меланхолический, который ни одно правительство не может игнорировать». И далее: «Учитывая этот доклад я не осмелюсь предложить политику, грозящую втягиванием (Великобритании. – А.И.) в войну». Министр иностранных дел предложил склонить Чехословакию к прямому соглашению с судетскими немцами, используя с этой целью и правительство Франции. Чтобы исключить нежелательную для Англии реакцию Франции (оказание помощи Чехословакии. – А.И.), было решено «дать понять французам, что мы не можем брать на себя какие-либо новые обязательства и оставить вопрос о войне и мире в их руках». Как явствует из протокола заседания кабинета, Чемберлен и его окружение учитывали также итальянский фактор. Италия рассматривалась как крайне нежелательный противник Великобритании в случае войны. Поэтому английское руководство не оставляло попыток добиться соглашения с Италией и обеспечить ее дружественный нейтралитет. В этой связи подчеркивалось: «Переговоры с Италией могут быть успешными, если мы оставим Чехословакию». Кабинет одобрил курс на мирное решение судетского вопроса. Была отмечена важность перевооружения армии, авиации и флота страны, а также соглашения с Муссолини [12]. В качестве аванса Великобритания и Франция признали захват Эфиопии Италией в апреле 1938 г.

Эта акция была очередным звеном в политике умиротворения, которую западные державы проводили с упорством, достойным лучшего применения. Она свелась к односторонним уступкам агрессорам – Германии и Италии в надежде (пустой, как оказалось) достижения мира и согласия с ними, обеспечения безопасности на Западе. Планка уступок под давлением Гитлера и Муссолини неуклонно повышалась, они становились все более весомыми, включая суверенитет и независимость отдельных государств, таких как Эфиопия, Австрия и Чехословакия.

Архивные документы показывают, что в Лондоне отдавали себе отчет в том, что автономия судетских немцев – это ширма для прикрытия аннексии Судет Германией. Но предполагаемое соглашение с Гитлером задевало также интересы Франции и СССР, поскольку в случае его реализации вся система безопасности, основанная на пактах о взаимопомощи между Францией, Чехословакией и СССР, утрачивала свою силу. С точки зрения официального Лондона, это было не минусом, а плюсом, ибо устраняло опасность войны в центре Европы, в которую при определенных обстоятельствах могла быть втянутой Великобритания. К тому же англичане надеялись (хотя это была иллюзия, чреватая самыми серьезными последствиями), что ликвидация пактов послужит общему делу умиротворения и упрочит безопасность на Западе.

Но Франция примерно с середины 1930-х гг. стратегически все больше зависела от Великобритании, что заметно облегчало Чемберлену и его окружению достижение поставленных целей. Правительство Л. Блюма и сменившее его в апреле 1938 г. правительство Э. Даладье формально выступали за выполнение обязательств по франко-чехословацкому договору 1924 г. о союзе и дружбе и пакту 1925 г. о взаимных гарантиях, хотя подлинные намерения этих правительств были весьма далеки от публичных деклараций. Наиболее влиятельные круги во Франции (банкиры и промышленники, консервативный генеральный штаб и др.) стремились избавиться от обременительных для себя обязательств. К сторонникам такого курса относился бывший премьер-министр П. Фланден. В беседе с английским послом в Париже Э. Фиппсом 27 марта 1938 г. он сказал: «Защитить Чехословакию невозможно, и было бы глупо пытаться сделать это» [13]. Левые и левоцентристские силы во Франции считали иначе. Так, еще один бывший премьер-министр Э. Эррио в беседе с Фиппсом 26 марта подчеркнул, что «необходимо создать мощный оборонительный союз против Германии» с участием СССР. «Игнорировать Россию абсурдно, Великобритании и Франции следует сблизиться с ней, так как она может сыграть роль мощного противовеса Германии». Он также резко отозвался об Италии, осудил политику невмешательства в Испании и предложил, чтобы западные державы воздержались от признания захватов Эфиопии и Австрии [14]. Интересна реакция руководящих сотрудников Форин оффис О.

Сарджента и У. Стрэнга на эти высказывания Эррио: «Мы можем только надеяться, что Эррио не будет востребован для «спасения» Франции… Его позиция почти во всем противоречит политике правительства Его Величества» [15].

В этой связи необходимо отметить, что на Францию постоянное давление оказывало правительство Чемберлена, не желавшее допускать приведение в действие франко-чехословацкого договора о взаимопомощи. Так, 21 марта лорд Галифакс направил в посольство в Париже меморандум с изложением ситуации в Центральной Европе для передачи его правительству Франции. В нем подчеркивалось: «Захват Австрии серьезно осложнил положение Чехословакии. Рано или поздно Германия добьется своего и, даже если Франция и СССР будут воевать с ней, это не предотвратит военной оккупации Чехословакии». Министр иностранных дел отметил, что в случае возникновения войны Англия сможет помочь Франции лишь посредством оказания «экономического давления (на Германию. – А.И.), а это, как показывает опыт, медленный процесс и с запоздалым эффектом». Английское правительство, указывалось в меморандуме, убеждено в том, что Франция совместно с Великобританией должна принять любые возможные меры воздействия на Чехословакию по урегулированию проблемы судетских немцев [16]. 22 марта этот документ, облеченный в форму дипломатической ноты, был передан Фиппсом по назначению.

Одновременно правительство Чемберлена начало оказывать все более возраставшее давление на Чехословакию, добиваясь от нее согласия на мирное решение судетского вопроса. Так, 25 марта министр внутренних дел С.Хор встретился с чехословацким послом в Лондоне Я. Масариком. Тот высказал опасение, как бы англичане не предприняли шагов, которые «ослабят моральное сопротивление чехословацкого правительства аннексии германских районов» (Судетской области. – А.И.). Хор настоятельно рекомендовал президенту Чехословакии Э. Бенешу воспользоваться услугами Англии и Франции для «действительно удовлетворительного решения» судетской проблемы, взять инициативу в свои руки и не поддаваться «никакому давлению извне» [17]. Под последним министр подразумевал возможное согласие Праги на получение помощи от

СССР, что грозило втянуть в вооруженный конфликт Францию и поставило бы Великобританию в трудное положение.

Как свидетельствуют опубликованные документы, СССР не раз подтверждал свои обязательства по пакту с Чехословакией [18], правда, не ясно, готов ли был Сталин выполнить их. В принципе ему это было невыгодно, хотя другой возможный вариант – поглощение Чехословакии Германией – представлялся опасным. Здесь имелись также серьезные трудности, обусловленные как несовершенством пакта, так и ориентацией чехословацкого правительства на западные державы. По настоянию Праги выполнение взаимных обязательств СССР и Чехословакии было поставлено в зависимость от позиции Франции. Кроме того, отсутствие границы СССР с Чехословакией (а также Германией) делало оказание помощи чехам весьма проблематичным, тем более что Польша и Румыния не собирались пропускать советские войска через свои территории. Таким образом, СССР не мог рассчитывать на взаимодействие с другими державами с целью противостоять экспансии нацистов. Пакт о взаимопомощи с Францией от 2 мая 1935 г. был лишен военной конвенции, против которой выступал французский генеральный штаб, и поэтому был просто неэффективным, а союз с Чехословакией рассматривался в Праге как второстепенный по своей значимости.

Что касается Франции, то она не желала рисковать без твердой гарантии на получение помощи от Великобритании. Но англичане всегда были против предоставления твердых гарантий кому бы то ни было. Учитывая зависимость Франции от Великобритании, становится понятным подчиненное положение французов по отношению к англичанам.

Говоря о позиции Франции, необходимо отметить одно немаловажное обстоятельство: в правительство Даладье в своем большинстве входили политики, которым претила сама мысль о войне с Германией, люди, которые больше заботились не о безопасности страны, а о сиюминутных, зачастую корыстных интересах. В этой связи нелицеприятную оценку своим коллегам дал министр колоний Ж. Мандель в беседе с советником советского полпредства в Париже Е. Гиршфельдом 4 июня 1938 г.: «Беда в том, что во главе правительства во Франции стоят люди, которые не верят в проводимую ими политику, навязанную им фактически извне. Бонне

(министр иностранных дел. – А.И.) – за соглашение с Германией, но основное его желание – остаться у власти, и, как умный человек, он понимает, что нужно проводить политику нынешнего большинства Палаты. Шотан (вице-премьер. – А.И.) также стоит за соглашение с Германией, но он не пользуется большим влиянием в кабинете из-за личной вражды с Даладье». О последнем Мандель отозвался так: «Даладье не имеет определенной политики, но на него можно влиять, и он будет с большинством» [19]. Разумеется, англичане знали это и успешно склоняли премьер-министра Франции к предательству Чехословакии.

Архивные документы позволяют произвести своеобразную анатомию чехословацкого кризиса и осуществить корректировку некоторых важных моментов. Первую скрипку на протяжении всего кризиса играла Великобритания (все варианты решения судетской проблемы исходили из Лондона), и она не питала иллюзий относительно целей Гитлера. Стратегическое положение Чехословакии после аншлюса Австрии резко осложнилось, но все же соотношение сил было не в пользу Германии. К тому же умиротворителя явно переоценили потенциал Третьего рейха, армия которого насчитывала 51 дивизию, причем треть из них находилась в стадии формирования [20]. Накануне Мюнхенской конференции, 25 сентября 1938 г., состоялось заседание английского кабинета, на котором обсуждались итоги визита Чемберлена к Гитлеру в Бад-Годесберг, где тот предъявил ультиматум о передаче всей Судетской области Германии (неделей ранее в Берхтесгадене стороны договорились о передаче рейху районов Судет с преобладающим немецким населением). Настроение некоторых членов правительства, в частности президента Торговой палаты О. Стэнли, было подавленным. Он заявил о невозможности доверять Гитлеру, который слишком часто нарушает данное им слово: «Если Чехословакия отвергнет новые германские требования, а Франция придет к ней на помощь, то Англии следует поддержать Францию». Лорд Галифакс выразил похожее мнение: «Пока существует нацизм, мир не может быть прочным. По этой причине я чувствую, что было бы неверным оказывать давление на Чехословакию. Они сами должны решать. Если они отвергнут ультиматум (Гитлера. – А.И.), думаю, что Франция

вмешается, а вместе с ней должны вмешаться и мы». Правда, он тут же заметил, что не считает такое свое мнение окончательным.

Но все же преобладали мрачные оценки и настроения, которые выразил лорд-канцлер Моэм: «Если Чехословакия спросит нашего совета, ей нужно сказать, что Франция, Россия и Англия не могут предотвратить ее захвата и разрушения. Россия беспомощна как союзник; состояние французской авиации вызывает тревогу; Италия и, вероятно, Япония выступят против нас».

В свете этих высказываний небезынтересным представляется мнение министра по координации обороны Т. Инскипа: «Мы, если будем воевать, одержим победу, но это будет стоить очень дорого. С точки зрения наших интересов, нам не следует ввязываться в войну». Его поддержали министр авиации К. Вуд и канцлер казначейства Дж. Саймон.

Чемберлен подвел черту под дискуссией тирадой, которая не оставляла сомнений в его капитулянтской позиции: «Вопрос о том, что действия Гитлера оскорбительны, отпадает, так как они адресованы не нам, а мы – лишь посредники. Строго говоря, мы не оказывали никакого давления на чехов; вот если бы мы угрожали им войной в случае непринятия условий Гитлера, – это было бы давление». Кабинет принял решение воздержаться от объявления войны Германии, даже если чехословацкое правительство отвергнет годесбергский ультиматум Гитлера. Было условлено, что Франция и Чехословакия должны быть «поставлены перед реальными фактами» [21]. Такая формулировка не оставляла сомнений в том, что английское руководство было преисполнено решимости довести до конца линию капитуляции перед агрессором.

Вскоре наступила развязка – в Мюнхене 29-30 сентября состоялась конференция с участием Чемберлена, Даладье, Гитлера и Муссолини, которая решила судьбу не только Чехословакии, но и всей Европы. Идея конференции, как свидетельствует Лондонский архив, принадлежала английскому послу в Германии Н. Гендерсону, одному из наиболее активных умиротворителей. Он выдвинул ее в письме в Форин оффис 21 июля и поставил в зависимость от исхода миссии Ренсимена [22]. Лорд Ренсимен был послан в Прагу (о согласии Бенеша англичане не спрашивали) в качестве посредника на переговорах между чехословацким правительством и партией

судетских немцев во главе с К. Генлейном. Но, несмотря на все усилия Ренсимена (он сразу занял сторону судетских немцев), переговоры не дали желанного результата. Генлейновцы, следуя указаниям из Берлина, постоянно повышали свои требования и раз за разом срывали переговоры. Миссия Ренсимена провалилась, и умиротворители приступили к организации конференции в Мюнхене.

Драматизм событий сентября 1938 г. отражают британские дипломатические документы. К тому времени чехословацкий кризис достиг своего апогея. Германия развернула на границе с Чехословакией 37 дивизий (в том числе 7 танковых и моторизованных). 14 дивизий прикрывали западную границу рейха. Чехословакия развернула 25 дивизий и 8 бригад. Она заметно уступала агрессору по танкам и артиллерийским орудиям [23]. Кстати, по оценкам военного министерства Великобритании (документ датирован 3 ноября 1938 г.), 30 сентября на западной границе Германии дислоцировались всего 9 дивизий, в том числе 2 резервные. Количество дивизий на границе с Чехословакией также 37 [24]. Но проблема заключалась не только в этом. Немцы могли рассчитывать на Польшу и Венгрию, замышлявших получить свою долю добычи от раздела Чехословакии, а также на готовность умиротворителей в Лондоне и Париже практически любой ценой решить судетский вопрос в пользу Германии. Атмосферу, которая царила в высших эшелонах власти в Англии и во Франции, красноречиво передают архивные документы. Так, на заседании английского кабинета 30 августа 1938 г. превалировали капитулянтские настроения. Почти все министры (за исключением 1-го лорда Адмиралтейства А. Дафф Купера, который уже вскоре подал в отставку в знак протеста против Мюнхенского соглашения) говорили об ощутимом военном превосходстве Германии и отсутствии каких-либо шансов спасти Чехословакию. Дискуссию подытожил Чемберлен: «Кабинет единодушен в том, что мы не должны угрожать Гитлеру войной в случае его вторжения в Чехословакию». Он также подчеркнул, что «крайне важно держать это решение в секрете» [25].

На следующий день лорд Галифакс встретился с послом США в Англии Дж. Кеннеди, и тот заявил, что «он (а также посол США во Франции У. Буллит) считают, что в поведении Гитлера больше блефа и запугивания». В то же время Кеннеди отметил, что «американское

общественное мнение… не считает оправданным или необходимым ввергать Европу в войну из-за подобного вопроса» (о Судетской области. – А.И.) [26]. Впрочем, в Лондоне и Париже уже давно свыклись именно с такой формулировкой. Так, 10 сентября министр иностранных дел Франции Ж. Бонне заявил английскому послу Э. Фиппсу, что его страна «поддержит любой план урегулирования судетской проблемы, который предложит правительство Его Величества» [27]. Страсти подогревали и другие активные сторонники политики умиротворения, в частности Н. Гендерсон. 13 сентября в телеграмме из Берлина он сообщил в Лондон следующее: «Война может случиться в крайнем случае и тогда, когда будет затронута честь Германии… Нет сомнения в том, что Гитлер рискнет даже под угрозой англо-французского вторжения» [28]. 14 сентября Фиппс сообщил из Парижа, что Бонне заявил ему, что «Франция примет любое решение чехословацкого вопроса, чтобы избежать войны…, включая плебисцит в Судетской области независимо от того, будет ли это означать отделение и включение Судет в рейх» [29]. Эту информацию прокомментировал один из ведущих сотрудников Форин оффис Ф. Робертс: «Французы примут не только плебисцит, но и нейтрализацию Чехословакии (отказ Бенеша от пактов с Францией и СССР. – А.И.), т.е. то, что они до сих пор отказывались делать. Они подыскивают предлог для того, чтобы взвалить всю вину на чехов и Советы"» [30].

Как известно, Чемберлен взял на себя инициативу договориться с Гитлером по судетскому вопросу за счет Чехословакии, и первая их встреча состоялась в Берхтесгадене 15 сентября. Но вот интересный нюанс: контактными лицами были Гендерсон и Геринг. 14 сентября британский посол телеграфировал из Берлина в Лондон, что он «связался с Герингом по телефону и сказал ему о предложении премьер-министра (Чемберлена. – А.И.). Геринг ответил, что это хорошее предложение» [31]. На следующий день от Гендерсона поступило новое сообщение: «Новость о визите Чемберлена… произвела эффект разорвавшейся бомбы и была воспринята общественностью с огромным облегчением и удовлетворением» [32].

Предыстория первой встречи Чемберлена с Гитлером получила отражение в документах Форин оффис. Вот выдержка из протокола заседания британского кабинета от 14 сентября. Чемберлен заявил следующее: «Мой план состоит в том, что как только станет ясно, что

без плебисцита не обойтись, я поеду в Германию и встречусь с Гитлером. Мой визит – это план «Z». Позиция Франции в пользу того, что я должен это сделать, они (французы. – А.И.) категорически против войны». И далее: «Я хотел ехать в конце недели (14 сентября – это среда. – А.И.), но время не терпит, события надвигаются угрожающе, надо действовать незамедлительно». Премьер-министр упомянул предложение Даладье о проведении 3-х сторонней конференции по судетской проблеме (т.е. с участием Англии, Франции и Германии. – А.И.) и заметил, что сомневается, что Гитлер поддержит эту идею, «хотя он будет не против 4-х сторонней конференции» [33].

Здесь необходимо небольшое отступление. Гитлер был уверен в полной поддержке его планов со стороны Муссолини и предпочитал, чтобы он принял участие в конференции. Англичане знали это: 13 сентября главный дипломатический советник правительства Чемберлена Р. Ванситтарт (он был одним из немногих антинацистов в британском истеблишменте. – А.И.) получил сообщение из Ватикана, что «Италия полностью поддерживает Гитлера в вопросе о судетских немцах. План такой: за несколько дней до того, как Гитлер нанесет удар по Праге и после террористических актов в Чехословакии (спровоцированных генлейновцами. – А.И.) Муссолини выступит в роли честного посредника и предложит провести международную конференцию по вопросу решения судетской проблемы. Гитлер даст на это согласие, но с условием, что германские войска должны оккупировать Чехословакию как гарантию безопасности от дальнейших актов терроризма со стороны чехов» [34]. Тогда до этого, как известно, дело не дошло, ибо капитуляция Чемберлена и Даладье в Мюнхене на тот момент устроила Гитлера. Однако в свете этого документа понятно, почему Гитлер был недоволен итогами Мюнхена – именно такой была его реакция, по свидетельству переводчика П. Шмидта: Гитлер был «бледен и угрюм», когда слушал замечания Чемберлена насчет англо-германских отношений» [35]. И далее Ф. Керсоди отмечает: «Гитлер прежде всего считал, что этот «британский пастор» украл у него победу и что Германия получила бы намного больше с помощью оружия» [36].

И еще несколько моментов из закулисной истории Мюнхена. Накануне Мюнхенской конференции напряжение в центре Европы достигло предела. Гендерсон в сообщениии из Берлина

охарактеризовал ситуацию так: «Положение критическое, и от Праги требуется принятие всех условий немцев; если правительство Его Величества желает сохранить мир, только сильнейшее давление в Праге и Париже поможет этому. Разрушение чехословацкой нации в любом случае неизбежно, если только не следовать курсу, указанному выше» [37]. 28 сентября Чемберлен отправил телеграмму Муссолини в расчете на его посреднические усилия. В ней, в частности, был такой пассаж: «Я уже обратился к Гитлеру с предложением воздержаться от применения силы и урегулирования судетской проблемы, которая, я в этом уверен, может быть решена в ходе непродолжительного обсуждения… Я готов немедленно выехать в Берлин для обсуждения и урегулирования всех проблем с германскими и чехословацкими представителями и, если рейхсканцлер того желает, с представителями также Италии и Франции» [38]. Ответная реакция последовала вскоре – в тот же день от английского посла в Италии лорда Перта пришло сообщение в Лондон, что по просьбе Муссолини Гитлер отложил мобилизацию на 24 часа [39]. Наконец, Гендерсон известил Форин оффис о беседе с Гитлером 28 сентября: «Его предложение свелось к тому, что, если мы гарантируем эвакуацию чехословацких войск из районов (Судетской области. – А.И.) к 10 октября, он готов это принять» [40]. Как известно, так и случилось. По Мюнхенскому соглашению Германия оккупировала Судетскую область в три стадии с 1 по 10 октября.

29 сентября, т.е. в первый день работы Мюнхенской конференции, лорд Галифакс встретился с полпредом СССР в Великобритании И.М. Майским и заявил ему следующее: «В существующих обстоятельствах главы германского и итальянского правительств не желают присутствовать на конференции с участием советских представителей, именно поэтому СССР и не был приглашен» [41]. К этому следует добавить, что Великобритания и Франция также не желали этого. Но расчеты умиротворителей на мир и согласие с агрессорами были абсолютно безосновательными. Гитлер и Муссолини не желали останавливаться на достигнутом, а Мюнхен стал прологом Второй мировой войны.

Примечания

1. См.: Документы по истории Мюнхенского сговора 1937-1939. – М.: Политиздат, 1979; *Волков В.К.* Мюнхенский сговор и Балканские страны. – М.: Наука, 1978; Мюнхен – преддверие войны (исторические очерки) / *Отв. ред. В.К.*

Волков. – М.: Наука, 1988; *Севостьянов Г.Н.* Мюнхен и дипломатия США // Новая и новейшая история. – 1987. – № 4; *Иванов А.Г.* Великобритания и Мюнхенский сговор (в свете архивных документов) // Новая и новейшая история. – 1988. –№ 6. Из изданий последних лет см.: Мюнхен – 1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. статей / *Под общей редакцией В.Ю. Крашенинниковой; отв. ред. О.Г. Назаров*. – М.: Кучково поле, 2018; *Иванов А.Г.* Анатомия чехословацкого кризиса // Голос минувшего. 2018. – № 1–2; *Он же*. Имелись ли шансы спасти Чехословакию в 1938 г.? // Славянские народы и их соседи во Второй мировой войне. Вклад в победу над фашизмом (1939–1945): материалы Международной научно-практический конференции / *Науч. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев*. – Краснодар: Изд-во «Традиция», 2020.

2. Public Record Office (Национальный архив). – FO 371/21674. – P. 115–116. – (Далее: PRO).

3. *Иванов А.Г.* Великобритания и Третий рейх накануне Второй мировой войны. – М.: Изд-во МГМУ, 2014. – С.196–197.

4. Раздуваемые нацистской пропагандой слухи о «преследованиях» судетских немцев со стороны правительства Чехословакии использовались Германией для нагнетания напряженности в германо-чехословацких отношениях.

5. PRO. – 371/21674. – P. 107.

6. Ibid. – P. 109.

7. PRO. – 371/21713. – P. 58, 63.

8. Ibid. – P. 57; PRO. – 371/21715. – P. 110.

9. PRO. – 371/21713. – P. 57.

10. PRO. – FO 371/21591. – P. 89.

11. PRO. – FO 371/21713. – P. 112.

12. Ibid. – P. 107-109, 111, 113, 118.

13. PRO. – FO 371/21612. – P. 56-57.

14. Ibid. – P. 50-51.

15. Ibid. – P. 47.

16. PRO. – FO 371/21674. – P. 197.

17. PRO. – FO 371/21714. – P. 79-80.

18. См.: Документы по истории Мюнхенского сговора 1937–1939. – С.87; *Прасолов С.И*. Советский Союз и Чехословакия в 1938 г. // Мюнхен – преддверие войны; *Фалин В.М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция – конфликт интересов. – М.: Центрполиграф, 2000. – С. 29, 65; *Иванов А.Г.* СССР и чехословацкий кризис 1938 г. // Сербия, славянский мир и их соседи: вопросы истории и культуры (к 630-летию битвы на Косовом поле). Материалы Международной научно-практической конференции / *Науч. ред., сост. Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев*. – Краснодар: Изд-во «Традиция», 2019.

19. Архив внешней политики Российской Федерации. – Ф. 05. – Оп. 18. – Д. 160. – П. 149. – Л. 17.

20. *Волков Ф.Д.* Тайны Уайтхолла и Даунинг-стрит. – М.: Мысль, 1980. – С. 382.
21. PRO. – FO 371/21742. – P. 31–35, 37, 46, 56, 58.
22. *Иванов А.Г.* Агрессоры и умиротворители. Гитлер, Муссолини и британская дипломатия. – М.: Наука, 1993. – С. 130.
23. *Шубин А.* СССР против «умиротворения» агрессора: коллективная безопасность и Мюнхенский сговор // Мюнхен – 1938: Падение в бездну Второй мировой: сб. ст. – С. 81–82.
24. PRO. – FO 371/21670. – P. 260-261.
25. PRO. – FO 371/21735. – P. 21, 38, 44.
26. PRO. – FO 371/21734. – P. 218-219.
27. PRO. – FO 371/21736. – P. 67.
28. PRO. – FO 371/21737. – P. 222.
29. PRO. – FO 371/21736. – P. 303.
30. Ibid. – P. 301.
31. PRO. – FO 371/21737. – P. 379.
32. Ibid. – P. 387.
33. PRO. – FO 371/21738. – P. 85-88.
34. Ibid. – P. 74.
35. Цит. по: *Керсоди Ф.* Герман Геринг. Второй человек Третьего рейха. – М.: Этерна Палимпсест, 2014. – С. 284.
36. Там же.
37. PRO. – FO 371/21742. – P. 330.
38. Ibid. – P. 344.
39. Ibid. – P. 7.
40. Ibid. – P. 153.
41. PRO. – FO 371/21743. – P. 243.

Анчев Стефан Иванов
(г. Велико Тырново, Республика Болгария)

УНИЧТОЖЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИ В 1938 г. И ПОЛИТИКА ЕЕ СОСЕДЕЙ

Аннотация. Чехословакия является первым государством, с которого Германия начинает пересмотр послевоенных договоренностей в Париже после ее поражения в Первой мировой войне. Создание всевозможных пактов и коалиций, а также подписание разного рода мирных договоров в межвоенный период оказались недолговечными или самым обыкновенным «клочком бумаги». С помощью демократий Великобритании и Франции Германия

проводила свою дипломатическую и военную политику создания «нового мирового порядка».

Ключевые слова: Германия, Польша, СССР, Румыния, Венгрия, Малая Антанта, «союз четырёх».

Anchev Stefan Ivanov
(Veliko Tarnovo, Republic of Bulgaria)

DESTRUCTION OF CZECHOSLOVAK IN 1938 AND POLICY OF ITS NEIGHBORS

Abstract. Czechoslovakia is the first state with which Germany begins to revise the post-war accords in Paris after its defeat in the First World War. The creation of all kinds of pacts and coalitions, as well as the signing of various kinds of peace treaties in the interwar period, turned out to be short-lived or the most ordinary «piece of paper». With the help of the democracies of Great Britain and France, Germany pursued its diplomatic and military policy of creating a «new world order».

Key words: Germany, Poland, USSR, Romania, Hungary, Little Entente, «union of four».

В связи с предысторией образования Чехословакии, должен отметить, что в начале 1918 г. чешские парламентарии в австрийском рейхсрате вновь начали продвигать идею единого государства. В документе от 6 января 1918 г., более известном как Крещенская или Трикралова декларация, чешские депутаты защитили словаков и в очередной раз предложили свое видение будущего нового демократического государства чехов и словаков. Словацкая деятельность в этом направлении завершилась конфиденциальной встречей Словацкой национальной партии 24 мая 1918 г. в Турчанском Св. Мартине. На нем А. Глинка, римско-католический священник, политик и словацкий патриот, произнес памятные слова: «Сейчас период действий. Давайте не будем думать, а скажем открыто, что мы – за чехословацкое направление. Тысячелетний брак с венграми не удался. Мы должны расстаться» [1].

После того, как Франция 29 июня 1918 г. признала Чехословацкий национальный совет официальным представителем чешско-словацкого заграничного движения сопротивления, 13 июля 1918 г. был образован Национальный комитет Чехословакии. Ранее, по инициативе Т.Г. Масарика, 30 мая 1918 г. было принято и подписано

соглашение между чехами и словаками в США, известное в истории как Питтсбургское соглашение об объединенном демократическом чехословацком государстве. 18 октября 1918 г. Масарик передал американскому правительству Декларацию независимости Чехословакии, известную в истории как Вашингтонская декларация. [2].

Далее будет уделено место политическим процессам, которые приводят к решению в Мюнхене конца сентября 1938 г. Автор статьи попытается рассмотреть позицию территориальных соседей Чехословакии, а также политику великих западных великих и СССР в межвоенный период.

Первая мировая война оставила после себя разрушенную и разоренную Европу. Результат столкновения двух военно-политических блоков определяет послевоенную однополярную модель Европы, в которой есть победители и проигравшие. Её существование было слишком коротким и закончилось первыми противоречиями между Великобританией и Францией. Подписанные мирные договоры создали не только новый территориальный, политический и экономический статус-кво, но и поставили начало послевоенной схемы соглашений и союзов для его сохранения. После окончания Первой мировой войны желанный политический и военный мир не был установлен, а был установлен паритет между победителями и проигравшими, основанный на военной силе, типах экономических и территориальных санкций, юридически «облеченных» в подписанные мирные договоры.

В послевоенной политической системе Франция стремилась согласовать американский идеализм с французскими кошмарами возможного немецкого реваншизма. Она склонялась к меньшим штрафным санкциям, чем те, которые считала нужным вводить. На практике договоры с Германией и ее союзниками были настолько тяжелы, что вскоре их пришлось пересмотреть.

Политика Великобритании в межвоенный период основывалась на таком ограниченном сдерживании Германии, которое по-прежнему сдерживало бы чрезмерные амбиции Франции. Ее европейская политика, выбранная Министерством иностранных дел, соответствует геополитическому фактору, позволяя участвовать в европейских событиях в качестве постороннего, но не столь удаленного

наблюдателя с возможностями для большего экономического и политического влияния в них. Что же касается Франции в межвоенный период, она делала все возможное, чтобы окружить себя союзами, ведущими политику в ее интересах. Таким являлась Малая Антанта, в которую входили недавно консолидированное послевоенное центральноевропейское государство (Чехословакия) и наиболее территориально разросшиеся балканские государства – Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС) и Королевство Румыния. Помимо Малой Антанты, французской идеей было создание Дунайской федерации, в которую, помимо Австрии, Венгрии и Чехословакии, должны были войти балканские государства, расположенные вдоль Нижнего Дуная. Эта идея не была поддержана заинтересованными сторонами, поскольку Чехословакия и КСХС решительно выступали против ее реализации.

Создание Малой Антанты было реализацией планов победителей, и через нее они намерены были контролировать не только «проблемные» послевоенные страны, но и своих союзников. Все три государства-члена приобрели территории, которые подлежали пересмотру со стороны пострадавших стран, что делало их сочувствующими и связанными с послевоенной политикой Франции. Следует иметь в виду, что в самом начале переговоров о таком союзе Чехословакия столкнулась с рядом препятствий и только последовавший благоприятный поворот событий привел к реализации идеи. С точки зрения англичан создание Малой Антанты – это была возможность создать опорный фокус британской политики в Юго-Восточной Европе. Последующие события, польская интервенция против Советской России (25 апреля 1920 г.) и возможность достижения территориального изменения условий договора с Венгрией склонили чашу весов в пользу такого союза. Приход к власти лейбористов в Британии и признание ими СССР, углубление Рурского кризиса, падение правительства Пуанкаре и приход к власти Эрио (в октябре 1924 г.) потребовали созыва Лондонской конференции летом 1924 г. Это спровоцировало встречу министров иностранных дел Малой Антанты в Праге 11–13 июля 1924 г. Достигнутые договоренности свидетельствуют о тревоге и осторожности в политике трех стран в отношении Германии и СССР. Из трех стран в конференции участвовали только Румыния и КСХС, а Чехословакия

не была приглашена. Сохраняющаяся напряженность в англо-французских отношениях после Лондонской конференции сохраняла неопределенность в Малой Антанте.

Как союз с наиболее активным участием Чехословакии из-за внутренних противоречий и напряженности Малая Антанта достигла изменения своего договорного статуса. В начале 1930-х гг. государства-члены реформировали свой союз, перейдя от двустороннего договора к пакту. Это изменение связано не только с политическими изменениями, произошедшими в Германии, но также с растущими противоречиями и расходящейся, часто противоречащей политикой сторон небольшого соглашения.

16 февраля 1933 г. между Чехословакией, Румынией и Югославией был подписан Организационный пакт, обязывающий каждую из этих стран координировать свою внешнюю политику с Постоянным советом Малой Антанты, созданным для этой цели. Он должен был собираться не реже трех раз в год, и его сессии заменяли предыдущие ежегодные конференции. Также была подписана декларация. Цель совместной политики осталась неизменной – сохранить статус-кво в Европе.

21–23 августа 1938 г. на югославском курорте Блед прошли финальные, печальные для Чехословакии аккорды окончательно расстроенного оркестра Малой Антанты. Впервые на этом заседании присутствовала делегация одной из стран, против которых был создан этот союз – Венгрии. При этом его делегаты продемонстрировали свое предпочтение двусторонним переговорам с представителями Югославии и Румынии, подчеркнув свое полное пренебрежение к чехословацкой делегации. Демонстративно обсуждался вопрос о германской угрозе Чехословакии. Два балканских государства отказались от своего обреченного союзника, поддерживая (подписывая) ряд решений, дающих Венгрии право вооружиться в нарушение Трианонского договора.

В феврале 1939 г., через пять месяцев после Мюнхенского соглашения, на конференции Балканской Антанты в Бухаресте, очевидного из послевоенных союзов Франции – Малой Антанты – больше не существовало.

Обращаю внимание на это трехстороннее соглашение, потому что участие в нем Чехословакии является самым продолжительным ее

внешнеполитическим мероприятием в межвоенный период. Два других значительных международных события, которые непосредственно повлияли на нее до «подписания ее приговора в Мюнхене», которое было последним политическим актом перед войной, – это Европейский Локарно и Союз четырех.

Локарнскую конференцию и последующие мероприятия следует рассматривать как увертюру ко Второй мировой войне. Отстаивая только свои интересы, Франция и Великобритания разработали такие договоры с Германией, которые указывали направление будущей агрессии и давали возможность осуществить желаемый Берлином пересмотр. Из Малой Антанты в конференции приняла участие только Чехословакия, чтобы стать свидетелем первого шага к ее разрушению. Локарнский договор был парафирован 16 октября 1925 г. во время конференции и подписан в Лондоне 1 декабря 1925 г. Это было связано с так называемым Рейнским гарантийным пактом, который санкционировал ослабление французской политики, что, в свою очередь, означало обеспокоенность для установленные от нее союзы. Обеспокоенность усиливалась тем фактом, что в обмен на гарантированную стабильность западных границ Германии ей предоставилась возможность пересмотреть восточное направление в сторону Польши и Чехословакии. Об этой опасности стало известно в Праге и Варшаве за несколько месяцев до конференции в Локарно, что привело к быстрому разрешению спора с Тешинским регионом. Что касается споров между всеми подписавшими пакт государствами, они должны были быть урегулированы мирным путем, и способ их решения изложен в арбитражных договорах между Германией, Бельгией и Францией. Арбитражные договоры Германии с Чехословакией и Польшей, в отличие от арбитражных договоров Германии с Бельгией и Францией, не опирались на Рейнский пакт, и на них не распространялись гарантии Великобритании и Италии. Арбитражные договоры с Чехословакией и Польшей германская дипломатия рассматривала как обычные договоры без каких-либо гарантий границ [3]. Уже тогда Э. Бенеш, вероятно, понимал, какую судьбу уготовили Чехословакии, но продолжал возлагать надежды на великого союзника Францию. Эту надежду он развил в своем докладе перед Советом министров 30 октября 1925 года. Бенеш пытался доказать, что локарнские соглашения не нанесли ущерба

чехословацко-французскому союзу. Он утверждал, что Чехословакия сделала все, чтобы сохранить прежние гарантии своей безопасности, и добилась «новых, прямых и косвенных гарантий, имеющих большое политическое значение» [4].

В начале 1930-х гг. начались переговоры между великими державами: победителями и проигравшими, между теми, кто выступал за сохранение статус-кво, и теми, кто выступал за пересмотр, о создании общего политического договора, известного как «Пакт четырех». Согласно заключенному ими договору, целью четырех стран, Германии, Франции, Великобритании и Италии, является «поддерживать мир в соответствии с пактом Бриана-Келлогга и другими антивоенными пактами». Усилия по сохранению послевоенных границ также подчеркиваются «напоминанием» о том, что за пределами ООН пересмотр невозможен в духе солидарности и взаимопонимания между заинтересованными сторонами. Пакт четырех был заключен на 10 лет с автоматическим продолжением на еще столько же лет, если ни одна из стран-участниц не денонсирует его. Как станет ясно позже, каждое из входящих в него государств-членов преследует свои цели, и жизнь этого Европейского объединения оказывается короче запланированных лет

Своим включением в него Великобритания продолжает искать возможность обессиливания и уничтожения французской гегемонии в Европе, продолжая играть роль арбитра между версальским блоком и ревизионистским фронтом. В то же время Лондон стремится создать единый европейский фронт (должников) против кредитора США.

Привлечение Германии к Пакту четырех являлось продолжением политики Локарно. В начале 1930-х гг. страны, граничащие с Восточной Германией, были обречены стать жертвами спасения «мира в Европе». Комментируя проект Пакта 28 мая 1933 года, лондонский журнал «Обсервер» заявил, что он не гарантирует границ Восточной Европы и что британская демократия не должна быть мобилизована для их защиты.

Для Франции «Пакт четырех» не являлся очередным шагом в утверждении своей политики. Более того, когда он создается, между Германией и Италией находятся компромиссы для возможного пересмотра, который зависит от созданной Европейской директории четырех стран. Но пересмотр в пользу побежденных Германии,

Австрии и Венгрии мог бы осуществится только в ущерб Чехословакии и Польше. В итальянской прессе появилась очень резкая статья Муссолини, в которой он увидел в Малой Антанте «союз страха перед пересмотром мирных договоров» и не оставил иллюзий, что ее можно избежать. Осознавая, что их судьба используется для иностранных интересов, страны Малого соглашения и Польша выступили против «Пакта четырех» и его планов по нанесению ущерба их территориям за счет Германии, Австрии и Венгрии.

Они объединились вокруг заявления «Ревизия – это война!» В своем протесте их поддержала Французская палата. Для чехословацкого министра иностранных дел Э. Бенеша «Пакт четырех» означал разделение власти над послевоенной Европой между великими державами, подписавшими мир, что в конечном итоге приведет к новой войне. Директория четырех также вызвало беспокойство в Бухаресте, поскольку стало ясно, что Румыния также может стать жертвой готовящейся ревизионистской политики – в случае Венгрии. Весной 1933 г. от имени трех правительств Бенеш начал переговоры с советскими дипломатическими представителями в Праге о признании СССР.

В Лондоне были обеспокоены растущей волной национализма в Германии, которая угрожала не только границам заранее обреченных малых государств, но также границам Франции и Великобритании. Результатом озабоченности англичан стал пересмотр некоторых предварительных статей Пакта четырех. Из него убрали антиверсальский тезис, и он стал документом, основанным на воле ООН. Гарантии, данные Великобританией, вызвали цепную реакцию, в которой Франция также гарантировала границы своих ставленников в Малой Антанте и Польше. Из этого следует сделать вывод, что, в конце концов, именно английская дипломатия спасала и организовала «Пакт четырех».

В январе 1935 г. в результате плебисцита Германии был возвращен Саар, который до того находился под протекторатом Лиги наций, а в марте Гитлер заявил о разрыве Версальского договора и о восстановлении всеобщей воинской повинности, иными словами, о создании регулярной армии рейха – вермахта, включая люфтваффе. 12 марта 1938 г. германские войска вступили в Австрию.

Соседями Чехословакии, внесшими наибольший вклад в ее разрушение и ответственными за начало Второй мировой войны, являются Германия и Польша. Я даю краткий обзор политики Польши в период 1934–1938 гг., а также многочисленных двусторонних соглашений, подписанных между рядом европейских стран и Германией, в двух моих статьях, опубликованных в 2020 г. [5] в связи с чем автор не будет уделять им много внимания.

Следует иметь в виду договор, подписанный 26 января 1934 г. между Германией и Польшей, известный как «Пакт Пилсудского-Гитлера». После этого договора западные страны, среди которых и победители в последней войне, также подписывают пакты с Германией. Это Франция (пакт Бонне –Риббентропа), Великобритания (пакт Чемберлена – Риббентропа), Эстония (пакт Селтера – Риббентропа), Литва (пакт Урбиса – Риббентропа), Латвия (пакт Мунтерса – Риббентропа). На основании уже подписанного соглашения Польша и Германия принимают все меры к срыву переговоров между СССР и Румынией о взаимной поддержке. 20 апреля 1935 г. поляки под угрозой разрыва польско-румынского союза предложили Румынии отказаться от политики Титулеско и взять курс на сближение с Германией. Между польским и германским генеральными штабами заключена конвенция, направленная против СССР. Геринг в Варшаве ставил вопрос об Украине и договорился о совместных действиях в этом вопросе после урегулирования взаимоотношений на Западе» [6]. Становится ясным, что Польша, которая претендует на часть территории Чехословакии и крайне враждебна СССР, не позволит войскам Красной Армии пересечь ее территорию. Таким образом, это становится единственным фактором, который препятствует возможности остановить новую мировую войну. В то же время президент Чехословакии Эдвард Бенеш имел определенные шансы на переговоры с Бухарестом.

Иное государство, которое не граничило с Чехословакией, но косвенно влияло на ее судьбу, – это Румыния. С конца 1936 г. правители Румынии во главе с Каролем II и Татареску стремились к оживлению и восстановлению сотрудничества с рядом государств на антисоветской основе. Определенные круги в Румынии, продолжали полпред, носятся с идеей создания «нейтрального блока» государств, который «должен поддерживать одинаково хорошие отношения как с

Германией, так и с Россией, и в особенности не должен делать ничего такого, что могло бы показаться направленным против Германии [7]. В экономическом и военном отношении румынское правительство полностью подчиняло свою страну «Третьему рейху». Попытки Советского Союза оказать военную помощь Чехословакии были сорваны не только Польшей, но и Румынией.

В начале 1939 г. Венгрия воспользовалась случаем, чтобы отделить Закарпатскую Украину от уже обреченной Чехословакии. Вступление венгров сопровождалось серией столкновений с местными военизированными формированиями. Их было небольшое количество, от 10 до 15 тысяч человек и очень скоро их сопротивление было сломлено. В ходе последовавших за этим переговоров 29 октября, известных в истории как Первый венский арбитраж, Чехословакия потеряла 11 927 квадратных километров территории, с населением, в котором, по чехословацким и венгерским данным, венгры составляли 57% и 84% соответственно. Однако Венгрия продолжала предъявлять претензии, требуя получить всю Словакию и всю Карпатскую Украину [8]. Шесть месяцев спустя было организовано вторжение в Польшу, что положило начало Второй мировой войне в Европе.

Примечания

1. *Гопта И., Гоптова Л.* Чехословацкая Республика как новое государство на политической карте // Вишеградская Европа. Теория и истории. – 2019. – № 1–2. – С. 137–138.

2. Там же. – С. 139–140.

3. *Станков Н.* Международная деятельность Э. Бенеша после Локарнской конференции (октябрь – декабрь 1925 г.). // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. – 2013. – Вып. 2. – С. 107–108.

4. Там же. – С. 109; *Станков* Н. Германский проект Рейнского гарантийного пакта и реакция ЧСР (январь–март 1925 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Международные отношения. 2007. – Вып. 12. – С. 57–65.

5. *Анчев С.* В прошлом и сегодня Европа снова против СССР/России // Великая Отечественная война и проблемы национальной безопасности современной России. – Оренбург, 2020. – С. 13–18; *Его же*. Политическая ситуация в Европе до начала Второй мировой войны – истина и фальсификации // Великий подвиг народа по защите Отечества: вехи истории: сборник научных статей. Екатеринбург, 2020. – С. 62–69; *Морозов С.В.* Польша и восточный пакт

// Вестник Кемеровского государственного университета. – 2017. – № 4. – С. 80–84.

6. *Соцков Л.* Секреты польской политики: сб. документов. – М.: Тип. СВР России, 2009. – С. 21.

7. *Шевяков А.А.* Румынские отношения и проблема европейской безопасности 1932–1939. – М.: Наука, 1977. – С. 230.

8. *Контлер Л.* История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы – М: Изд: «Весь мир», 2002. – С. 485; *Пушкаш А.* Цивилизация и варварство: Закарпатье 1918–1945. – М.: Изд-во «Европа», 2006. – С. 273–275.

А.А. Леонов
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА ЧЕХОСЛОВАКИИ В ИЗГНАНИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Аннотация. В статье рассматривается деятельность правительства Чехословакии в изгнании в годы Второй мировой войны. Автор уделяет внимание взаимодействию правительства Чехословакии в изгнании с СССР. Рассмотрены отношения между правительством Чехословакии в изгнании и Францией, Великобританией и Польшей, а также степень его дипломатического признания. Также уделено внимание взаимодействию чехословацкого правительства в изгнании с движением Сопротивления и планам послевоенного обустройства Чехословакии.

Ключевые слова: Чехословакия, Вторая мировая война, история, правительство в изгнании, Э. Бенеш, З. Фирлингер, СССР, дипломатия.

A.A. Leonov
(Krasnodar, Russian Federation)

ACTIVITIES OF THE GOVERNMENT OF CZECHOSLOVAKIA IN EXILE DURING THE SECOND WORLD WAR

Abstract. The article examines the activities of the government of Czechoslovakia in exile during Second World War. The author pays attention to the interaction of the government of Czechoslovakia in exile with USSR. The relations between the government of Czechoslovakia in exile and France, United Kingdom and Poland, as well as degree of its diplomatic recognition are considered. Attention is also paid to the

interaction of the Czechoslovak government in exile with Resistance movement and plans of the post-war reconstruction of Czechoslovakia.

Key words: Czechoslovakia, World War II, history, government in exile, E. Benes, Z. Fierlinger, USSR, diplomacy.

Правительства в изгнании, существовавшие в период Второй мировой войны, представляют собой достаточно интересное явление. После оккупации своих стран они в столь непростой момент начали тяжёлую и упорную борьбу в эмиграции. Им приходилось бороться за своё признание как со стороны государств, входивших в состав антигитлеровской коалиции, так и со стороны собственного населения, жившего на оккупированных территориях под властью немецкой администрации и коллаборационистских режимов. Правительства в изгнании не имели возможности самостоятельно освободить свои страны от оккупации, однако координировали из эмиграции деятельность Движения Сопротивления и контролировали подчинённые им воинские формирования, действовавшие в составе армий западных стран и СССР, всячески содействуя разгрому Германии.

Чехословакия стала одной из первых жертв германской экспансии и прекратила своё существование как независимое государство ещё до начала Второй мировой войны 15 марта 1939 г.

Стоит отметить, что экс-президент Э. Бенеш отправился в эмиграцию с намерением продолжить борьбу за существование Чехословакии и добиться признания Мюнхенского соглашения недействительным уже осенью 1938 г. после передачи Судетской области Германии [1]. Крах его прозападной политики и рефлексия «Мюнхена» привели к выработке новой формулы для внешней политики Чехословакии: «50% на Запад, 50% на Восток, а не 100% на Запад» [2]. Это во многом предопределило его дальнейшую политику, проводимую им в качестве президента Чехословакии в изгнании.

Однако свою политическую деятельность в изгнании он начал только после оккупации чешских земель Германией и создания Словацкого государства, опираясь на дипломатические представительства прекратившей существовать Чехословакии в США, СССР, Великобритании, Франции и чехословацкие земляческие организации, преимущественно чешские [3].

После возвращения Э. Бенеша в Европу в июле 1939 г. его главной целью стало стремление добиться согласия Франции и Великобритании на создание Временного правительства Чехословакии и отказа от Мюнхенского соглашения. Однако инициатива по созданию такого правительства натолкнулась на серьёзные трудности. К началу Второй мировой войны оно так и не было создано [4].

С началом Второй мировой войны ситуация не изменилась. В сентябре-октябре 1939 г. переговоры с руководством Великобритании и Франции не привели к каким-либо конкретным результатам. Находившиеся у власти «мюнхенцы» (правительство Н. Чемберлена в Великобритании и правительство Э. Даладье во Франции) довольно сдержанно относились к Э. Бенешу и не хотели видеть его во главе зарубежного чехословацкого Сопротивления. Они так и не признали Чехословакию существующим с точки зрения международного права государством и не желали отказываться от своих подписей под Мюнхенским соглашением, хотя и признавая его недействительным. Такое отношение во многом предопределило стремление Э. Бенеша заручиться советской поддержкой для реализации своих планов [5].

21 сентября 1939 г. состоялась встреча Э. Бенеша и полпреда СССР в Великобритании И. Майского. Был изложен вопрос о чехословацком легионе, интернированном на занятых РККА польских территориях и просьба Э. Бенеша помочь в его переброске во Францию. Речь также зашла об отношении экс-президента Чехословакии к вступлению советских войск на польскую территорию. В своём дневнике И. Майский зафиксировал, что Э. Бенеш отнёсся к этому с полным одобрением. Экс-президент просил устроить всё так, чтобы СССР имел общую границу со Словакией. Также в дневнике И. Майского упоминалось, что Э. Бенеш не знает, каким будет правительство освобождённой Чехословакии, но не имеет возражений против советского правительства. В записи самого Э. Бенеша об этом ничего не упоминается. Вероятно, он стремился расположить к себе советскую сторону в вопросе создания правительства Чехословакии в изгнании [6].

17 октября 1939 г. после долгих переговоров был создан Чехословацкий национальный комитет (ЧНК). В его состав вошли Э.

Бенеш, Я. Шрамек, Ш. Осуский, Г. Рипка, С. Ингр, Р. Виест. ЧНК имели прерогативы правительства, что касались объявления мобилизации в чехословацкие воинские части на территории Франции. Э. Бенеш фактически возглавлял ЧНК, но формально числился его рядовым членом. У него возникли разногласия с исполнявшим обязанности полпреда Чехословакии во Франции Ш. Осуским. Тот считал, что состав ЧНК не являлся «отражением чехословацкой жизни ни в социальном, ни в политическом, ни в национальном отношении», и выступал за проект временного правительства, куда помимо старых политиков вошли бы и новые люди. Также Ш. Осуский упрекал Э. Бенеша в недальновидной политике по отношению к словакам в прошлом. По этим причинам он отказывался вступать в ЧНК, хотя французы хотели видеть во главе комитета именно его. После долгих переговоров и колебаний Ш. Осуский вступил 9 ноября 1939 г. в ЧНК, а 14 ноября ЧНК был официально признан правительством Франции [7].

20 декабря 1939 г. Великобритания признала ЧНК. В то же время в Лондоне не давали согласия на создание временного чехословацкого правительства и восстановление Чехословакии в границах до Мюнхенского соглашения. Ту же позицию и занимала Франция.

В конце 1939 г. СССР официально признал Словацкое государство и прервал все связи с органами зарубежного чехословацкого Сопротивления. Прекратило свою работу чехословацкое полпредство в Москве. Э. Бенеш был раздосадован произошедшим, но считал, что «советско-германская дружба» окажется недолговечной [8].

Коренные изменения в отношениях между западными странами и ЧНК произошли только после смены правительственного кабинета в Великобритании и вступления в должность премьер-министра У. Черчилля, который высказывал своё положение к инициативам Э. Бенеша ещё до начала войны, и капитуляции Франции.

9 июля 1940 г. Э. Бенеш отправил письмо лорду Галифаксу, занимавшему должность главы Форин Офиса. В нём содержалась информация о структуре временного чехословацкого государственного устройства в изгнании. Оно состояло из президента, правительства и государственного совета, выполнявшего функции парламента. 18 июля 1940 г. лорд Галифакс ответил, что британское правительство намерено признать временное чехословацкое

правительство, однако Великобритания не берёт на себя обязательства признавать и поддерживать установление каких-либо границ в Центральной Европе. Э. Бенеш в своём послании н родину 20 июля 1940 г. трактовал ответ главы Форин Офиса по-своему: «Буквально это означает, что мюнхенские границы не существуют». В то же время о признании мюнхенского соглашения недействительным речь ещё не шла [9].

По подсказке и с одобрения британцев в конце 1940 г. между чехословацким и польским правительствами в изгнании начались переговоры о создании после войны Польско-Чехословацкой конфедерации как барьера против пангерманизма и большевизма [10]. Однако в ходе переговоров между странами возникли противоречия. Э. Бенеш полагал, что создание Чехословацко-Польской конфедерации было невозможно без согласия со стороны СССР. Польское правительство же считало, что оно находилось в состоянии войны с Советским Союзом, и желало вернуть утраченные в 1939 г. территории. Э. Бенеш подчёркивал, что он не станет вмешиваться в спор поляков с Москвой [11].

Куда более серьёзные противоречия между польским и чехословацким правительствами в изгнании возникли по поводу Тешинской области, отторгнутой Польшей у Чехословакии после Мюнхена. Желание польской стороны сохранить границы своего государства, существовавшие до 1 сентября 1939 г., столкнулись со стремлением Э. Бенеша добиться восстановления Чехословакии в её домюнхенских границах. Однако 11 ноября 1940 г. польское и чехословацкое правительство выступили с официальным торжественным заявлением, в коем говорилось, что Польша и Чехословакия после войны решили создать тесное объединение. Оно могло бы стать основой нового порядка в Центральной Европе. Советская сторона оценивала декларацию как имеющую общий и расплывчатый характер. После публикации Декларации начали действовать смешанные польско-чехословацкие комиссии по текущим вопросам, и пять по вопросам будущего сотрудничества. В январе 1941 г. был образован Координационный комитет, осуществлявший координацию всех смешанных комиссий [12].

Нападение Германии на СССР кардинально изменило советско-чехословацкие отношения. Если раньше имели место неофициальные

встречи З. Фрлингера или Э. Бенеша с И. Майским, то после немецкого вторжения на советскую территорию. В восстановлении дипломатических отношений была теперь заинтересована не только чехословацкая сторона, но и советское руководство. 18 июля 1941 г. в Лондоне было подписано соглашение между СССР и Чехословакией. Оно предусматривало обмен посланниками, взаимопомощь и поддержку в войне с Германией, создание в СССР чехословацких воинских частей с командованием, назначаемым чехословацким правительством по согласованию с советской стороной. Место чехословацкого представителя в Москве снова занял З. Филингер [13]. Стоит также отметить, что чехословацкие воинские части ранее сформированы в Великобритании и участвовали в боях в Северной Африке.

После СССР Британия и США признали чехословацкое правительство в изгнании представителем суверенного государства, входившего в состав антигитлеровской коалиции. Однако вопрос о будущих границах Чехословакии оставался открытым. Советский Союз выступал за восстановление Чехословакии в домюнхенских границах и передаче ей Судет и отторгнутых Венгрией у Словакии земель. Британское правительство изменило своё отношение к Мюнхенскому соглашению только после успеха в мае 1942 г. операции «Антропоид». Её целью было покушение на главу Главного управления имперской безопасности Р. Гейдриха, занимавшего также должность имперского протектора Богемии и Моравии, возглавляя немецкие власти в оккупированных чешских землях. 27 мая 1942 г. заброшенные из Великобритании диверсанты осуществили покушение на Р. Гейдриха. От полученных ран он умер 4 июня 1942 г. Его смерть заметно укрепила престиж чехословацкого правительства в изгнании. Однако она также привела к карательным акциями немцев и уничтожению деревень Лидице и Лежаки. Число жертв немецкого террора после убийства Р. Гейдриха превысило 5 тысяч [14].

Если же говорить о взаимодействии эмигрантского правительства с движением Сопротивления, то стоит отметить, что в Протекторате Богемии и Моравии ещё в 1939 г. возникли ориентированные на Э. Бенеша организации – Политический центр (ПЦ), Защита нации (ЗН) и Петиционный комитет «Остаёмся верными» (ПКОВ). В 1940 г. была создана организация под названием Центральное командование

внутреннего сопротивления (ЦКВС), своего рода координирующий орган для деятельности трёх ранее созданных подпольных организаций [15]. В период с 1940–1942 гг. эти организации были уничтожены немцами. В последующем возникали новые группы военного Сопротивления, ориентированные на Лондон. Наиболее организованной и крупной из них стала организация «Совет трёх». Эмигрантское правительство организовывало заброску парашютистов в Протекторат Богемии и Моравии и поддерживало связь с внутренним Сопротивлением.

В 1942 г. произошло ухудшение отношений между польским правительством в изгнании и СССР. Из-за антисоветской политики правительства Польши Москва заняла резко отрицательную позицию по отношению к созданию Чехословацко-польской конфедерации. Переговоры о её создании зашли в тупик. Советское руководство было не склонно рассматривать новое предложение Э. Бенеша о подписании договора между Чехословакией, СССР и Польшей. В изменившейся обстановке возникла идея заключения советско-чехословацкого договора по образцу советско-английского договора с присоединением к нему потом Польши [16].

12 декабря 1943 г., во время долго откладывавшегося визита Э. Бенеша в Москву, был подписан советско-чехословацкий договор. На встречах с В.М. Молотовым обсуждались вопросы, касавшиеся ликвидации последствий Мюнхенского соглашения, наказания Германии и Венгрии после войны, судьбы немцев и венгров в Чехословакии, военного и экономического сотрудничества во время и после войны, будущего устройства Чехословакии. Э. Бенеш вручил В.М. Молотову документ под названием «Выселение части немецкого населения Чехословакии». Во время своего пребывания в Москве Э. Бенеш также имел встречи с представителями заграничного бюро компартии Чехословакии. Обмен мнениями привёл к сближению сторон и их намерению создать широкий национальный фронт для борьбы за освобождение Чехословакии и нормализации её жизни после войны [17].

После выхода РККА к довоенным границам Чехословакии в апреле 1944 г. между чехословацким правительством в изгнании и СССР возникли трения по Карпатской Руси. Движение коммунистов, получивших помощь от советских военных властей, с требованием

присоединения Закарпатья к СССР, вызвали опасение у правительства Чехословакии в изгнании. Э. Бенеш не возражал против передачи Закарпатья, однако считал, что это могло произойти только после войны и решения чехословацких властей. Но куда большие опасения у него вызывала Словакия, где в среде коммунистов имелись похожие настроения. Э. Бенеш предполагал, что после освобождения Словакии там могли начаться аналогичные Закарпатью процессы. Он принял предложение советской стороны вернуться в Чехословакию через СССР. В качестве местопребывания нового правительства Э. Бенеш, учитывая возможную реакцию стран Запада, выбрал не Львов, как задумывалось изначально, а центр Восточной Словакии – Кошице. [18].

17 марта 1945 г. чехословацкая делегация прибыла в Москву. За время её пребывания в Москве было сформировано первое правительство Национального фронта чехов и словаков. Из 20 членов будущего правительственного кабинета 8 человек во время войны находились в Великобритании, 6 в СССР и 6 в Словакии. Предполагалось также после освобождения чешских земель пополнить правительство представителями чешского подполья. За день до отъезда Э. Бенеша и чехословацкой делегации И.В. Сталин дал обед в его честь. Советский лидер подчеркнул, что он и коммунисты не намерены устанавливать в Чехословакии советский строй. И. Сталин говорил о союзе независимых славянских государств, объясняя его необходимость угрозой немецкого реваншизма [19].

31 марта 1945 г. Э. Бенеш и сопровождавшие его лица выехали из Москвы. Они прибыли в Кошице 4 апреля 1945 г., где было объявлено о создании правительства Национального фронта чехов и словаков. Обнародованная ими политическая программа получила название «Кошицкая правительства программа». В состав правительства из 25 членов входили: 7 коммунистов, 3 социал-демократа, 3 чешских национальных социалиста, три представителя Чехословацкой народной партии, четыре словацких демократа и пять беспартийных членов. Правительство возглавил левый социал-демократ З. Фирлингер, 10 мая 1945 г. правительство Национального фронта перебралось из Кошице в Прагу [20].

В качестве заключения можно отметить, что деятельность чехословацкого правительства в изгнании плодотворно сказалась на

послевоенной судьбе Чехословакии. Чехословацким политикам в эмиграции пришлось пройти непростой путь, чтобы добиться создания правительства в изгнании и добиться его дипломатического признания. В тяжёлой международной обстановке и в условиях мировой войны ему приходилось лавировать между СССР и Великобританией и проявлять находчивость для достижения своей главной цели – восстановления Чехословакии в её домюнхенских границах. Гибкая внешняя политика и умение находить компромисс во многом определили успех чехословацкого эмигрантского правительства. Во многом его деятельность была неразрывно связана с личностью Э. Бенеша, чей политический авторитет заметно возрос после Второй мировой войны как в самой Чехословакии, так и за её пределами.

Примечания

1. *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш: политик и человек: 1884–1948. – М.: «Индрик», 2013. С. 259.
2. Там же. – С. 262.
3. Там же. – 263–264.
4. Там же. – С. 269–271.
5. *Марьина В.В.* Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. – Книга 1. 1939-1941 гг. – М.: «Индрик», 2007. – С. 101–102.
6. *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш. – С. 272–273.
7. Там же. – С. 276.
8. Там же. – С. 286.
9. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. В 2 кн. – Кн. 1. – М.: «Наука», 2005. – С. 402.
10. *Марьина В.В.* Второй президент Чехословакии Эдвард Бенеш. – С. 289.
11. Там же. – С. 289.
12. Там же. – С. 289–292.
13. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. В 2 кн. – Кн. 1. – С. 404.
14. Там же. – С. 355–356.
15. Там же. – С. 353–354.
16. Там же. – С. 408.
17. Там же. – С. 410–411.
18. Там же. – С. 414–415.
19. Там же. – С. 417–418.
20. Там же. – С. 421–422.

А.С. Иващенко
(г. Майкоп, Российская Федерация)

РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О СОБЫТИЯХ «ПРАЖСКОЙ ВЕСНЫ» В ЧЕХОСЛОВАКИИ В 1968 г.

Аннотация. В статье анализируются взгляды отечественных учёных на события в Чехословакии в 1968 г. В частности, на причины; выявляется различие точек зрения на цели чехословацких реформаторов; вскрываются дискуссии по научному определению событий в ЧССР; споры относительно угрозы гражданской войны в Чехословакии и возможного вторжения войск НАТО в ЧССР и т.д.

Ключевые слова: Чехословакия, «Пражская весна», российская историография, А. Дубчек, СССР, Организация Варшавского договора.

A.S. Ivashchenko
(Maykop, Russian Federation)

RUSSIAN HISTORIOGRAPHY ABOUT THE EVENTS OF THE «PRAGUE SPRING» IN CZECHOSLOVAKIA IN 1968

Abstract. The article analyzes the views of Russian scientists on the events in Czechoslovakia in 1968. In particular, the reasons; the difference of points of view on the goals of the Czechoslovak reformers is revealed; discussions on the scientific definition of events in the Czechoslovak Republic are revealed; disputes regarding the threat of civil war in Czechoslovakia and the possible invasion of NATO troops in the Czechoslovak Republic, etc.

Key words: Czechoslovakia, «Prague zpring», Russian historiography, A. Dubchek, USSR, Warsaw Pact Organization.

В истории существования Чехословакии как единого государства, которая охватывает период с 1918 по 1993 гг., есть три особо знаковые события. Это создание чехословацкого государства в 1918 г. по итогам окончания Первой мировой войны и распада Австро-Венгрии, отторжение от территории Чехословакии в 1938 г. по Мюнхенскому соглашению Судетской области в пользу Германии и ввод войск стран-членов Организации Варшавского договора (ОВД) в Чехословацкую Социалистическую Республику (ЧССР) 21 августа 1968 г. с целью

подавления движения сторонников реформирования социалистического строя. К последнему знаковому событию в истории Чехословакии имеет самое непосредственное отношение Советский Союз. Этот факт трагического переплетения историй двух, в настоящее время не существующих государств и обоснованность вторжения войск ОВД в Чехословакию в 1968 г. будоражит умы не только чехословацких, но и российских исследователей.

Целью статьи является выявление взглядов отечественных учёных на такие ключевые аспекты проблемы, как причины реформаторского движения в Чехословакии; развитие его событийной составляющей; реакцию членов ОВД на происходящие в ЧССР в 1968 г. процессы; мотивы силового варианта решения чехословацкой проблемы; отношение мирового сообщества к военному вторжению в Чехословакию; последствия для Москвы и её союзников военного вмешательства во внутренние дела ЧССР в 1968 г. Мы не претендуем на всеохватность проблемы ввиду заданного лимита на объём статьи.

Исследователи пытались выяснить глубинные причины реформаторского движения в Чехословакии в 1968 г. М.В. Латыш, не без оснований, считал, что одной из таких важных причин была попытка внедрить на европейскую почву сталинскую модель строительства социализма. Эта модель могла дать толчок развитию только для отсталых стран. ЧССР же имела высокий уровень развития экономики и культуры. И как результат – это привело к диспропорциям как в экономической, так и в политической сферах, в частности, вылилось во всевластие партийного аппарата и в подавление демократических свобод [1]. К.В. Шевченко в качестве причин добавляет также наличие жёсткого формата взаимоотношений Чехословакии с СССР в формирующемся социалистическом лагере; масштабные политические репрессии в ЧССР в 1949–1954 гг.; нежелание лидера коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) А. Новотного, даже в условиях десталинизации, проводить какие либо социально – экономические и политические преобразования; дискриминационную политику А. Новотного в словацком вопросе [2].

Время начала реформ в Чехословакии учёные определяют январём 1968 г., когда первым секретарём ЦК КПЧ был избран А. Дубчек. Они также подчёркивают, что чёткой программы реформ у сторонников преобразований в ЧССР не было [3].

Среди историков нет единства мнений относительно целей нового руководства КПЧ, пришедшего к власти в январе 1968 г. Так, И.И. Орлик и В.Л. Мусатов, придерживающиеся либеральных взглядов, считают, что главной целью нового руководства компартии Чехословакии было стремление реализовать в своей стране плюралистическую концепцию «социализма с человеческим лицом» [4]. Однако этой точки зрения не разделяет В.В. Бруз. Он убеждён, что в 1968 г. в ЧССР была предпринята попытка ликвидации социализма [5].

Исследователи также пытались ответить в ходе своих научных изысканий относительно событий в Чехословакии в 1968 г. на важный вопрос о том, выступал ли А. Дубчек и его соратники за разрыв с социалистической системой. На этот вопрос они дали отрицательный ответ [6].

Учёные задались целью выявить тот критический шаг чехословацких реформаторов, который окончательно поставил в повестку дня стран-членов ОВД возможность силового решения чехословацкого вопроса. К.В. Шевченко, не без оснований, считал, что таким рубежным действием было принятие в апреле 1968 г. ЦК КПЧ «Программы действий», т.е. комплекса реформ [7].

Историки предпринимали попытки вскрыть те ошибки чехословацких реформаторов, которые привели к вводу войск стран-членов ОВД в Чехословакию. Одну из них представляет ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН А.С. Стыкалин. Он убеждён, что коммунисты-реформаторы ЧССР не имели чёткого представления о пределах терпимости руководства СССР к тем процессам, которые разворачивались в их стране [8].

Исследователи в своих трудах задаются и таким вопросом, как были ли шансы на успех у чехословацких коммунистов-реформаторов? Ответ на этот вопрос они дают однозначно отрицательный. Так, В.Л. Мусатов отмечал, что попытки части чехословацких коммунистов реформировать социалистический строй в Чехословакии были изначально обречены. Разделяет эту точку зрения и К.В. Шевченко [9].

Д.В. Соколов пытался представить развитие отношений между Чехословакией и странами-членами ОВД в 1968 г. в виде «управляемого скандала». Суть его, попытка руководства Советского

Союза преподнести конфликт с частью чехословацких коммунистов в виде полемики, лишённой какой-либо агрессии. Цель такого действия – принудить руководство ЧССР изменить свою внутреннюю политику [10].

Не мог не вызвать интереса у учёных и такой аспект проблемы, как позиция стран Запада и США по отношению к чехословацкому вопросу. А.С. Стыкалин обоснованно отмечал, что расклад сил на мировой арене и позиция стран Запада благоприятствовали силовой акции стран ОВД против Чехословакии. Запад, в целом, не хотел нарушения того баланса сил, который сложился в Европе между ним и блоком социалистических государств. Он подчёркивал, что госдепартамент США, в том числе и через дипломатические каналы, призывал чехословацких реформаторов к сдержанности и не приветствовал идеи провозглашения нейтралитета ЧССР, ибо это могло привести к драматическим последствиям. Запад, резюмирует А.С. Стыкалин, как и в событиях в Венгрии в 1956 г., признал «свободу рук» СССР в своих действиях по отношению к Чехословакии в 1968 г. [11].

Исследователи обращали внимание на процесс выработки лидерами Советского Союза идеологического обоснования для силового вмешательства во внутренние дела ЧССР в 1968 г. А.С. Стыкалин отмечал, что впервые идею о коллективной ответственности социалистических государств в деле защиты социалистических завоеваний в Чехословакии высказал лидер СССР Л.И. Брежнев. Это произошло в апреле 1968 г. на его встрече с главой Югославии И.Б. Тито. После ввода войск ОВД в ЧССР в августе 1968 г. эта идея Л.И. Брежнева о коллективной ответственности была доработана и впервые чётко сформулирована как доктрина ограниченного суверенитета или «доктрина Брежнева». А.С. Стыкалин подчёркивал, что серьёзным идеологическим оппонентом по отношению к факту реализации «доктрины Брежнева» в Чехословакии в 1968 г. стал И.Б. Тито. Лидер югославских коммунистов обоснованно уличил руководство КПСС в том, что оно противоречило своим собственным установкам. Ведь на XX съезде КПСС её руководство признало тезис о наличии многообразия форм перехода к социализму [12].

Значительный интерес у учёных вызывал вопрос обстоятельств непосредственного принятия решения о вводе войск ОВД в ЧССР 21

августа 1968 г. Они обращают внимание на заметную роль члена политбюро ЦК КПСС, лидера компартии Украины П.Е Шелеста в выработке жёстких мер СССР по отношению к событиям в Чехословакии в 1968 г. А.С. Стыкалин подчёркивал, что среди руководства стран-членов ОВД – участников военной акции против ЧССР в 1968 г. не было безоговорочного единства. Долгое время сопротивлялся силовой акции против Чехословакии лидер Венгрии Я. Кадар, а также и непосредственно Л.И. Брежнев. А.С. Стыкалин, не без оснований, утверждал, что согласие Я. Кадара на участие своей страны в военном вторжении в ЧССР в 1968 г. отчасти было связано со страхом лишиться экономической помощи Москвы. Но при этом Я. Кадар в душе так и не признал её политической целесообразности. Изначально критично были настроены к развитию политической ситуации в ЧССР в 1968 г. лидеры ГДР и Польши В. Ульбрихт и В. Гомулка соответственно [13].

Исследователи уделили пристальное внимание и такому вопросу, как мотивы ввода войск ОВД в Чехословакию в августе 1968 г. Они объясняют ввод войск не только желанием удержать эту страну в блоке социалистических государств и не допустить нарушения системы восточноевропейской безопасности, но и стремлением СССР защитить свои экономические интересы. Суть в том, что в 1967 г. были введены в строй газопроводы «Дружба» и «Братство», по которым газ из Советского Союза стал поступать в ЧССР. А в 1968 г. были заключены договоры о поставках газа в ГДР и Австрию [14]. Нельзя не согласиться со А.С. Стыкалиным, что руководство СССР в отношении действий в Чехословакии в 1968 г. оказалось в сложной ситуации. Оно понимало, что если Москва не предпримет силовой акции против чехословацких реформаторов, то это будет расценено как слабость её позиции в своей сфере влияния. Но по факту оказалось, что применение грубой силы против ЧССР и её реформаторского крыла показало миру внутреннюю слабость Советского Союза [15].

Среди историков нет однозначного определения того, что произошло в Чехословакии в 1968 г. В.В. Бруз даёт нейтральное определение – «чехословацкие события 1968 г.». Исследователи советского периода представляют ярко выраженную классовую оценку – подавление «контрреволюционных сил». Либерально настроенный учёный И.И. Орлик классифицирует произошедшее в

ЧССР как демократический процесс, получивший название «Пражская весна» [16]. Ряд исследователей определяют события в Чехословакии в 1968 г. как организованную извне первую попытку «цветной революции» [17]. Этой же точки зрения придерживаются такие учёные, как В.А. Никонов, А.А. Мухин, С.А. Караганов [18].

Учёные задавались и таким вопросом – была ли в ЧССР в 1968 г. угроза развязывания гражданской войны, если бы в эту страну не были введены войска ОВД? Н.Н. Платошкин отвечает на этот вопрос утвердительно. Он убеждён, что не всё население Чехословакии приветствовало идеи «Пражской весны», а лишь интеллигенция и часть членов партийного аппарата. Н.К. Сванидзе же доказывает, что 75% чехов и словаков поддерживали идеи «Пражской весны», а при таком перевесе сил никакой гражданской войны в стране не могло быть [19].

Исследователи полемизируют и по такому аспекту событий, произошедших в Чехословакии в 1968 г., как угроза ввода войск НАТО в эту страну для помощи восставшим против власти чехословацких коммунистов. В. Панов считал, что такая угроза была вполне реальной. Однако, большинство учёных, в частности, С.А. Караганов, утверждают, что нет никаких документальных свидетельств угрозы вторжения войск НАТО в ЧССР. Эту точку зрения С.А. Караганова поддерживает А.Ф. Добрынин. Он отмечает, что высшее руководство США не имело намерений реагировать с помощью военной силы на события в Чехословакии в 1968 г. К тому же в это время Соединённые Штаты были в значительной степени вовлечены в войну во Вьетнаме 1955–1975 гг. И ещё один довод приводит М.В. Ведерников. Суть его в том, что в 1968 г. страны Запада были не готовы спасать демократические силы в ЧССР силовым путём, так как, в частности, во Франции, США, Великобритании и ФРГ и без того было широкое протестное движение [20].

Историки пытались выяснить реакцию советской интеллигенции на ввод войск в Чехословакию в августе 1968 г. А.Б. Едемский, в частности, отмечает её однозначно негативный характер. Ошибочность такого шага осознавали даже работники международного отдела ЦК КПСС, например, А.С. Черняев, а также сотрудник МИД В.М. Фалин и авторитетный учёный-американист Г.А. Арбатов [21].

Учёные стремились выявить и такой аспект проблемы, как восприятие советскими солдатами-участниками вторжения в ЧССР, происходивших в этой стране процессов. Они пришли к выводу, что советские солдаты действительно верили в то, что социализму в Чехословакии существует угроза, в том числе и со стороны стран Запада [22].

В контексте анализа событий 1968 г. в ЧССР исследователи с интересом изучают отношение к этим событиям Румынии. А.С. Стыкалин отмечал, что румынское руководство безоговорочно поддержало в Чехословакии реформаторское крыло коммунистов во главе с А. Дубчеком. Однако такая позиция лидера Румынии Н. Чаушеску была связана не с озабоченностью «человеческим лицом» чехословацкого социализма, а с соображениями национальных интересов Бухареста. Н. Чаушеску видел в А. Дубчеке и его сторонниках своих союзников в вопросе ослабления влияния СССР на восточноевропейские страны социалистического блока.

А.С. Стыкалиным также подчёркивается тот факт, что в силу постоянного фрондёрства лидеров Румынии в блоке восточноевропейских социалистических стран Н. Чаушеску изначально не приглашали на заседания стран-членов ОВД по решению чехословацкого вопроса. Осуждение Н. Чаушеску факта ввода войск ОВД в ЧССР значительно укрепило его позиции в Румынии. Для Н. Чаушеску это было чрезвычайно важно, так как он и его окружение опасались возможного вторжения войск ОВД во главе с СССР в Румынию. Но при этом Н. Чаушеску ратовал за экономическое сотрудничество социалистических стран, приверженность ОВД и развитие советско-румынских отношений. Румыния также не присоединилась к резолюциям ООН в августе 1968 г., которые осуждали ввод войск ОВД в Чехословакию [23].

Историки отмечали, что не только Румыния, но и Югославия и Китай осудили ввод войск ОВД в ЧССР. Военную акцию стран ОВД против Чехословакии в целом не одобрили и компартии стран Запада, в том числе Франции и Италии [24].

Исследователи неоднократно проводили аналогии с действиями СССР в Венгрии в 1956 г. с подавлением «Пражской весны» в 1968 г. Они отмечали, что в Венгрии в 1956 г. Москва наводила порядок собственными силами. Акцию же по нейтрализации сторонников

«Пражской весны» в 1968 г. всячески старалась представить как коллективную волю пяти стран-членов ОВД. Кроме того, в Венгрии советским лидерам удалось найти и привести к власти в 1956 г. «здоровые силы». В ЧССР такой сценарий повторить не удалось в силу слабости «здоровых сил» в компартии Чехословакии. Д.В. Соколов также обратил внимание на отсутствие изначально в ЧССР в 1968 г. массовых гражданских беспорядков, в отличие от Венгрии в 1956 г., вызванных негативным отношением к политике Советского Союза [25].

Учёные едины в том, что последствия ввода войск ОВД в Чехословакию были, безусловно, негативными. Эта акция привела к укреплению позиций НАТО в Европе, к увеличению военных бюджетов стран-членов этого блока. Она нанесла ощутимый удар по мировому коммунистическому движению, привнесла раскол в движение неприсоединения, которое СССР считал своим потенциальным союзником. А.С. Стыкалин, не без оснований, считал, что экономические реформы в Венгрии к 1973–1974 гг. были свёрнуты не из-за внутренних трудностей, а главным образом по причине изменений политического климата в Москве после событий в ЧССР 1968 г. Как итог – надежды венгров на демократизацию советской модели социализма были похоронены [26].

Таким образом, среди исследователей в целом есть консенсус по многим аспектам изучаемого вопроса, в том числе по причинам событий в ЧССР, выработке концептуальной основы вмешательства в дела Чехословакии, обстоятельств принятия решения о вводе войск в ЧССР, мотивах ввода войск и последствий этого акта. Однако в оценках целей лидеров «Пражской весны», в научном определении событий в Чехословакии, угрозы гражданской войны в ЧССР и ввода войск НАТО в эту страну суждения учёных значительно расходятся. Это даёт основания говорить о существовании по этой проблеме двух групп историков, С одной стороны, либерально настроенных – И.И. Орлика, А.С. Стыкалина, В.Л. Мусатова и других, с другой – более умеренных в своих суждениях, в частности, В. Панова, В.В. Бруза, Н.Н. Платошкина.

Примечания

1. *Латыш М.В*. «Пражская весна» 1968 г. и реакция Кремля. – М.: Типография РАН, 1998. – С. 8.

2. *Шевченко К.В*. От импровизации к цугцвангу: Пражская весна 1968 года и Варшавский договор. – М.: REGNUM, 2019. – С. 27–29.

3.Там же. – С. 30–31.

4. *Орлик И.И.* Центрально-Восточная Европа во второй половине XX века: в 3 т.: Т. 2: От стабилизации к кризису (1966–1989). – М.: Наука, 2002. – С. 260–261; *Мусатов В.Л.* Россия и Восточная Европа: связь времён. – М.: URSS, 2008.

5. *Бруз В.В.* Историческая оценка событий 1968 г. в Чехословакии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2019. – № 2. – С.87.

6. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории. – М.: Наука, 2005. – С.163.

7. *Шевченко К.В.* Указ. соч. – С. 39–40, 46, 65.

8. *Стыкалин А.С.* «Пражская весна» 1968 г. и позиция руководства Венгрии // Новая и новейшая история. – 2012. – № 5. – С. 33.

9. *Мусатов В.Л*. Указ. соч. – С. 125-127; *Шевченко К.В.* Указ. соч. – С. 32.

10. *Соколов Д.В.* Чехословацкий кризис 1968 г. как «управляемый скандал» // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. – 2014. – С. 211.

11.*Стыкалин А.С*. Указ. соч. – С. 36–37.

12. *Стыкалин А.С.* «Доктрина ограниченного суверенитета» в восточно-европейской политике СССР и её пересмотр (1956–1989 гг.) // Новое прошлое. – 2019. – № 3. – С. 65–67.

13. *Стыкалин А.С*. Августовская интервенция 1968 г. в Чехословакию и позиция Румынии // Новое прошлое. – 2018. – №4. – С. 88–90; *Он же*. «Пражская весна»… – С. 35–36.

14. *Грибков А.И.* Судьба Варшавского договора. – М.: Русская книга, 1998. – С. 116–117; История поставок советского и российского газа в Европу // Коммерсант. – 2018. – 5 июня.

15. *Стыкалин А.С.* «Пражская весна»… – С. 39.

16. *Бруз В.В.* Указ. соч. – С. 84; КПСС – организатор защиты социалистического Отечества. – М.: Воениздат, 1977. – С. 30–31; *Орлик И.И*. Указ. соч. – С. 260–261.

17. *Булгаков В.В., Шевченко В.В., Байлов А.В.* «Пражская весна», или военно-стратегическая операция «Дунай»? (К новой исторической оценке чехословацких событий 1968 г. и их участников) // Южнороссийский адвокат. – 2014. – №3–4. – С. 44–45.

18. *Саргин А.В*. Чехословакии в 1968 г. была классическая «цветная» революция, 22.08.2016 г. [Электронный ресурс] // Аргументы – Live: URL:http://argument.ru/live/2016/08/464307(дата обращения: 23.06.2021).

19. *Платошкин Н.Н.* «Пражская весна»: мифы и факты // Военно-исторический журнал. – 2010. – №8. – С. 25–29; Запись передачи «Пражская весна: почему меняются исторические оценки?» на радио «Эхо Москвы» от 26.08.2018 г. с участием Н. Сванидзе и С. Лукашевского [Электронный ресурс]:

URL: https://eho.msk.ru/programs/kulshok/2265632-echo (дата обращения: 01.07.2021).

20. *Панов В.* Они шли на войну…: 45 лет назад советские войска были введены в Чехословакию (операция «Дунай»): Часть I. Интернет-газета Фонда исторической перспективы «Столетие» от 20.08.2013 г. [Электронный ресурс]: URL: http://www.stoletie/ru/territoriya_istorii/oni_shli_na_vojnu_chast1_325.htm (дата обращения: 21.07.2021); *Саргин А.В*. Чехословакии…; *Добрынин А.Ф.* Сугубо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962–1986 гг.). – М.: Автор, 1997. – С. 168; *Ведерников М.В.* Соотношение внешних и внутренних факторов в реализации политических проектов Чехословакии // Современная Европа. – 2018. – №7. – С. 56.

21. *Едемский А.Б.* Жизнь в режиме двоемыслия: реакция советского экспертного сообщества на вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. С. 154–155 [Электронный ресурс]: URL:elar.urfu.ru (дата обращения: 09.07.2021).

22. *Кузьмин Ю.М.* Взгляд советского солдата на «Пражскую весну» и на её подавление // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты. Материалы II Международной научно-практической конференции, 2017. С. 33–38 [Электронный ресурс] URL:http://elibrary.ru/item.asp?id=28917468 (дата обращения: 10.07.2021).

23. *Стыкалин А.С.* Августовская интервенция…– С. 80, 82–85.

24. *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол: причины и последствия. – М.: Институт Дальнего Востока РАН, 2000. – С. 447.

25. *Стыкалин А.С.* «Наши пограничники наблюдают развёрнутые работы по созданию оборонительных сооружений…». О положении на советско-румынской границе в конце августа 1968 г. // Славяне и Россия: проблемы войны и мира на Балканах XVIII–XXI вв.: сб.ст. – М.: Институт славяноведения РАН, 2017. – С.496–497; *Соколов Д.В.* Указ. соч. – С. 210.

26. *Орлик И.И.* Поражение «Пражской весны»: международный аспект // Мир перемен. – 2008. – №3. – С. 44; *Стыкалин А.С.* «Доктрина ограниченного… – С. 65; *Стыкалин А.С*. «Пражская весна» …– С. 40.

РАЗДЕЛ II. ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ СЛАВЯН И ИХ СОСЕДЕЙ

Э.Г. Вартаньян
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ЧЕШСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. Статья посвящена формированию чешского литературного языка как основы складывания нации и развития национальной культуры. Показан сложный процесс развития чешского литературного языка после Белогорского поражения 1620 г. и усиления гнета Австрийской империи Габсбургов, деятельность будителей – активных участников чешского Национального Возрождения, выступающих за развитие языка, литературы, науки и культуры. Делается вывод о том, что в XIX в. происходил активный процесс развития чешского литературного языка, источником обогащения которого были чешские диалекты, народный язык, произведения писателей славянских стран XIX в.

Ключевые слова: Чехия, Национальное Возрождение, язык, культура, литература.

E.G. Vartanyan
(Krasnodar, Russian Federation)

CZECH LITERARY LANGUAGE AS A BASIS FOR FORMING A NATION AND A NATIONAL CULTURE

Abstract. The article is devoted to the formation of the Czech literary language as the basis for the formation of the nation and the development of national culture. The complex process of the development of the Czech literary language after the Belogorsk defeat in 1620 and the intensification of the oppression of the Austrian empire by the Habsburgs, the activity of awakeners - active participants of the Czech National Renaissance, advocating the development of language, literature, science and culture are shown. It is concluded that in the 19th century there was an active process of development of the Czech literary language took place, the source of which was enriched by the Czech dialects, the vernacular language, the works of the writers of the Slavic countries of the 19th century.

Key words: Czech, National Revival, language, culture, literature.

Чешская культура в Новое время развивалась в сложных условиях иноземного гнета. Белогорское поражение 1620 г., совпавшее с кровопролитными событиями Тридцатилетней войны (1618–1648), привело к существенному ослаблению культурной жизни Чехии, попавшей под власть Габсбургов. Экономическая слабость и политическая несамостоятельность чешской буржуазии объясняет ее соглашательскую позицию по отношению к австрийскому правительству. Были сведены к нулю национальные и социально-политические последствия Гуситских войн (1419–1434), которые прекратили проникновение немцев в Чехию, способствовали тому, что чешский язык получил преобладание во всех областях жизни, стала развиваться чешская нация.

Утрата городами политического влияния, конфискация имущества протестантов, массовая эмиграция после Белогорского поражения привели к изменению социальной базы чешской культуры. Под удар было поставлено развитие чешского литературного языка, оно было насильственно прервано. За несколько десятилетий иноземного гнета исчезла научная литература на чешском языке. Иезуит Антонин Кониаш фанатично преследовал протестантов, уничтожал десятки тысяч чешских книг. Они сжигались не только потому, что были чешскими, а потому, что их содержание казалось правящим кругам слишком опасным. В 1729 г. А. Кониаш составил список запрещенных или подлежащих «исправлению» чешских книг, который дважды – в 1740 и 1770 гг. – переиздавался как руководство к действию [1]. Некоторые деятели культуры той эпохи считали чешский язык мертвым, подобно латинскому и старославянскому. Централизация управления в Габсбургской монархии предусматривала употребление во всех учреждениях и судопроизводстве только немецкого языка. Как пишет исследователь В.И. Пичета, «человека, говорящего на родном языке, считали враждебным австрийскому правительству, его называли панславистом, приверженцем России. Этого было достаточно, чтобы подвергнуться преследованиям» [2].

Полицейский режим вызвал протест деятелей Возрождения, выступивших в защиту родного языка. Габсбургская империя оказалась перед фактом возникновения «чешского вопроса», с этого

времени и вплоть до распада Австро-Венгрии остававшегося одной из самых острых политических проблем в государстве.

Не удивительно, что в числе центральных проблем чешского Национального Возрождения было создание литературного языка. Чешский язык формировался на основе диалекта среднечешских земель, на котором говорили в Праге еще в эпоху Средневековья. Поэтому в эпоху Возрождения чешский язык формировался на базе литературного языка XVI в., который был единственно возможной основой его развития и характеризовался стабильностью грамматической структуры и богатством выразительных средств. Такой язык можно было противопоставить господствующему в то время немецкому языку. Именно поэтому чешский язык XVI в. был положен в основу языка художественной литературы, науки, единого языка формирующейся нации.

Традиции чешской культуры поддерживали эмигранты в Германии, Польше, Голландии. Ярким представителем чешской эмиграции был Ян Амос Коменский (1592–1670), выдающийся мыслитель, основоположник современной педагогики, выступавший за демократизацию школьной системы и обучения на родном языке.

Большое влияние на чешскую культуру после Белогорского поражения оказал Богуслав Бальбин (1621–1688), автор трактата «О счастливом когда-то, ныне же сверх-печальном состоянии Королевства Чешского, в первую же очередь о важности языка чешского или славянского в Чехии, а также о губительных намерениях, направленных на его истребление и других вещах подобного рода рассуждение краткое, но правдивое» [3]. Трактат был опубликован в 1775 г., вызвал интерес и отклик прогрессивной общественности на начальном этапе чешского Национального Возрождения.

Сложность для развития чешской культуры придавало то обстоятельство, что во второй половине XVIII в. существовала определенная нерасчлененность течений общеавстрийского, местного немецкого и собственно чешского Просвещения [4]. Чешское дворянство и буржуазия онемечились, обязательным языком в школах, а также языком делопроизводства стал немецкий, а с 1781 г. он стал государственным языком.

В 1792 г. в Пражском университете была открыта кафедра чешского языка. Исследователи Ф. Ф. Прохазка и В. В. Дурих

переиздали на чешском языке Библию, взяв за основу её перевод, сделанный «чешскими братьями» – членами протестантской общины, основанной в Богемии в XV в. после Гуситского движения. Возрождение чешской литературы и языка началось с переиздания старых работ [5].

Отсутствие устойчивой языковой нормы поставило представителей чешского Национального Возрождения – будителей – перед необходимостью создания стабильной основы литературного языка. Языковую ситуацию в городе характеризовал билингвизм, куда в условиях развития капитализма усилился приток сельского населения. В языке горожан было много германизмов, разного рода инонациональных заимствований, а также языковых элементов, отражающих различные территориальные и социальные диалекты. Не случайно Йозеф Юнгман, поэт, филолог, один из ведущих деятелей чешского Национального Возрождения, писал: «Если так пойдет и дальше, у нас будут книги на пражском, домажлицком, крконошском, оломоутском, турчанском и бог знает еще на каких наречиях» [6]. Вот почему первое поколение будителей во главе с патриархом славистики Йозефом Добровским выступало против попыток приближения литературного языка к народному.

Указанные объективные причины обусловили стремление чешских будителей опереться на культурные достижения своих предков, использовать высокую книжную культуру добелогорского периода, так как с этим периодом связано представление о расцвете чешского языка и литературы, о национальной самобытности и независимости чешского народа.

В последней трети XVIII в. важное место в науке и культуре принадлежало славистике. Первым чешским славистом по праву считается Ф. Дурих – автор ряда работ в защиту чешского языка. В своих трудах он касался проблем старославянских памятников и их языка, в частности старочешского перевода Библии, призывал чехов к пробуждению интереса к родному языку [7].

Историк Ф.М. Пельцель положил начало новому периоду в развитии национальной чешской литературы и языка, написав на чешском языке историю своего народа – «Хронику» (она вышла в двух изданиях в 1794 и 1796 гг.). «Хроника» Ф.М. Пельцеля наряду с Библией стала любимым народным чтением. Ученик Ф.М. Пельцеля

Г. Прохазка и пражский типограф В. М. Крамериус издали на чешском языке поучительные и исторические сочинения, описания путешествий, переводы из античной и западной литературы, народные календари [8]. В.М. Крамериус, издавая литературные памятники прошлого, содействовал развитию нового литературного чешского языка. Многие энтузиасты чешского языка группировались вокруг первого национального издательства – «Чешской экспедиции» (1790 г.) В.М. Крамериуса. Его публицистические и художественные произведения на чешском языке получали все большее распространение не только на территории чешских земель, но и в Словакии. В.М. Крамериус призывал чехов «как можно больше внимания уделять отечественной литературе и изыскивать любые возможности учиться чешскому языку» [9].

Основоположником научного изучения славистики как науки был Й. Добровский, филолог, лингвист, создатель сравнительно-исторической грамматики славянских языков. В 1770-е гг. вопросы истории славянства, старославянского языка, анализ старых славянских текстов, характерные для славистов, в частности, Ф. Дуриха, уступают место рассмотрению современного положения славянских народов. Новая ориентация славистики во многом была связана с развитием освободительного движения в Австрийской империи, с развитием идеи славянской взаимности [10].

Ослабление чешской литературно-языковой традиции после Белогорских событий обусловило повышенное внимание просветителей ко всем вопросам, связанным с развитием родного языка. Первый период чешского Национального Возрождения (конец XVIII – 20-е гг. XIX в.) характеризуется не только нормализацией языка XVI в., но даже его частичной архаизацией, возможно потому, что литературный язык этого периода был исключительно книжным, письменным, на нем не говорили. В чешских землях языковой вопрос приобрел особое значение. Трактаты в защиту чешского языка, широко распространенные в этот период, становятся одним из типичных жанров отечественной научно-публицистической литературы. Причем если авторы первых «защит» апеллировали преимущественно к чешской аристократии, то в 1770-е – 1780-е гг. они обращались к широкому кругу читателей с практической целью –

призвать их активно развивать и использовать чешский язык во всех сферах научной и культурной жизни.

Разговорная форма литературного языка появилась лишь в середине XIX в. В 1809 г. была опубликована на немецком языке грамматика чешского языка Й. Добровского. Она заложила основу литературного чешского языка, была принята и ревностно охранялась чешскими будителями в XIX в. Велика роль Й. Добровского в исследовании значения гусизма в деле развития чешского языка и всей отечественной культуры, изучении современного состояния науки и искусства [11].

Все это свидетельствует о том, что в эпоху Национального Возрождения чешский язык развивался, его словарный состав обогащался, ему стали тесны рамки языка XVI в., которые уже не отвечали запросам Нового времени. Чешские будители во главе с Й. Юнгманом стали выдвигать задачу не только возрождения, но и значительного увеличения лексики чешского языка. Источником обогащения чешского языка Й. Юнгман считал чешские диалекты, народный язык, произведения писателей XIX в., другие славянские языки. Й. Юнгман пытался приблизить язык и литературу к народу, т.е. в своей языковой политике он ориентировался на простой народ, из рядов которого формировалась демократически настроенная интеллигенция. Й. Юнгман попытался реализовать свои замыслы в практической деятельности – при переводах иностранной литературы, при составлении пятитомного словаря «Slovnik cesko-nemecky», изданного в Праге в 1834–1839 гг. Этот словарь явился ценным практическим руководством по развитию языка, т.к. охватывал его словарный запас, регулировал выбор слов, создавал новую научную терминологию в области литературоведения, математики, естествознания и т.д., положил конец произвольному словотворчеству [12]. Й. Юнгман написал много сочинений о чешском языке и литературе. Главным его трудом является «Словарь чешского языка, старого и нового» (1835–1838 гг.). Своими исследованиями он стремился к тому, чтобы чешская литература заняла своё место в мировой литературе. Создавая чешский литературный язык, Й. Юнгман переводил иностранных поэтов и обращал внимание чехов на красоту родного языка [13]. В этом деле активное участие принимали и другие видные деятели эпохи чешского Национального

Возрождения – Франтишек Палацкий, Франишек Ладислав Челаковский, Павел Йозеф Шафарик и др.

Поразительно, что чешская письменность за довольно быстрый период достигла такого уровня, что в 1824 г. появилась на чешском языке поэма словака по происхождению Яна Коллара «Дочь Славы», а в 1836 г. поэма Карела Гинека Махи «Май» [14]. Кстати, Ян Коллар выдвигал идею славянской взаимности (трактат «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими», 1836 г.) и пути сближения между славянами он усматривал во взаимном изучении и употреблении русского, польского, чешского и сербского языков.

Процесс заимствований из славянских языков был взаимным. В XV–XVI вв. польский язык испытал значительное воздействие чешского языка, приняв много чешских слов (количество чешских заимствований в польском языке в этот период составило 2000) [15]. Так, уже в XVI в. многие польские слова приобрели чешскую огласовку. Польский исследователь Я. Сятковский пишет, что как исключение чешская форма засвидетельствована в польском языке уже в XIV в., но ее частое появление отмечается со второй половины XV в. [16]. В XVI в. высокий престиж чешского языка в Польше в немалой степени был связан с тем, что происходило формирование норм польского литературного языка и чешский язык оказал существенное кодифицирующее воздействие, способствующее устранению еще существующих диалектных различий в польском языке.

Чешский язык сыграл важную роль в развитии словацкой культуры. Ориентация на чешский язык, литературу открывала путь в славянский мир, способствовала тому, что славянский мир осознавался словаками как следующая, высшая ступень общности. Исключительное значение это приобрело в начале XIX в., когда в Словакии появилась концепция национальной культуры, для которой убеждение в принадлежности к более широкому славянскому миру служило серьезной моральной опорой, равно как и другим угнетенным славянским народам Австрийской монархии [17]. Славянская ориентация позволила словацкой литературе развиваться как литературе национальной, опирающейся на национально-освободительное движение. Благодаря славянской, точнее чешской

ориентации, ускорился процесс кристаллизации национальной специфики словаков.

В 30–40-е гг. XIX в. расширилась сфера использования чешского языка, он стал выступать как средство общения и взаимного понимания, как необходимый компонент образования чешской нации. Зарождалась разговорная форма чешского литературного языка, чешский язык проникал в школу, в журналы, в учреждения, в театр, в общественную жизнь.

Большая заслуга в демократизации чешского языка, в проникновении народных элементов за счет вытеснения книжных, стремление к естественности, простоте языка принадлежит Йозефу Каэтану Тылу. Демократизация чешского языка нашла свое отражение в произведениях замечательных чешских писателей, например, в творчестве Божены Немцовой, основоположницы современного литературного чешского языка. Не случайно Юлиус Фучик назвал Б. Немцову революционеркой слова [18], т.к. язык ее произведений полностью опирался на народную речь. В произведениях Й. Тыла, Б. Немцовой, Я. Неруды, К. Гавличека-Боровского и других уже определялись основы современного литературного языка. Литературный чешский язык становится языком общения, а не только привилегией писателей и просветителей.

Как развитие чешского языка, так и возрождение литератур славянских народов, на этапе Национального Возрождения определялись подъемом освободительного движения. О силе и интенсивности этого процесса в Чехии говорит тот факт, что в течение нескольких десятилетий почти утраченная письменность не только возродилась, но и дала значительные художественные всходы, в частности, в творчестве Ф.Л. Челакловского, К.Г. Махи, Й.К. Тыла, К. Гавличека-Боровского, Б. Немцовой, Я. Халупки и др.

Удивительны объем и сложность задач, которые решались на протяжении нескольких десятилетий. Шел процесс формирования литературного языка, выработки литературной техники, становления светского художественного сознания, формирования различных жанров литературы, осмысления и усвоения опыта европейских литератур, освоения национального и общеславянского фольклора.

Таким образом, в XIX в. функции чешского языка стали расширяться, он постепенно проникал в науку, в учреждения, в

общественную жизнь, стал языком общения. Чешские писатели, общественные деятели освободили язык от архаичности, тяжеловесности, приблизили его к живой народной речи.

Примечания

1. Краткая история Чехословакии. – М.: Наука, 1988. – С. 125.

2. *Пичета В.И.* История Чехии. – М.: Госполитиздат, 1947. – С. 117.

3. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы. – М.: Наука, 1988. – С. 84.

4. *Мыльников А.С.* Культура чешского Возрождения. – Л.: Наука, 1982. – С. 34.

5. *Пичета* В.И. Указ. соч. – С. 114.

6. *Широкова А.Г., Нещименко Г.П.* Возрождение чешского литературного языка как необходимый компонент формирования чешской нации // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII –X IX вв. М.: Наука, 1978. – С. 129.

7. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы. – С. 92.

8. Пичета В.И. Указ. соч. – С. 114.

9. *Novotny J.* M.V. Kramerius. – Praha: Melantrich, 1973. – S. 47.

10.Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы. – С. 94.

11. *Dobrovsky J.* Sbornik studii. – Praha: Ceskoslovenska akad. ved, 1953. – S. 305–306.

12. *Мыльников А.С.* Йозеф Юнгман и его время. – М.: Наука, 1973. – С. 87.

13. *Пичета В.И.* Указ. соч. – С. 118.

14. *Никольский С.В.* Славянские литературы эпохи национального Возрождения // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII – XIX вв. – М.: Наука, 1978. – С. 198.

15. *Сятковский Я.* Воздействие чешского языка на формирование польского литературного языка // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII – XIX вв. – С. 135.

16. Там же.

17. *Розенбаум К.* Значение межславянских литературных отношений для словацкой литературы периода Национального Возрождения (1780–1848) // Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций. XVIII–XIX вв. – С. 296.

18. *Широкова А.Г., Нещименко Г.П.* Указ соч. – С. 133.

А.А. Заровная
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ЛЕГЕНДЫ, ПРЕДАНИЯ, ЭПОС И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ СЛАВЯН КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Аннотация. Статья посвящена теме устного народного творчества славянских народов как исторического источника. Показано, что легенды, эпос, фольклор является ценным материалом для изучения народного мировоззрения на протяжении многих веков его эволюции. Приведён ряд примеров по персонажам преданий славянских народов и их исторических прототипов. Затрагиваются различные точки зрения в историографии по вопросу отражения народного творчества в славянских летописях. Подчеркивается, что тесное сотрудничество славянских народов способствовало распространению от одного народа к другому приёмов, сюжетов эпоса, песен. Именно это в большей степени повлияло на родственное сходство фольклора древних славян.

Ключевые слова: исторический источник, летопись, славяне. легенды, исторические песни, эпос.

A.A. Zarovnaya
(Krasnodar, Russian Federation)

LEGENDS, TRADITIONS, EPOS AND HISTORICAL SONGS OF THE SLAVS AS A HISTORICAL SOURCE

Abstract. The article is devoted to the topic of oral folk art of the Slavic peoples as a historical source. It is shown that legends, epics, folklore are valuable material for the study of folk worldview over many centuries of its evolution. A number of examples are given on the characters of the legends of the Slavic peoples and their historical prototypes. Various points of view in historiography on the reflection of folk art in the Slavic chronicles are touched upon. It is emphasized that the close cooperation of the Slavic peoples contributed to the spread from one people to another of techniques, plots of the epic, songs. This is what largely influenced the related similarity of the folklore of the ancient Slavs.

Key words: historical source, chronicle, Slavs. legends, historical songs, epics.

Исследование наследия любого народа в виде легенд и преданий, исторических песен, эпоса и мифов как исторических источников, является важным аспектом для понимания социальных институтов

прошлого, обрядов, обычаев, религиозных представлений, а также событий, которые происходили во внутренней и внешней политике государств проживания изучаемого этноса. Устное творчество – ценнейший материал для изучения народного мировоззрения на протяжении многих веков его эволюции. Изучением фольклора занимались и занимаются фольклористы, эпосоведы, этнографы и др.

Одним из первых на значимость фольклора указывал русский историк Василий Никитич Татищев (1686–1750). Он писал: «Песни древних, хотя они не таким порядком складываны, чтоб за историю принять было можно, однако ж много можно в недостатке истории из оных нечто к изъяснению и в дополнку употребить» [1]. Большое значение в изучении русской народной поэзии имеют труды и отдельные высказывания Михаила Васильевича Ломоносова (1711–1765). Помимо письменных источников, ученый иногда использовал устные сказания и фольклор. М.В. Ломоносов хорошо знал народные сказки, песни, отголоски древней языческой мифологии и верований, легенды и предания. Он относился к народным песням как к материалу, заслуживающему серьезной научной обработки – лингвистической и исторической. В своем «Предисловии о пользе книг церковных в российском языке» 1782 г. ученый отмечал: «В древние времена, когда славенский народ не знал употребления письменно изображать свои мысли, которые тогда были тесно ограничены для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных, тогда и язык его не мог изобиловать таким множеством речений и выражений разума, как ныне читаем» [2].

Славянские предания, верования и обычаи занимали центральное место в трудах историка, литературоведа, исследователя духовной культуры славянских народов, русского собирателя фольклора Александра Николаевича Афанасьева (1826–1871). А.Н. Афанасьев был автором многочисленных трудов, посвященных русской истории, этнографии и фольклору. Издания сказок и легенд сопровождались его предисловиями и обстоятельными комментариями, в которых приводились сравнительные материалы к публикуемым текстам и давалась их мифологическая интерпретация. По утверждению А.Н. Афанасьева, «богатый и можно сказать – единственный источник разнообразных мифических представлений есть живое слово человеческое, с его метафорическими и созвучными выражениями»

[3]. Невозможно обойти стороной труды М.Н. Сперанского, в частности «Былины» [4], а также «Исторические корни волшебной сказки» Владимира Поппа [5]. Проведенный Б.А. Рыбаковым анализ глубины народной памяти привел его к созданию работы «Язычество древних славян» [6].

Несмотря на многочисленные научные труды, которые посвящены вопросам устного наследия славян как исторического источника, данная тема не потеряла своей актуальности и является важным фактором в понимании ранней истории славянских народов, в вопросах этнического и социального единства, культурной общности, а также сходства и различия в мировоззрении славянских народов в процессе исторического развития. Вне зависимости от общего сходства в сюжетах и образах, например, сходство дружинной культуры Руси и рыцарской культуры Польши и Чехии, эпос каждого славянского народа своеобразен и уникален. Национальные обычаи и детали быта оказывают огромное влияние на фольклор древних славян.

Каждый славянский народ имеет легенды о своем происхождении, о процессе возникновения власти и государства. Одна из самых известных легенд, повествующая об основателях Чехии, Польши и Руси, это легенда о трех братьях: Чех, Лех и Рус. Первое упоминание о Чехе можно встретить на страницах «Чешской хроники» Козьмы Пражского. Козьма Пражский повествует о поиске места, пригодного для проживания людей. «Старший» обращается к народу, что идет за ним, со словами: «Это та, именно та страна, которую я, как помню, часто обещал вам: никому не подвластная, полная зверя и птиц, мёда и молока; воздух [в ней], как вы сами убедитесь, приятный для жительства. Со всех сторон много воды, изобилующей рыбой. Здесь у вас ни в чём не будет недостатка» [7]. И ответили ему люди: «Разве сможем мы найти лучшее или более подходящее название, чем назвать ее по имени, которое ты, о, отец, носишь: и если имя твое Чех, то пусть и страна будет называться Чехией» [8]. Легенда о трех братьях является первой попыткой славян создать собственную историю, собственный генеалогический путь. В.Н. Татищев в своем труде подвергает сомнению подлинность легенды и ее историческое соответствие: «Чехи и поляки вымыслили трех братов: Чеха, Леха и Руса», и далее

добавляет: «и других странных имян, которые басни от самых тех сложений легко обличаются» [9]. М.В. Ломоносов, напротив, говорит о реальности происходящих событий, описываемых в легенде: «Кроме славян, особенно именованных, вендов и антов, сверх Сармации, где в половине шестого веку Лех и Чех державствовали над многочисленным славенским народом, доказывают его тогдашнюю великость болгары, которых единоплеменство по великому сходству языка, могущество и множество их военных дел неспоримо» [10].

Общность в устном предании славянских народов заключается не только в идентичном смысле произведений, но и в стиле изложения, сравнениях, эпитетах. Это объясняется историческими и социальными обстоятельствами. На сходство фольклора повлияли тесные экономические, общественные, политические связи. Славяне вели борьбу с врагами сообща, поэтому некоторые герои легенд и эпосов являются собирательными образами всех восточных, южных, западных народов. Тесное сотрудничество способствовало также распространению от одного народа к другому приёмов, сюжетов эпоса, песен. Именно это в большей степени повлияло на родственное сходство фольклора древних славян. Самый важный признак эпоса – героическое содержание. Именно эпос показывает, кого народ считает настоящим героем. Сюжетом эпоса всегда будут борьба и победа. При этом борьба непременно должна вестись не за узкие, личные цели героя, не за благополучие личной судьбы отдельного человека, а за идеалы всего народа, за его свободу. Эпос монументален, потому что обобщает в художественных образах исторический опыт народа.

Историческое содержание присуще и былинам. Былины являются произведениями народного исторического эпоса, в которых отражение исторической действительности сквозь призму народных идеалов дает благодатную почву для исследования моральных и этических принципов, социальных отношений, стратификации общества и политической жизни. Былины ярко отражают процессы, которые связаны с периодом становления государственности, например, охраны Киева от нападения, защиты рубежей. Для молодой Руси сохранение целостности территории, отпор иноземным захватчикам, справедливая вертикаль власти максимально актуальны, что находит воплощение в героях былин и, несомненно, имеют параллели с исторической действительностью того времени. Однако

сложность изучения былин как возможных источников определяется тем, что устная народная традиция не имеет четких датировок. Былины, эпические песни о героических событиях русской истории как самостоятельный жанр, сложился у восточных славян на рубеже X–XI вв., в период расцвета Киевской Руси. С осознанием собственной государственности в блинах находит отражение тот факт, что нужно защищать свою отчизну. Персонаж былин смел и мудр, именно поэтому герои былин чаще всего являются образом собирательным, в основе которого лежит соответствие с реальным историческим прототипом.

Самые ранние былины, связанные с этапом становления Киевской Руси – сказы о Добрыне Никитиче, который часто изображается служилым богатырем при князе Владимире. Главным делом Добрыни является воинское служении Руси. Образ былинного персонажа привлек внимание таких авторов, как В.Я. Пропп [11], Б.А. Рыбаков [12], В.Ф. Миллер [13]. В своих работах исследователи схожи в том, что под фигурой былинного героя кроется реальный исторический прототип, которого чаще всего связывают с дядей князя Владимира, братом его матери, ключницы Малуши [14]. Несомненно, различие между героем эпоса Добрыней и его историческим прототипом есть, и не обязательно, что все сказания о нем историчны и имели место в политической хронике того времени. Свою роль здесь играют законы устного народного творчества, наделение героя чертами, в которых отражалась ментальность народа рассматриваемого периода, создание собирательного образа богатыря, которому посвящались былины и предания, т.е. в памяти народа запечатлелся реальный исторический персонаж. В своей работе «Древняя Русь» Б.А. Рыбаков дает анализ совпадений, присущих герою былинному и герою историческому – Добрыне Никитичу [15]. Одна из ключевых фигур русского былинного эпоса, князь Владимир Красное Солнышко, является также образом собирательным. Чаще всего именно под Владимиром Красным Солнышком подразумевают князя Владимира, крестителя Руси, принявшего при крещении имя Василий, прославленный в лике святых как равноапостольный.

Неотъемлемой частью культурного наследия страны являются легенды и предания. Традиции рассказывания легенд до сих пор жива в Чехии, где сама атмосфера старинных городов, домовых знаков,

сохранившихся еще со Средневековья, располагают к передаче из поколения в поколение предания истории, которые прошли сквозь призму народного сознания. Первая хроника на латинском языке, в которой была изложена история Чехии, называется «Чешская хроника», предположительно написана в 1119–1125 гг. Козьмой Пражским. «Чешская хроника» наряду с «Повестью временных лет» летописца Нестора, «Хроникой и деяниями князей или правителей польских» Галла Анонима, является важнейшим источником для изучения истории славянских народов. Несмотря на то, что Козьма Пражский в описании языческого периода истории Чехии опирался в изложении на древние предания, которые сохранила народная память и часть сведений легендарны, в основе многих из них лежат исторические факты. Исследователи дают неоднозначную оценку историчности «Хроники» до 14-й главы, где уже упоминается первый исторический князь чехов Борживой I (впервые он упоминается в исторических документах в 872 г.), который был крещен святым Мефодием и построил в Чехии первую христианскую церковь. Василий Эдуардович Регель, российский, советский историк, славист, в своем труде «О хронике Козьмы Пражского» отмечает, что сам автор о событиях до 872 г. говорит, что письменных источников не было и автор использовал устные предания [16]. В каждом из сказаний, пишет В.Э. Регель, есть историческая основа и чем ближе к XI в., тем больше [17]. Необходимо заметить, что на момент создания «Хроники» существовали и другие сочинения по истории Чехии, но Козьма Пражский впервые последовательно изложил ее. В большинстве случаев автор указывал на то, где он использовал народные предания, а где исторические источники, на которые он ссылается.

С появлением классовых противоречий, в период развития феодального строя, меняется содержание эпоса, который выступая в качестве исторического источника, отражает настроения народа, конфликты социального характера и при сопоставлении с летописями, передающими исторические процессы, можно получить более полную картину социально-экономического и политического развития общества. В период монгольского нашествия на Русь устное народное творчество трансформирует действительность в исторических песнях, а период подъема национального самосознания народа создаёт новые образы героев. Появляются сказания о Евпатии Коловрате,

относящиеся к трагическим событиям 1237 г., о восстании 1327 г. в Твери против Чолхана, наместника ордынского хана, поется песня о Щелкане Дудентьевиче. Следы исторических песен, в частности описание Куликовской битвы 1380 г., обнаруживаются в «Задонщине» и «Сказании о Мамаевом побоище» [18].

Анализ памятников устного народного творчества, воплощение исторической памяти народа в былинах, сказаниях, исторических песнях, широко используется источниковедением при решении основной задачи – соотношения фольклора с исторической действительностью, так как очень тонкая грань отделяет историческую конкретику и народную традицию. Зародившись задолго до появления письменности, фольклор являлся единственным источником передачи из уст в уста истории становления народа, традиций и общественного уклада, способе устройства первых общественных объединений, моральных устоев, семейного уклада, укрепления первых государственных рубежей, отношений с соседними народами, тактике ведения вооруженных конфликтов и т.д.

Фольклор, безусловно, выступает неоценимым наследием изучаемого народа, при научном сопоставлении с имеющимися письменными источниками, легенды, предания и исторические песни дают возможность получить полную, объемную картину происходящих событий. Современная историография рассматривает устное народное творчество в синтезе с этнографическими, литературоведческими и историческими исследованиями. Вычленение исторических реалий из текстов былин, легенд, исторических песен и эпоса, поиск аналогов в летописных изданиях, феномен включения устной культуры в письменную относятся к числу актуальных тем в отечественной науке.

Примечания

1. *Татищев В.Н.* О происхождении, разделении и смешении народов. // Собрание сочинений. Т.1. – М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 1994. – С. 166.

2. *Ломоносов Михайло.* Избранная проза. – М.: Советская Россия, 1980. – С. 116.

3. *Афанасьев А.Н.* Боги – суть предки наши. – М.: РИПОЛ Классик, 2009. – С. 6.

4. *Сперанский М.Н.* Былины. – М.: Книга по требованию. 2015. – 660 с.

5. *Пропп. В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Азбука, 2020. – 544 с.

6. *Рыбаков Б.А.* Язычество древних славян. – М.: Наука, 1980. – 196 с.

7. *Козьма Пражский*. Чешская хроника. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 33.

8. Там же. – С. 34.

9. *Татищев В.Н*. Указ. соч. – С. 129.

10. *Ломоносов М.В.* О переселениях и делах словенских // *Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений. Т. 6. – М.; Л.: Изд-во АН , 1952. – С. 177.

11. *Пропп В.Я.* Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Азбука, 2020 – 544 с.

12. *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984. – 240 с.

13. *Миллер. В.Ф.* Очерки русской народной словесности. – М.: Институт русской цивилизации, 2015. – 972 с.

14. *Азбелев С.Н.* Историзм былин и специфика фольклора. – Л.: Наука, 1982. – С. 112.

15. *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. – М.: Изд. АН СССР, 1963. – С.178.

16. *Регель В.Е.* О хронике Козьмы Пражского. – М.: Книга по требованию, 2011. – С. 7.

17. Там же. – С. 8.

18. Народные исторические песни. – М.; Л.: 1962. – С.14.

Л.Г. Степанова
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ИСТОРИЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ СЛАВЯНОСЕРБИЯ В МАТЕРИАЛАХ ГЕНЕРАЛЬНОГО МЕЖЕВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена автономной области Славяносебия, возникшей на южных рубежах России в середине XVIII в. Первыми поселенцами этой области были гусарские полки сербов, которые пополнялись за счет представителей разных народов, переселявшихся на эту территорию. Автор прослеживает судьбу первых поселений, основанных на месте расположения сербских рот, в материалах Генерального межевания конца XVIII – начала XIX в.

Ключевые слова: Славяносербия, гусарские полки, военные поселения, Генеральное межевание, Экономические примечания

L.G. Stepanova
(Krasnodar, Russian Federation)

THE HISTORICAL REGION OF SLAVIC-SERBIA IN THE MATERIALS OF THE GENERAL LAND SURVEY

Abstract. The article is devoted to the autonomous region of Slavonia, which arose on the southern borders of Russia in the middle of the XVIII century. The first settlers of this area were the Hussar regiments of the Serbs, who were replenished by representatives of different peoples who moved to this territory. The author traces the fate of the first settlements based on the location of the Serbian companies in the materials of the General Survey of the late XVIII – early XIX century.

Key words: Slavonoserbia, Hussar regiments, military settlements, General surveying, Economic notes

Историческая область Славяносербия появилась в Российской империи в 1753 г. после прибытия на правый берег Северского Донца сербов, переселившихся из Австрии. Местом их поселения стала территория от Бахмута до Лугани. Предполагалось, что на ней может быть поселено до 5 000 населения [1]. Сама идея переселения сербов на территорию России возникла в начале XVIII в. и основывалась на общности интересов славянских народов, единой религии, сходстве языка и этническом родстве [2]. Одной из целей организации переселения православных славян из Австрийской и Османской империй было создание военных поселений для охраны границы на малонаселенных участках юго-западной окраины Российской империи. В 1723 г. Петр I выдал сербам грамоту на поселение в районе крепости Тор, построенной для отражения татарских набегов при Алексее Михайловиче. На эту территорию прибыл сербский гусарский полк под командованием Ивана Албанеза.

В середине XVIII в. к русскому посланнику в Вене М. П. Бестужеву-Рюмину обратился состоявший на австрийской службе полковник И. С. Хорват, пожелавший переехать в Россию вместе с родственниками и земляками-граничарами. Он пообещал создать из переселенцев гусарский и пехотный полки. Его предложение одобрила императрица Елизавета, заинтересованная в организации охраны границ России на южном направлении по примеру австрийской «военной границы» [3]. Расселение сербов в

1751 г. было определено специальными указами [4]. Территория их первоначального расселения получила название Новой Сербии. Она располагалась в Заднепровских степях, включала в себя часть земель Запорожской Сечи, граничила с польскими и турецко-татарскими землями и, как автономная территориальная единица, подчинялась только Сенату и Военной коллегии. В 1752 г. на территории Новой Сербии было разрешено селиться выходцам из Молдавии, Валахии, Македонии и других стран, от верховных властей поступали на места указания «оказывать переселенцам вспоможение» [5].

В 1753 г. право поселиться на неосвоенных землях Дикого поля получили новые сербские переселенцы из Австрии. Образованная автономная область получила название Славяносербии. Она находилась между землями запорожских и донских казаков и практически тянулась вдоль Украинской линии. Поначалу на ее территории располагались сербские гусарские полки Ивана Шевича и Райко де Прерадовича (Депрерадовича). В каждом из них были сформированы по 10 рот. На местах их дислокации строились военные укрепления – шанцы, давшие жизнь новым поселениям. Появление сербских военных поселений в пограничных районах России вызвало недовольство Османской империи и Крымского ханства [6]. Сербы и другие славяне, осевшие в этих местах, не только отражали татарские набеги, но и участвовали в войнах, которые вела Российская империя [7]. Так, в Семилетней войне с 1757 г. принимал участие гусарский полк, сформированный в Славяносербии [8].

Военные поселяне осваивали полученную землю, занимались огородничеством, садоводством, виноградарством, хлебопашеством, разводили лошадей и крупный рогатый скот. Этнический состав поселян расширялся за счет новых переселенцев. В 1757 г. в гусарском полку Р. де Прерадовича кроме 72 сербов числились 41 представитель «волосской нации», 25 венгров, 11 греков, 10 молдаван, 9 болгар, 4 македонца, 3 турка, 3 представителя «цезарской» нации, один малороссиянин, один великорос, один еврей и по одному представителю «моравецкой» и «славонской» наций. В гусарском полку И. Шевича в 1758 г. числились 151 серб, 39 представителей «волосской нации», 20 македонцев, 17 венгров, 11 болгар, 10 молдаван, 8 великоросов. В гусарах также находились представитель

боснийской нации, немец, англичанин, швед, еврей и татарин, обращенные в православие [9].

В 1764 г. из-за своей малочисленности полки были объединены в один Бахмутский гусарский полк под командованием Георгия Депрерадовича с образованием 16 рот. Шанцы именовались не только по номерам рот, но и по местам появившихся поселений. Поселение 1 роты именовалось с. Серебрянкой, 2 роты – Вергункой, 3 роты – с. Верхним, 4 роты – Красный Яр, 5 роты – Приволье, 6 роты – с. Крымский Брод, 7 роты – с. Нижнее, 8 роты – с. Подгорное, 9 роты – с. Желтое, 10 роты – Каменный Брод, 11 роты – Черкасский Яр, 12 роты – с. Хорошее, 13 роты – Калиново, 14 роты – Троицкое, 15 и 16 рот – Луганское. К этому времени помимо сербов в Славяносербии проживали выходцы из Молдавского княжества, валахи, болгары, венгры, крещенные евреи, турки [10].

В 1764 г. с образованием Новороссийской губернии территория Славяносербии вошла в ее состав. Вместе с утверждением нового территориального образования императрице Екатерине II был представлен план раздачи земель, нуждающихся в заселении, который должен был ускорить хозяйственное освоение региона. Территория Славяносербии была разделена на 140 округов, а округи – на участки. Раздача земли должна была сопровождаться снятием планов и размежеванием [11].

Интенсивное освоение региона шло в период губернаторства князя Г. А. Потемкина. Права переселенцев на новые земли закреплялись межеванием, однако оно было прервано русско-турецкой войной 1787-1791 гг. С весны 1798 г. по Сенатскому указу от 25 июня 1797 г. в Новороссийской губернии стало проводится Генеральное межевание земель [12]. При проведении Генерального межевания в 1798–1806 гг. были составлены Экономические примечания по Бахмутскому уезду, куда вошли земли бывшей автономной области Славяносербия. За 9 лет в уезде было обмежевано 1251834 дес. 1 775 саж. земли [13]. По данным 5 ревизии на размежеванных дачах уезда числилось 72125 душ обоего пола. Но в наличии населения оказалось меньше – 60754 душ, в том числе 32271 мужских душ и 28483 женских [14].

В Экономических примечаниях по Бахмутскому уезду, составлявшихся в конце XVIII – начале XIX в., отразились сведения о поселениях, берущих свое начало от бывших шанцев сербских

гусарских полков. Они располагались на правом берегу Северского Донца или на левом берегу реки Лугани и относились к владениям казенного ведомства поселян, их жители в основном были государственными крестьянами и занимались хлебопашеством, выплачивая казне оброк.

В деревне Серебрянке, возникшей на месте поселения 1 роты, имелось 120 дворов, в них проживали 1099 взрослых душ обоего пола. К даче деревни относились 6276 дес. 1579 саж. земли. Земельные угодья поселения уже были хорошо разработанными. Под пашней находились 4705 дес. 1400 саж., сенокосом – 608 дес. 100 саж., дровяным лесом – 142 дес. 800 саж. К неудобной земле было отнесено 716 дес. 1576 саж. Земля имела серопесчаный грунт, местами иловатый. Из посеянного хлеба лучшие урожаи давали рожь, ячмень, пшеница, просо и горох. Против других мест сенные покосы оценивались хуже. Землемеры зафиксировали наличие на реке Бахмут мукомольной мельницы, «которая действие имеет кроме полой воды и повреждения во весь год» [15].

В селе Вергунском, берущем свое начало от 2 роты, насчитывалось 198 дворов, по ревизии в них числились 976 душ обоего пола, в наличии оказалось 1 105 душ. К поселению было отмежевано 8696 дес. 396 саж. земли, из которых к пашне – 2100 дес., сенокосам – 1550 дес. 863 саж., дровяному лесу – 172 дес., неудобным местам – 851 дес. 396 саж. К дикой степи было отнесено 3972 дес. 1537 саж. Земля имела сероглинистый грунт и без внесения удобрения была не очень плодородна. В поселении выращивали рожь, пшеницу, овес, ячмень и просо. Сенные покосы считались средними [16].

В селе Верхнем, где ранее располагалась 3 рота, проживали 1063 душ. Земельные угодья поселения достигали 7576 дес. 340 саж. Пашенной земли насчитывалось 3588 дес. 1000 саж., сенных покосов – 2709 дес. 500 саж., леса строевого и дровяного – 377 дес. 2300 саж., неудобной земли – 788 дес. 340 саж. Земля имела серопесчаный, местами иловатый грунт, на котором наилучшие урожаи давали рожь, ячмень, пшеница и просо. Сенные покосы оценивались против других мест хуже. В селе имелись три ветряных мельницы, каждая из которых приносила по 40 руб. дохода [17].

В селе Приволье, возникшем на месте поселения 5 роты, проживали 582 души обоего пола. При селении располагалась

ветряная мельница. К земельным угодьям относились 6266 дес. 2266 саж. земли, из которых к пашне – 3362 дес. 150 саж., сенным покосам – 1 430 дес. 313 саж., дровяному лесу 404 дес. 2327 саж., неудобным местам – 978 дес. 1587 саж. Грунт в основном был серопесчаный, местами встречался чернозем. Лучшие урожаи на этом грунте давали рожь, ячмень, пшеница и просо. Сенные покосы по сравнению с другими считались лучшими [18].

В селе Крымском (6 рота) насчитывалось 278 дворов. В них по ревизии числились 1139 душ обоего пола, в наличии землемеры зафиксировали 1323 души. Среди поселенцев были казаки, войсковые обыватели, однодворцы. В селе имелись четыре ветряные мельницы. Земельные угодья села насчитывали 4933 дес. 1999 саж., под пашней находились 3619 дес. 600 саж., сенокосом – 412 дес. 1200 саж., дровяным лесом – 289 дес. 900 саж., неудобными местами – 521 дес. 1559 саж. Грунт земли был серопесчаным, местами иловатым. Лучшие урожаи на нем давали рожь, ячмень, пшеница и просо. Сенные покосы признавались средними [19].

В Экономических примечаниях, описывающих село Нижнее (7 рота), землемеры не указали количество дворов и проживающего населения. В селе была водяная мучная мельница, работавшая в весеннее и осеннее время и дававшая доход до 18 руб. в год. Земельные угодья села составляли 7111 дес. 236 саж., из которых 4338 дес. 365 саж. находились под пашней, 952 дес. 1504 саж. – под сенокосом, 185 дес. 1119 сад. – под дровяным лесом, 586 дес. 603 сад. – под неудобными местами. Грунт земли был серопесчаным, лучшие урожаи на нем давали рожь, овес, пшеница, просо. Сенные покосы были средними по своему качеству [20].

Село Подгорное (8 рота) во время учреждения Екатеринославского наместничества получило статус города и новое имя – Донецк (в 1817 г. переименован в Славяносербск). К угодьям заштатного города Донецка были отнесены 1915 дес. 1002 саж. земли. Под поселением из них находились 79 дес. 800 саж., под пашней – 368 дес., сенокосом – 1131 дес. 1100 саж., строевым и дровяным лесом – 266 дес. 500 саж., неудобных мест – 70 дес. 1002 саж. Грунт земли относился к чернозему, местами он был каменистым. Наилучшие урожаи на нем давали рожь, овес, пшеница и просо. Сенные покосы считались средними. В строевом и дровяном лесу росли дуб, береза,

черный клен, осина, липа, тополь, вяз, терн. Строевой лес достигал в вышину 7 аршин, в отрубе был четверть аршина.

В городе имелись одноэтажная Соборная деревянная церковь во имя архидьякона Стефана, при ней – деревянная колокольня, 5 домов церковнослужителей, 3 торговые деревянные лавки, один питейный дом. Трактиров и харчевен не было. По воскресеньям проводились продовольственные ярмарки. Трижды в год организовывались большие ярмарки, длившиеся по три дня, на которые съезжались купцы из разных городов и жители близлежащих селений. На них продавались самые разнообразные товары, рогатый скот, лошади, соль. Жители города занимались торговлей и извозом, ездили по разным подрядам на Крымский полуостров и в другие места, разводили скот для себя и на продажу [21].

В селе Желтом (9 рота) имелось 155 дворов, в которых числились 712 душ, в наличии оказалось 921 душ. Земельные угодья поселения составляли 6644 дес. 2286 саж., из которых к пашне относилось 1760 дес. 352 саж, сенным покосам – 350 дес. 158 саж, лесу дровяному – 109 дес. 490 саж., неудобных мест – 256 дес. 2286 сад. Землемеры выделили в отдельную категорию земель степь, способную к пашне – 4100 дес. 1000 саж. На речке Лугани располагалась мукомольная мельница, которая давала доходу до 400 руб. в год, а также пруд. Жители села помимо хлебопашества занимались скотоводством. Имущественное положение поселян оценивалось как посредственное [22].

Село Каменное (10 рота) имело 122 двора, в которых по ревизии числилось 589 душ, налицо оказалось 773 души. Из отмежеванных к поселению 5905 дес. 1225 саж. к пашенным угодьям были отнесены 3856 дес. 1700 саж., сенокосу – 1175 дес., мелкому кустарнику – 15 дес. 700 саж, неудобным местам – 820 дес. 1225 саж. Земля имела сероглинистый грунт, на котором наилучшие урожаи давали рожь, овес, ячмень и просо. Сенные покосы были средними. Каждую неделю по воскресным дням проводились ярмарки, на которые съезжались жители соседний поселений, чтобы продать деревенские продукты [23].

В селе Черкасском (11 рота) находились 120 дворов, в которых проживали 592 души. К земельным угодьям села относились 9837 дес. 1177 саж., из которых к пашне – 6877 дес, сенокосу 769 дес., способной

к пашне степи – 1305 дес., строевому и дровяному лесу – 301 дес. 500 саж. Неудобными признавались 569 дес. 1175 саж. Земельный грунт относился к чернозему, местами был каменистым и хрящеватым, наилучшие урожаи на нем давали рожь, пшеница и просо. Сенные покосы были средними по качеству. В селе имелась водяная мукомольная мельница, работавшая шесть месяцев в году. Строевой лес был в отрубе в четверть аршина, вышиной в семи сажень [24].

В селе Хорошем (12 рота) имелось 109 дворов, по 5 ревизии в них числились 506 душ, налицо было 554 души. К угодьям села были отмежеваны 4617 дес. 1216 саж., в том числе к пашне – 1610 дес. 2000 саж., сенокосу – 1853 дес., дровяному лесу – 21 дес. 1000 саж., неудобных мест – 1233 дес. 1216 саж. Земля имела серопесчаный, местами каменистый грунт [25]. В селе Калиновском (13 рота) насчитывалось 700 душ, однако землемеры не зафиксировали количество дворов. Общее количество земли составляло 8120 дес. 429 саж., к пашне из них относились 2400 дес. 2000 саж., сенокосам – 4652 дес. 800 саж., дровяному лесу – 35 дес. 1000 саж., неудобным местам – 938 дес. 729 саж. Грунт земли характеризовался как серопесчаный, местами иловатый [26].

Село Луганское (15 и 16 роты) имело 190 дворов, по ревизии в них числились 1 005 душ обоего пола, в наличии оказались 1477 душ. Отмежеванные к селу угодья составляли 16904 дес. К пашенным угодьям принадлежали 5977 дес. 130 саж., сенокосу – 3650 дес. 1233 саж., мелкому лесу – 10 дес., неудобным местам – 2199 дес. 1650 саж. Грунт земли относился к сероглинистому. Лучшие урожаи приносила пшеница, средние – просо и овес. Сенные покосы признавались средними по своему качеству. В селе имелись плодовые сады с вишневыми, сливовыми, яблоневыми и грушевыми деревьями, на речке стояли 2 мучные мельницы. Поселенцы занимались хлебопашеством, а также ломкой камней для точения железных инструментов, получая в год дохода до 200 руб. [27].

За прошедшие полвека от первых поселения сербов на южных рубежах России до проведения работ по Генеральному межеванию территория бывшей автономной области Славяносербия оказалась достаточно хорошо освоенной. Здесь уже имелись большие площади пашни, но в степи были еще резервы земли для распашки. Первые поселения, где располагались сербские роты, разрослись и в

большинстве случаев стали крепкими селами, что свидетельствует об их удобном расположении на местности. В Экономических примечаниях к Генеральному межеванию первые поселенцы – сербы и представители других народов уже не упоминались. Часть из них ассимилировалась с прибывшим на поселение населением, другая – перебралась на другие территории России, некоторые – вернулись на родину. После присоединения к Российской империи Крыма и большей части Северного Причерноморья границы отодвинулись на юг. Настало время для хозяйственного освоения региона.

Примечания

1. О распоряжениях по поселению сербов Шевича и Прерадовича с их единоземцами между Бахмутом и Луганью // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – Т. XIII. – СПб., 1830. – Ст. № 10104. – С. 840.

2. *Подов В.* Поселение сербских гусарских полков Шевича и Прерадовича (Славяносербия, 1753–1764) // Сеоба Срба у Руско царство половином XVIII века. Зборник радова са међународног научног скупа у Новом саду, 7–9. маја 2003. – Нови сад, 2005. – С. 213.

3. *Рудяков П.* Переселение Сербов в Россию в XVIII веке в контексте украинско-сербских исторических связей XVIII – XIX вв. // Там же. – С. 359–376.

4. О принятии в подданство сербов, желающих поселиться в России и служить особыми полками, о назначении на границе со стороны Турецкой выгодных мест к поселению; об определении жалованья по окладу Гусарских полков конным, а пешим оклада полков пехотных, и о подчинении оных полков Военной Коллегии // ПСЗРИ. – Т. XIII. – СПб., 1830. – Ст. № 9919. – С. 552–558.

5. О продолжении поселения Сербов, в отведенных им Заднепровских местах; о выселке поселившихся там сходцев из Малороссии на прежние жилища; о вспоможении и покровительстве, каковые должны оказывать начальства поселенным Сербам; и об отводе земель для вновь выходящих сей же нации людей между природными Российскими подданными. 20 ноября 1752 г. // ПСЗРИ. – Т. XIII. – Ст. № 10049. – С. 729–731.

6. *Чернявский С. Н.* Крымская империя. От ханства к Новороссии. – М.: Вече, 2016. – С. 320.

7. *Гарабедян А., Комсалова Р.* Переселение болгар и сербов в Россию во время Петра Великого и его наследников // Сеоба Срба у Руско царство половином XVIII века. Зборник радова са међународног научног скупа у Новом саду, 7–9. маја 2003. – Нови сад, 2005. – С. 157.

8. *Попов Н.* Военные поселения сербов в Австрии и России // Вестник Европы. – 1870. – № 6. – С. 610

9. *Подов В. И.* Донбасс. Век XVIII-й. Социально-экономическое развитие Донбасса в XVIII веке. Луганск: Світлиця, 1998. – С. 28-30.

10. Рождение Новороссии. От Екатерины II до Александра I. События, воспоминания, документы. – М., 2015. – С. 101.

11. Об Украинской линии Славяно-Сербии; о состоящем за той линии поселении и о подчинении оного к Новороссийской губернии под единое право // ПСЗРИ. – Т. XVI. – СПб., 1830. – Ст. № 12180. – С. 798.

12. О начатии межевания в Саратовской, Оренбургской, Новороссийской и Симбирской губерниях. 25 июня 1797 г. // ПСЗРИ. – Т. XXIV. – СПб., 1830. – Ст. № 18019. – С. 638-641.

13. *Степанова Л. Г.* Генеральное межевание и освоение южных территорий Российской империи в XVIII – начале XIX в. – Краснодар: КубГУ, 2020. – С. 156.

14. *Степанова Л. Г.* Население и территория Бахмутского уезда Новороссийской губернии по материалам Генерального межевания конца XVIII – первой трети XIX в. // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальных интересов России: история и современность: К 80-летию начала Великой Отечественной войны. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2021. – С. 81–85.

15. РГАДА. – Ф. 1355. – Оп. 1. – Ед. хр. 372. – Л. 117.

16. Там же. – Л. 32а – 32а об.

17. Там же. – Л. 131–132.

18. Там же. – Л. 127–128.

19. Там же. – Л. 190 об. – 192.

20. Там же. – Л. 55 об. – 56 об.

21. Там же. – Л. 167 об. – 169.

22. Там же. – Л. 272–273 об.

23. Там же. – Л. 31–31 об.

24. Там же. – Л. 169 об. – 170 об.

25. Там же. – Л. 192–194.

26. Там же. – Л. 135 об. – 136 об.

27. Там же.

С.А. Манько
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ЧЕШСКИЕ «БУДИТЕЛИ» И ЗАРОЖДЕНИЕ РУСИНСКОГО (ГАЛИЦКО-РУССКОГО) НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ В ГАЛИЦИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX вв.

Аннотация. В предложенной статье на обширном фактическом материале исследуются причины зарождения и распространения национального галицко-русского движения в Галиции, его влияния на внутириполитическую и общественную жизнь этого многонационального и многоконфессионального края в XIX–XX вв. Показана роль первой волны «будителей».

Ключевые слова: Галиция, «будители», гражданская азбука, полонизация, «Русская троица», «язычие», концлагерь Талергоф, «Весна народов».

S.A. Manko
(Krasnodar, Russian Federation)

THE CZECH AND THE EMERGENCE OF THE RUSYN (GALICIAN-RUSSIAN) NATIONAL MOVEMENT IN GALICIA IN THE LATE XVIIITH – FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY

Abstract. The article explores the reasons for the emergence and spread of the national Galician-Russian movement in Galicia, its influence on the internal political and social life of this multinational and multi-confessional region in the XIXth and XXth centuries on the basis of extensive factual material. The role of the first wave of the «Buditeli» is also shown in it.

Key words: Galicia, «Buditeli», civil alphabet, polonization, «Russian trinity», concentration camp Thalerhof, «Spring of nations».

В 1830-е гг. в Восточной Галиции, как и у хорватов, и у лужицких сербов, начинается процесс национального Возрождения русского (русинского) автохтонного населения – движение «будителей» [1], хотя в большей части славянских стран и территорий уже проходила вторая фаза его развития.

В галицкой земле, входившей в состав Австрийской империи, он шёл в общем мейнстриме общеславянского Возрождения в 1820–1840-е гг. Его наиболее известными адептами были деятели Чехии – поэт Ян Коллар и историк Ф. Палацкий. Главной целью являлась борьба

за возрождение автохтонных славянских языков на своих национальных территориях.

Огромную роль в росте национального самосознания славян сыграла победоносная освободительная борьба русского народа против нашествия европейской армии Наполеона, в том числе и на территории Малороссии, а также восстание декабристов 1825 г. Также уместно упомянуть о том, что после разгрома Николаем I восставшего Черниговского полка некоторые руководители «Общества соединенных славян» бежали в Австрийскую Галицию. Там планы освобождения всех славян и их объединение в одном государстве встретили поддержку в среде местной интеллигенции, страдавшей от многовекового национального гнёта.

Ведущую роль в движение «будителей» в Галиции сыграло Ставропигийское братство, преобразованное в 1788 г. в Ставропигийский институт, ставший наиболее известным просветительским учреждением края. Это было галицко-русское культурно-образовательное учреждение Галиции, единственное до середины XIX в., образованное в 1788 г. на базе Львовского Успенского братства декретом австрийского императора Иосифа II. С начала 1860-х гг. Ставропигийский институт получил статус церковного объединения, его первым проректором стал грекокатолический митрополит. Однако на практике это не повлияло на деятельность Ставропигии, поскольку церковная власть в Австрийской империи была подчинена светской. Высшим органом указанного института являлось Общее собрание, которое избирало председателя «сеньора» и правление. Свои функции члены Ставропигии выполняли бесплатно, а на нужды общества ежемесячно вносили взносы. За время существования Львовского братства и Ставропигии его членами стали 726 человек. Это было закрытое объединение узкого круга галицко-русской элиты, идеология которого выражалась тремя принципами: элитарность, русскость и антипольскость. Ставропигийский институт не признавал украинской ориентации и отстаивал интересы единого русского народа (малорусов, великорусов и белорусов). Его члены были представлены в первой политической организации галицких русинов – Главной Русской Раде.

Следует отметить, что окончательная черта под православием в Галиции была подведена в 1790 г. декретом Леопольда II (1747–

1792 гг.) об уравнивании в правах униатов с католиками. Однако, несмотря на переход галицкой церкви под власть Рима, в униатском богослужении сохранялись старые церковные книги, написанные на кириллице. С использованием этого шрифта печатались азбуки. Гражданская азбука (гражданка), введённая в России Петром I, а также в XVIII в. у сербов в Воеводине, в Восточной Галиции впервые была использована в примечании к стихотворению Иосифа Левицкого в честь Иоанна Снегурского в 1837 г. [2]. Таким способом новые австрийские хозяева закрыли пятисотлетний православный вопрос в этой многострадальной земле.

В 1816 г. в Перемышле каноник перемышленского капитула Иван Могильницкий организовал «Общество священников», которое поставило перед собой цель – распространение просвещения среди галицко-русского народа. Финансовых средств у общества практически не было, а в качестве учебной литературы был лишь «Букварь», изданный в 1807 г. Ставропигийским институтом. Стремление русинов заявить о просвещении своего народа вначале встретило настороженность со стороны австрийских властей, а затем было «подавлено в самом зародыше, отцвЪло, не успЪвши разцвЪсть. Въ 1816 г. Львовская губернія представила „придворной канцеляріи“ въ ВЪНЪ, что "политическія соображенія не велятъ вместо польскаго языка распространять русскій, такъ какъ послЪдній составляетъ только разновидностъ россійскаго"» [3]. В 1829 г. в этом же городе епископ І. Снегурский открыл типографию и привлекал молодёжь для работы в ней.

Русинского дворянства в Галиции к началу XIX в. уже не существовало. Польский статистик Х. Ступницкий писал по этому поводу: «У русинов „нет шляхты“» [4]. Автохтонное мещанство было вытеснено из городов в предместья. В целом, влияние православия в крае сводилось к минимуму. В связи с этим роль лидеров национального Возрождения взяли на себя священники-униаты.

Феномен этого явления вызывает ожесточённые споры в исторической среде. Автору представляется наиболее объективной точка зрения, высказанная Н.М. Пашаевой в работе «Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв.». Она пишет: «Насильно переподчинённая новому хозяину и ставшая униатской, галицкая церковь сохраняла древнее богослужение с его единым языком и официальным

обрядом. В Речи Посполитой она оставалась второстепенной, с католичеством не сливалась.

В менталитете русинов сохранилось сознание единства с православной церковью. И тогда на протяжении десятилетий исподволь началось искажение древних обрядов, а также строгий контроль за тем, чтобы как можно меньше священников-патриотов занимали места в приходах. Это продолжалось и при австрийском владычестве. Позднее, в XIX в. сложилась уникальная ситуация – именно из среды униатских священников вышло много убеждённых русских деятелей. После чего была сделана последняя попытка очистить обряд от позднейших искажений, очистить церковь, оставаясь под властью Ватикана. Но она потерпела полный провал, так как Ватикан на это не мог пойти. И постепенный ***возврат к православию*** стал логическим итогом этих событий» [5].

Об этом спустя тридцать лет образно написал Я.Ф. Головацкий в либеральном украинском петербуржском журнале «Основа», отвечая на упрёк Н.Г. Чернышевского по поводу втягивания русинами духовенства в мирские дела. «Духовенство в Галиции не составляет замкнутого сословия, оно выходит из народа и живёт среди него. …Русины, как известно, не имеют ни администраторов, ни дипломатов, ни юристов; весь образованный класс народа составляет духовенство… Если устранить духовенство от мирских дел, кто же станет впереди народа?» [6].

Студенческое направление в Львовском университете было представлено Я.Ф. Головацким, М.С. Шашкевичем и И.Н. Вагилевичем и получило название «Русская троица». Молодые галицкие «будители» требовали предоставления равноправия для родного языка [8], право на образование, печатание книг и делопроизводство. М. Шашкевич по прошествии времени так описывал своё знакомство с Я. Головацким: «Сблизился со мной, прямодушно открыл свои думы, сказав, что он Русин, и заявил, что нам молодым Русинам нужно соединитись в кружок, упражнятись в славянском и русском языках, вводити в русских кругах розговорный русский язык, подняти дух народный, образовати народ и противоборствуя полонизму, воскресити русскую письменность в Галичине» [9]. «Русской троицей» был выпущен гражданским шрифтом, гражданкой, на народном языке (галицко-русском наречии)

первый национальный патриотический альманах «Русалка Днестровая», изданный в Будапеште в 1837 г., который сразу же попал под запрет австрийской цензуры, а составители были взяты под надзор полиции (рис. 6). Далее приводится окончание стихотворения М. Шашкевича «Воспоминание» на народном языке, опубликованное в «Русалке». Причём написание отдельных букв и соответствие их звукам он определял сам: «Як Славяне колись жили, Журна думка лишь гадат: Из Русина щирой груди, В побратимий летит край, Побратимі де сут люди, По за Волгу за Дунай». Далее приводится окончание стихотворения М. Шашкевича «Воспоминание» на народном языке, опубликованное в «Русалке [10].

Значительно позже, во второй половине XIX в., отколовшись от первоначального общего русинского движения, украинофилы на том основании, что М. Шашкевич, выпуская «Русалку Днестровую», опустил в некоторых материалах букву «ъ», сделали его родоначальником украинофильства в Галиции. Однако при этом они не указывали, что буквы «Ъ» и «ы», отсутствовавшие в украинском языке, в «Русалке» используются. Ещё одно обстоятельство важно знать, анализируя 1837 г. в Галиции.
Её интеллигенция состояла исключительно из священников, получивших образование в Австрийской империи на польском либо немецком языке. О русском языке большинство из них имело такое понятие, как псаломщики, обучающие детей грамоте на «Псалтырях». Отсутствие знаний о правописании русского языка наложилось на реформу сербского языка В. Караджича на основе принципа «пишу, как говорю», а также чеха Добровского, удалившего «ъ» из славянской азбуки. В более поздних своих сочинениях М. Шашкевич старался правильно употреблять этимологическое правописание [11].

Русинская интеллигенция, представлявшая первое поколение галицких «будителей», в своей основной массе являлась духовным сословием, подвергшимся сильной полонизации. Польский язык использовался ими даже в домашнем общении, об этом имеются многочисленные упоминания первых просвещенцев-русинов. Широко употреблявшиеся в простом народе бойковское, лемковское или гуцульское бытовые наречия не позволяли писать научные и полемические статьи на родном языке в связи с недостаточностью терминологической базы. Языковой реформы, подобно проведённой в

Сербии выдающимся лингвистом В.С. Караджичем [12] в Галиции ещё не произошло, поэтому большая часть молодых патриотов обращалась к своим читателям, используя язык, который применялся при обращении к пастве. Он был ей понятен, поскольку представлял собой эклектику народных повседневных южнорусских говоров, церковнославянского и элементов русского языка. Эта языковая смесь получила название «язычие». Было бы не уместно и не объективно с позиции настоящего времени подвергать жёсткой критике упражнения в филологии первого поколения галицких русинов – патриотов «будителей». Их главной задачей являлось пробуждение национального самосознания народа, находившегося на грани полного растворения в польской культурно-языковой среде.

Тем не менее, им удалось в 1830-е гг. дать свой первый и успешный бой попытке введения польского алфавита в русскую письменность, предпринятой польским этнографом В. Залеским и поддержанной галицким священником И. Лозинским, а также польскими кругами Восточной Галиции. Именно М. Шашкевич написал тогда острую полемическую статью «Azbuka i abecadło, opowiedź na zdanie o wprowadzeniu abecadła polskiego do pismiennictwa ruskiego» – «Азбука и абесадло (польский алфавит. – С.М.), в ответ на предложение о введении алфавита польского в русскую письменность». Она, а также другие выступления и публикации «будителей» не позволили осуществиться польскому замыслу. В тоже время эти действия способствовали формированию у некоторых просветителей глубокого интереса к идее единой Руси «от Карпат до Камчатки».

В 1708 г. Российская империя была разделена на восемь губерний, две из которых, Киевская и Азовская, приходились на территорию нынешней Украины. В дальнейшем этот процесс продолжал развиваться. К первой половине XIX в. в её состав уже входили Черниговская, Полтавская, Киевская, Волынская и Подольская губернии.

Разделения славянского населения России на отдельные национальности не существовало, а подавляющая его часть исповедовала православие. На всей территории империи обучение шло на литературном русском языке. Его знали и малороссы Киева, считавшегося матерью городов русских, и жители Полтавы, и казаки с

берегов Волги, Дона и Кубани, несмотря на различные региональные диалекты, в то время как украинский язык в классическом литературном его варианте находился лишь в начальной стадии создания [13].

Н.П. Пашаева пишет: «Украинские исследователи галицького национального возрождения пытаются нас уверить, что "Русалка Днестровая" написана по-украински. Однако для 30-х гг. XIX в. украинского литературного языка в современном понимании не существовало. В своей Пространной грамматике Греч называет язык, который мы позже назовём украинским, "малорусским наречием". Наречием его называли и другие деятели первой половины XIX в. Правда была уже написана "Энеида" Котляревского, которой зачитывались галицкие будители, они знали и Квитку-Основьяненко, Гулака-Артемовского. Огромное значение в создании современного литературного украинского языка имело творчество Т.Г. Шевченко, хотя в пору создания "Русалки" ещё не были написаны ни "Кобзарь" (1840), ни "Гайдамаки" (1841), не было опубликовано ни одного из знаменитых украинских произведений Шевченко. Не существовало и общепринятого украинского правописания. Хотя есть сведения, что впервые украинское фонетическое правописание было предложено Ол. Павловським, а И. Франко подчёркивал, что фонетическое правописание "идёт по крайней мере от Котляревского", однако распространение оно не получило. Позднее Максимович в статье "О правописании малороссийского языка" предложил своё правописание, довольно сложное, оно также не удержалось. Начиная с 50-х годов П.А. Кулиш вводит в написание украинских текстов фонетическое правописание, его порой считали изобретателем украинской "фонетики". Упорядоченное П. Кулишом правописание со временем употреблялось в правописной практике петербургской "Основы", а также в изданиях "народовцев" в Галичине в 60–80-х гг. XIX в. Это правописание – "кулешовка" пользовалось в дореволюционный период наибольшей популярностью на Украине».

В этой связи для «будителей» – галичан, порой называвших себя малорусами или южнорусами, главный вопрос заключался в том, к какому народу они принадлежат, к русскому или польскому. Именно вокруг него разгорелась яростная полемика в первой половине XIX в. Её участники на русинском (южнорусском или разновидностях

«язычия») языке [14] печатали лучшие образцы русской литературы, установили контакты с российскими учёными-славистами: М.П. Погодиным, М.А. Максимовичем, И.И. Срезневским, О.М. Бодянским. М.А. Максимович в письме к М.П. Погодину пишет: «Южнорусский язык… состоит в двух наречиях: 1) малороссийском, существующем издревле оба-полы Днепра на Украине, Подольи, Волыни и в Северщине, и 2) червонорусском, существующем издревле оба-полы Днестра в Галиции и в Карпатах» [15].

Из России в Галицию с большими трудностями передавались книги. Это было связано с огромным риском, поэтому легче было приобрести подобную литературу в Праге, и даже в Вене, нежели во Львове. Когда книги всё же оказывались в чей-либо библиотеке, то их старались не выдавать незнакомому читателю, опасаясь попасть под надзор полиции. Печатание материалов за границей без цензуры облагалось штрафом в сумме 25 дукатов [16]. Именно с русских книг начиналось знакомство галицких «будителей» с Россией и её историей. Однако в России немногие знали о Червонной Руси. «Изъ русскихъ ученыхъ знали о её существовании только М. Погодинъ, С. Шевыревъ и КирЪевскій, открывшіе её случайно, возвращаясь съ заграницы, въ 1835 г., по русскимъ надписямъ на башнЪ василянскаго монастыря во ЛьвовЪ» [17].

Десятилетие накануне революции в Австрии 1848–1849 гг. было непростым для галицкого национального возрождения. «Будители», частью направленные в отдалённые и бедные приходы, частью вовсе их не получившие (И.Н. Вагилевич), страдавшие от хронического безденежья, болезней и невозможности прокормить свои семьи, не могли активно продолжать свою подвижническую деятельность. Более того, усилилась цензура, выходившие материалы разрешалось выпускать на немецком, польском и даже еврейском языках, но не на русинском. К примеру, жесткой проверке подверглась работа Д.И. Зубрицкого «Хроника города Львова», книги братьев Головацких под названием «Венок русинам на обжинки» вышли в Вене, а не во Львове.

Однако цензуру порой удавалось обойти. Здесь стоит отметить статью Я. Головацкого «Положение русинов в Галиции», вышедшую в независимом безцензурном журнале лужицкого «будителя» Яна Питера «Летописи славянской литературы, искусства и науки». В ней

автор в жесткой форме обличает произвол польской и полонизированной аристократии, показывает трагическую судьбу коренного галицкого народа (*Kleinrussen oder Südrussen*), называя его «угнетённой и разорванной нацией, без идеи родства славянских народов и надежды на лучшее будущее». Головацкий впервые называет две главные проблемы русинов: отсутствие вождей и единого центра, а также австрославизм русинов с учётом их униатской веры и делает вывод: «Австрия превыше всего, если только она этого хочет» [18].

В 1847 г. вышло всего 30 сочинений, написанных русскими галичанами. Среди них: «"Слезы", "Плачъ", "Радостная пѢснъ Русина", "ВозвѢщеніе" и др. Всего съ 1800 до 1848 года появилось въ ГаличинЪ 159 русскихъ публікацій» [19]. При этом следует отметить, что чтение славянских книг, как и вся славянская литература, с точки зрения австрийского правительства, считалось преступлением. Со временем «Русалка Днестровая» была запрещена, а её издатели подверглись гонениям. Директор львовской полиции Пайман так сказал по поводу издания «Русалки»: «Wir haben mit den Polen vollauf zuschaffen und diese Tollköpfe wollen noch die todtbegrabene ruthenische Nationalität auswecken!» [20]. – «Мы уже имеем столько общего с Польшей, и эти сумасброды ещё надеются возродить погребённое рутенское самозначение».

Революция в Австрийской империи (с 1804 г.) 1848–1849 гг., получившая название ***Весны народов***, громким эхом докатилась до территории Галиции. В провинции господствовали аграрные отношения, сохранившиеся с XVIII в. Коронные земли и многие владения польской церкви были розданы крупным австрийским землевладельцам. Новые методы хозяйствования внедрялись слабо, уровень производства зерна был недостаточным для обеспечения хлебом населения. Рефомы Марии Терезии и Иосифа II в сфере земельных отношений нарушались повсеместно. В 1802–1803 гг. австрийское правительство разрешило помещикам применять телесные наказания в отношении крестьян. Увеличение барщины, повинностей привели к росту социального протеста в форме бегства крестьян, расправы над старшиной, поджогов усадеб и винокурен.

В первые годы владычества Галицией Австрия пыталась отстранить поляков от власти. Однако ситуация изменилась после

смерти Иосифа II. Это было связано с тем, что магнато-шляхетская аристократия, имевшая опыт 600-летнего государственного управления, знания специфики региона и доступ к образованию, стала привлекаться новыми властями к занятию должностей в австрийском бюрократическом аппарате. Началась «ползучая бюрократическая польская оккупация». Поляки всё решительнее выдвигали требования восстановления своего прежнего господствующего положения и прекращения германизации Галиции, создания польских органов власти, введения польского языка в качестве канцелярско-делового и образовательного, ликвидации для поляков всех повинностей. В 1809 г. они подняли восстание против Австрии в надежде на помощь со стороны императора Франции Наполеона. Ими был захвачен Львов.

В городе начались расправы над сторонниками австрийского правительства, включая русско-униатское духовенство. Однако автохтонное население отнеслось к восставшим враждебно и активно оказывало содействие австрийским войскам. Не получив массовой поддержки, польское восстание было подавлено.

Максимум активности польского вооружённого сопротивления пришелся на 1846–1848 гг. Во всех трёх частях разделённой страны, по инициативе польского Демократического общества, шла подготовка общепольского восстания, намеченного на начало 1846 г. Однако превентивные аресты в Познани и Поморье, прусской зоне оккупации, а также провал попыток польских повстанцев провести боевые операции в Царстве Польском, находящемся под контролем Российской империи, ограничили восстание территорией Краковской республики, контролируемой Австрией. В результате боёв в Кракове в феврале 1846 г. австрийские войска были вынуждены отступить за пределы города. Власть перешла в руки Национального правительства, которое призвало народ к восстанию и обещало дать землю крестьянам. Однако социально-классовые противоречия в польском обществе, особенно в Западной Галиции, были настолько глубоки, что крестьянская масса подняла восстание против своих помещиков, за исключением небольшой территории Краковской республики. Воспользовавшись ситуацией, австрийцы распространяли слухи о том, что власти Кракова выступают против австрийского императора из-за его намерения освободить крестьян. Попытки руководителя восставших Э. Дембровского призвать сельское население на свою

сторону не привели к желаемому результату. Э. Дембровский подвергся нападению австрийских войск и погиб. Восставшие не смогли продолжить сопротивление, в результате в Краков вошли войска трёх императоров и ликвидировали республику. В ноябре 1846 г. её территория была включена в состав Австрийской империи [21].

Вена, опасаясь усиления польского сопротивления, заигрывала с русинами, пытаясь найти в них опору своему режиму и достигнуть баланса сил в Галиции, которая до прихода австрийцев была заселена двумя крупными национальными группами: русинами и поляками. Господствующей нацией являлось польское меньшинство, считавшее данную территорию своей со времён Казимира Великого. В то же время образованная часть автохтонного русского (русинского) населения на протяжении веков лелеяла надежду на восстановление независимости и былого величия Галицких земель. Столетия ополячивания и окатоличивания не смогли убить его стремление к свободе.

Галицкие русины (с конца XIX в. значительная их часть стала называть себя украинцами, поскольку те, кто продолжал называть себя русинами, закончила свою жизнь в ***концлагерях Талергоф и Терезин***) категорически были против возвращения польского господства. Появившаяся в начале XIX в. русинская интеллигенция, объединяясь в просветительские организации, стала генерировать идеи освобождения.

Австрийская империя с 1804 г. (с 1868 г. Австро-Венгерская) включала множество славянских народов с различным положением в государстве. К примеру, ситуации для чехов и словенцев в империи была несколько иной, чем для русинов и словаков. Из 34 млн. человек проживавших к концу 1840-х гг. в Австрийской империи 16 миллионов составляли славяне. Венгров, итальянцев, валахов и других национальностей насчитывалось около 11 миллионов. Австрийских, судетских и прочих немцев - около 7 миллионов, или 20,6 % от всего населения империи [22]. Такая ситуация, по мнению лидеров русинского движения, создавала надежды на определённые перспективы в будущем, чего нельзя было ожидать в случае возвращения польской власти [23].

Таким образом, патриотическое движение русинов-«будителей» в Галиции в период революции по объективным причинам являлось кратковременным политическим союзником австрийских властей. Аналогичная ситуация складывалась и в других территориях многонациональной Австрийской империи. Например, в Хорватии и Славонии, сербской Воеводине, Трансильвании и Закарпатской Украине национально-освободительное движение в первую очередь было направлено против венгерского гнёта и являлось на определённом этапе союзником Габсбургов.

Начальный этап русинского национального возрождения (1830–1840 гг.) в Галицкой Руси сыграл свою положительную роль и выполнил главную задачу. Австрийская аристократия услышала о коренном народе Восточной Галиции, заявившем о своём законном праве на национальное достоинство, но отказалась признать его народом, родственным остальному русскому миру, опасаясь роста сепаратизма и усиления влияния России в регионе. В дальнейшем русофобская политика Вены, направленная на раскол русинского движения, стала доминирующей при активной поддержке польского шляхетско-магнатского сословия Галиции. И всё же следует отметить, что на политической сцене австрийской Галиции в середине XIX в. благодаря движению «будителей» появился новый **актор**, ставший в дальнейшем активным субъектом внутриполитической борьбы.

Примечания

1. «Будители» (чеш. *buditel*, букв. – тот, кто пробуждает). URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/sic/2583/БУДИТЕЛИ (Дата обращения 16.04.2021).

2. См.: *Левицкий И.Е.* Галицко-руская библиография XIX столетия с увзглянением русских изданий в Угорщине и Буковине. – Львов, 1888–1895. – Т. 1. – С. 15.

3. *Мончаловскій О.* Литературное и политическое украинофильство. – Львов, 1898. – С. 15.

4. *Stupnicki H.* Galicia pod względem geograficzno-hystorycznym. – Lwów, 1849. – C. 176.

5. *Пашаева Н.М.* Очерки истории русского движения в Галичине XIX – XX вв. – М., 2001. – С. 9.

6. *Головацкий Я.Ф.* Об отношениях галицких русинов к соседям. (Из Галичины) // Основа. – 1862. – № 5. – С. 64.

7. *Головацкий Я.Ф.* О первом литературно-умственном движении русинов в Галиции со времён Австрийского владения в этой земле. – Львов, 1865. – С. 39.

8. В тот период в Галиции ещё не употреблялся термин «украинский» язык, поэтому ее жители так себя не называли. Печатая свои произведения на русинском (руськом) языке (наречии), принятом в крае, они вошли в историю галицкой культуры. В те годы вместо термина «украинский», касательно «материковой» Украины, применялся термин «малорусский».

9. *Головацкий Я.Ф.* Воспоминание о Маркиане Шашкевиче и Иване Вагилевиче // Литературный сборник, издаваемый Галицко-русскою матицею. – Львов, 1885. – Вып. 1. – С. 11.

10. Русалка Днестровая. Ruthenische Volkslieder. – Буда, 1837. – С. 133.

11. См. *Мончаловский О.Г.* Указ. соч. – С. 13–14.

12. Караджич Вук Стефанович (1787–1864 гг.) – реформатор сербского литературного языка и правописания, отец новейшей сербской и хорватской литературы, автор принципа «пиши, как говоришь», а также шести томов «Српске народне пјесме». Открыл для мира народный сербский язык. См.: URL: http://dic.academic.ru/dic/nsf/brokgauz_efron/ 49210/Караджич (Дата обращения 12.01.2021)..

13. *Пашаева Н.П.* Указ. соч. – С. 25–26; *Плющ П.П*. Из истории украинского правописания // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Сер.: Вопросы филологии. – М., 1969. – С. 294.

14. *Максимович М.А.* Новые письма к М.П. Погодину. О старобытности малороссийского наречия. – М., 1863. – С. 70.

15. Погодин Михаил Петрович (1800–1875 гг.) – известный русский историк, журналист и писатель. Из крепостных. Окончил Московский государственный университет. Сторонник поддержки славянского национального движения в Австро-Венгрии и на Балканах. В первой своей зарубежной поездке в Праге, познакомился и впоследствии поддерживал отношения с известными славянистами: П.Й. Шафариком, В. Ганкой и Ф. Палацким. Дважды посещал Галицию в 1830-х гг., после одного из них послал институту Оссолинских и Онуфриевскому монастырю за свой счёт книг и журналов на сумму в 1 000 рублей. Информировал «будителей» о жизни в России. См.: URL: http://www.rulex.ru/01160778.htm (Дата обращени 12.12.2020).

16. *Мончаловский О.* Указ. соч. – С. 16.

17. Там же.

18. *Holowacky J.* Die Zustände der Russinen in Galizien-Ein Wort zur Zeit von einen Russinen. – Leipzig, 1848. – S. 22.

19. *Мончаловский О.* Указ. соч. – С. 12.

20. Там же. – С. 14.

21. См.: URL: http://slovari.yandex.ru/~книги/БСЭ/ Краковское восстание 1846. (Дата обращения 12.12.2020).

22. См.: Новая история. – С. 321.

23. Будущая польско-украинская война 1918–1919 гг. подтверждает этот аргумент.

А.И. Селицкий

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РОДА Я.А. МОРДМИЛЛОВИЧА

Аннотация. Статья посвящена вопросу о происхождении рода крупного общественно-политического деятеля Кубани Я.А. Мордмилловича. Представители рода в начале XIX в. оказались перед сложной задачей доказательства своего дворянского происхождения. Автор приходит к выводу, что им пришлось пойти по пути сочинительства, приписывая свой род к другому – Мормилло, более известному и нашедшему своё подтверждение на страницах авторитетного гербовника К. Несецкого.

Ключевые слова: Мордмиллович, генеалогия, доказательства дворянского происхождения, Витебское депутатское собрание.

A.I. Selitsky
(Krasnodar, Russian Federation)

THE PROBLEM OF ORIGIN OF KIND Y.A. MORDMYLOVICH

Abstract. The article is devoted to the issue of the origin of the genus of the large socio-political figure Kuban Y.A. Mordmylovich. Pre-orders of the genus at the beginning of the XIX century. It turned out to be a challenging task of the priority of their noble origin. The author comes to the conclusion that they had to go along the way of writing, attributing their own Rod to the other – Mormallo, a better and more well-known confirmation on the undertakes of the authoritative gerbachnik K. Nesecky.

Key words: Mordmylovich, genealogy, evidence of noble origin, Vitebsk deputy assembly.

Имя товарища председателя Екатеринодарского окружного суда Якова Александровича Мордмилловича (1839–1916) хорошо известно всем, кто интересуется прошлым Северо-Западного Кавказа. Я.А. Мордмиллович оказался в Кубанской области в 1873 г. и остался здесь до конца своих дней. Помимо успешной профессиональной карьеры, он прославился как крупный общественно-политический деятель. В

разные годы Я.А. Мордмиллович был членом постоянной ревизионной комиссии Екатеринодарского городского управления, членом финансовой комиссии при Екатеринодарской городской думе, депутатом совета Екатеринодарского общества взаимного кредита, членом правления Екатеринодарского мужского благотворительного общества, членом ревизионной комиссии Екатеринодарского благотворительного общества, действительным членом Кубанского экономического общества, действительным членом Общества любителей изучения Кубанской области, председателем попечительного совета Екатеринодарской Екатерининской городской женской гимназии, а также гласным Екатеринодарской городской думы. С 1905 г. он член Конституционно-демократической партии, товарищ председателя областного комитета партии.

Кроме того, Я.А. Мордмиллович долгое время был неофициальным лидером римско-католической и польской общин Екатеринодара. В 1904 г. он выступил одним из учредителей, членом правления и товарищем председателя Екатеринодарского римско-католического общества пособия бедным. Долгие годы был почётным блюстителем местной римско-католической приходской школы, организатором благотворительных «польских балов» в пользу этой школы [1].

В личном деле Я.А. Мордмилловича, хранящимся в фонде Екатеринодарского окружного суда Государственного архива Краснодарского края, указывается, что он происходит из дворян Витебской губернии, а с того времени, как он стал действительным статским советником (1896 г.), он становится потомственным дворянином [2].

Дворянское происхождение Я.А. Мордмилловича и этимология его фамилии представляет особый интерес. В фондах Российского государственного исторического архива сохранилось дело о сопричислении к дворянскому состоянию представителей рода Мордмилловичей. В документе сообщается, что в 1804 г., в ответ на представленные доказательства о благородном происхождении дворянина Суражского уезда Витебской губернии Андрея Фёдоровича Мордмиллиовича, Витебское Дворянское депутатское собрание признало их и внесло просителя и его род в 1-ю часть родословной книги Витебской губернии [3]. Доказательная часть дворянского

происхождения Мордмилловичей (Мордмиллиовичей) довольно оригинальна и нуждается в дополнительном анализе. Приведём её основные тезисы: «сия фамилия быв из предков удостоена привилегиею Дворянства и числясь между знатными обывателями княжества Семигальского употребляла герб через тех же предков под названием Пятыр или Пятырог и что Фамилия Мильлов в княжестве Семигальском, т.е. в Инфлянтах, от дальних времён размножилась по всём том Княжестве, что она разделилась на три уезда, т.е. Мордву, Чухну и Корелию, и во всех тех уездах довольно в большом количестве была распространена, а потому для различия, Мильловы приняли придомки (от польского *przydomek* «отличительное имя одной из ветвей рода». – А.С.) от названий уездов, таким образом фамилия Миллов живущая в уезде Мордва, с которой выводящиеся происходят прибавила к родительскому названию слог Морд и началась называться Мордвилами, но тогда как княжество Семигальское неприятельскими войсками занятое искало защиты у польского Короля Сигизмунда 1-го с высланными от себя уполномоченными, и когда Великий Магистр Кетлер с Командорами в Кракове Королю и Республике Польской дал присягу, тогда по присоединении Инфлянт к Польше как занятые от противного могущества города и подданные убытки не хотел по доброй воле возвратить, войною был принуждён. Почему негодовав сторона противная на Сигизмунда 1-го подговорила турков и татар к разрушению мира, которые напавши на Подолию большие делали опустошения, и Король имея немного войск противу многочисленного скопища турков дал повеление Великому Магистру как своему Даннику, чтобы он с войском своим поспешил на помощь, который с оным и не замедлил, в числе Командоров бывших с войском находился один фон Мильлов с уезда Мордва, который для разницы между прочими именовался Мордмилло, и тот хотя с малым числом воинов, когда началось с турками сражение, сделал большую услугу войску Польскому; ибо с помощью мужества его, разбили на голову турков, а сам Командор Мордмилло один напав на пять турецких воинов полонил оных и привёл к Королю, который в награду того мужества между прочим к первому ей фамилии гербу, которым печаталась, т.е. к золотому кресту в голубом поле, а сверху оного белой лилии переменив голубое поле на красное прибавил пятиугольные узлы и наименовав оный Петяж или Пятырог, и что сия фамилия

находилась в воеводстве Брасловском, что Марек и Мишко Мармилловы прежде от Короля Сигизмунда 1-го, а после от Сигизмунда Августа в 1542 году прежних своих прав получили утверждение, что и соглашается с выше прописанным. Даниил, Константин и Роман Мормилловы люди рыцарские под Хмельныкем сражаясь противу Татаров, ссыскали большую славу, Богдан Мормильло владелец на Кузминце оставил сына Михаила» [4].

Анализ данного текста позволяет сразу заметить противоречия, фактические ошибки и заимствования:

1) княжество Семигальское появилось как составная часть герцогства Курляндия и Семигалия в 1561 г., а до этого историческая область Семигалия (Земгале) входила в состав Ливонского ордена. Семигаля никогда не делалась на уезды Мордва, Чухна и Корелия. Данные названия явно отсылают к этнонимам трёх финно-угорских народов (мордва, финны, карелы) и, скорее всего, приписаны в документ для попытки объяснения этимологии фамилии Мордмилловичей;

2) последний магистр Ливонского ордена (ландмейстер Тевтонского ордена в Ливонии) в 1559–1561 гг. Готхард Кетлер не мог быть данником польского короля Сигизмунда I, правившего в 1506–1548 гг. Только в 1561 г. Г. Кетлер принял лютеранство и вступил в военно-политический союза с Польско-литовским государством, а в 1562 г. в Риге принес ленную присягу Сигизмунду II Августу;

3) начиная от упоминания о Мареке и Мишко Мормилловых и до Богдана Мормильло и его сына Михаила автор разбираемого текста практически слово в слово берёт информацию из знаменитого гербовника польского генеалога, геральдиста, иезуита Каспера Несецкого (1682–1744) «Korona Polska», впервые изданного в четырёх томах во Львове в 1728–1743 гг. Так, у К. Несецкого в статье «Мормило герба Пятыр» (*Mormiło herbu Piatyr*) говорится, что род этот известен в Брацлавском воеводстве. Марек и Мишко Мормило получили в 1542 г. от Сигизмунда I, а потом и от Сигизмунда II Августа подтверждение своих давних прав на имения Дизентковице и Федроновице. Представители этого рода Даниель, Константин и Роман славно сражались под Хмельником против татар. Богдан Мормило был владелцем на Кузьминце, оставил сына Михала и дочь Евдоксию, ставшую супругой Мачея Чечеля [5]. Характерно, что К. Несецкий не

датирует битву при Хмельнике. С одной стороны, сразу вспоминается знаменитая битва при Хмельнике 1241 г. против монголо-татар, окончившаяся поражением поляков и последующим разграблением Кракова степными завоевателями. С другой стороны, автор более позднего гербовника «Rodzina» граф Северин Уруский (1817–1890), уточняя данные К. Несецкого, более осторожно сообщает, что Даниель, Константин и Роман сражались против татар в 1602 г., но уже не упоминает Хмельник как место битвы [6].

4) оригинальной частью доказательства о дворянском происхождении Мордмилловичей является описание герба и его название. Обычно герб Пятирог (польские варианты написания: *Piatyr*, *Piatyróg, Piatyroch, Piętyróg*) имеет два варианта изображения на щите: А. В лазуревом (голубом) поле золотой пятиугольник (звезда), увенчанный половиной золотой (или серебряной) лилии; Б. в червлёном (красном) поле серебряный шестиугольник (звезда Давида), увенчанный серебряной лилией [7]. В то же время в документе Мордмилловичей мы видим попытку показать свой оригинальный переход от лазуревого (голубого) поля щита герба к черлёному (красному), а также от фигуры золотого креста, увенчанного серебряной лилией, к своеобразной фигуре пятиугольной звезды. Оригинальным является и встречающееся в документе название герба Петяж, что явно продолжает обыгрывать изображение на щите.

Всё это позволяет сделать предположение, что представители рода Мордмилловичей в начале XIX в. оказались перед сложной задачей доказательства своего дворянского происхождения. Им пришлось пойти по пути сочинительства, приписывая свой род к другому (Мормилло/Мормол/Мормидло), более известному и нашедшему своё подтверждение на страницах авторитетного печатного издания (гербовник К. Несецкого). Отсюда и попытка объяснить довольно странную метаморфозу фамилии от Милловы до Мордвилы или Мордмилло с добавлением якобы «придомка» Мордва.

Характерно, что в определении Витебского депутатского собрания от 1804 г. есть попытка другого рационального объяснения изменения фамилии. В документе написано, что «сия перемена в названии могла случиться ошибкою типографскою» [8].

Кроме того, проситель А.Ф. Мордмиллиович привёл данные о своих ближайших предках и засвидетельствования ряда дворян,

которые подтвердили благородное происхождение его рода и тот факт, что документы, говорящие об этом происхождении сгорели. Приведём некоторые моменты из архивного источника: «После такового объяснения касательно Герба и названия, относительно происхождения Проситель следующим образом изъяснил, что предок выводящихся Густав фон Мордмиллов обыватель Княжества Семигальского хотя из давней и знатной фамилии происходит, но обедневшей через разные приключения в имении на котором оставаясь имел сына Адольфа, сей пример до взрослых лет и хозяйнича в оставленном после отца его том малом имении оставил наследником по себе наследником сына Фёдора. Тот по прошествии в полные лета желая улучшить своё положение продал то маленькое отцовское имение и сам переселился в Белоруссию подле староства Усвятского с женою своею Магдаленою фон Дреумар, а там живя не малое время имел двух сыновей, Андрея и Генриха выводящихся ... а как сказанный Фёдор Адольфович проживал в земле к Литве принадлежащей, где прозвание найчаще кончается на вич то соглашаясь до сего обыкновения отбросил на начальный слог фон и прибавив на конец вич начал именоваться Мордмильловичем, между тем земля Белорусская с Княжеством Инфлянтским доставил в 1772 году под Скипетр Державы Российской и пресветлейшая Державнейшая Императрица Екатерина II. награждая заслуги своих генералов Крузову отдала в награду Староства Усвятского хутор, по названием Вышедки, который как с одной земли с Мордмильлиовичами, взял его к себе с выше сказанными сыновьями, и назначил управителем имения Вышедок, которую управляя жизнь свою окончил, а генерал Круз место отца ныне выводящихся препоручил старшему сыну т.е. Андрею Фёдоровичу и когда он управлял представленными ему имениями Генерал Круз помер, по его же смерти когда тоже имение между оставшимися дочерьми разделилось и часть оного называемого Вышедки досталась на сторону Генеральши Берхмановой, она видя хозяйственное управление Андрея Мордмильловича полезным удержала его на будущее время, препоручив ему полное распорядительство над всем имением на её часть пришедшую, а меньшему его брату Генриху препоручила управление провианским магазейнами в том же имении где и до сих пор оба они остаются. После того Андрей Фёдорович взяв в супружество девицу Екатерину де

Витте, имеет от неё сына Александра, о чём удостоверяет 1796 года Октября 22 метрика о его крещении, но как документы служащее в доказательство происхождения Дворянского, какие только находились, по случаю огня сгорели, и когда отдалённость лет от родных и обязанности службы препятствовали ему искать прав своих, просили почётных обывателей Чиновников и Дворянства Витебской Губернии достоверно знающих знатное их рождение и их поведение как и истинному прилично Дворянству, о выдаче согласно 92 пункта 12 параграф Высочайшей Дворянства Грамоты засвидетельствования, которые и получили 1802 года Декабря 5 данное, а 1803 года Марта 24 числа в Суде Земском Витебского Уезда чрез Капитана Франца Манковского с согласия подписавшихся усовершенное в словах: что выводящиеся происходят от древних Дворянских предков Мордмилловичов Герба Пятырь или Пятырог, и что давно в сию землю прибыли, как равно и документы их сгорели каковое засвидетельствование при собственных печатях подписали: Ксаверий Лускина бригадир войск литовских и кавалер, Казимир Беликович судья земский Лепельского уезда, Иосиф Лускина Шамбелан Двора Польского, Пётр Коссов Подсудок Земский Витебский … Подкоморий, Иосиф Шаверновский Подсудок Земский Витебский, Иван Периашко Селянка бывший Землемер Могилёвского Уезда, Маврици Антон Родкевич Коллежский Секретарь, Станислав Зарвецкий Писарь Земский Витебского Уезда, Франц Манковский Земский Цивун Витебского уезда, Каспер Зброжек Асессор Витебского Нижнего Земского Суда и Михаил Жегота Асессор Витебского Нижнего Земского Суда. Проситель представляя сие доказательства для удостоверения дворянского происхождения своей фамилии просил зачислить себя между обывателями и дворянством Витебской Губернии выдать Ему диплому на имя Его с Екстрактом декрета выводового и родословные линии пометить в следствие чего на основании выше прописанных доказательств оное Дворянское Д. Собрание заключило род Мордмилиовичев признать в Дворянском достоинстве и внести в 1-ю часть Дворянской родословной книги оной Губернии» [9].

Таким образом, Витебской депутатское собрание признало представленные доказательства о дворянском происхождении удовлетворительными. При этом, следует отметить, что отсутствие

документов, подтверждающих благородные корни просителя, не позволили записать его род в 6-ю часть родословной книги, то есть туда, куда вносились древние роды, которые могли доказать свою принадлежность к дворянскому сословию в течение ста лет до момента издания «Жалованной грамоты дворянству» Екатерины II (1785 г.). Мордмилловичи оказались в 1-й части родословной книги, как род, пожалованный дворянством российским монархом.

Примечания

1. Подробнее о жизни и деятельности Я.А. Мордмилловича см.: *Селицкий А.И.* Поляки на Кубани. – Краснодар, 2008. – С. 85–86, 98–100; *Он же.* Общественно-культурные организации поляков Кубанской области и Черноморской губернии на рубеже XIX–XX вв. // Поляки в России: эпохи и судьбы. – Краснодар, 2009. – С. 181, 211–213.

2. Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 482. – Оп. 2. – Д. 774. – Л. 3об., 11об., 21об., 102об., 149об., 209.

3. Российский Государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 1343. – Оп. 25. – Д. 5677. – Л. 3об., 4.

4. РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 25. – Д. 5677. – Л. 4об. – 7.

5. *Niesiecki K.* Korona Polska. – [Lwów], 1740. – T. III. – S. 299; *Он же*. Herbarz Polski. – Lipsk, 1841. – T. VI. – S. 463.

6. *Uruski S.* Rodzina. Herbarz szlachty polskiej. – Warszawa, 1914. – T. XI. – S. 267.

7. *Szymański J.* Herbarz rycerstwa polskiego z XVI wieku. – Warszawa, 2001. – S. 214, 235; *Gajl T.* Herbarz Polski od średniowecza do XX wieku. – Gdańsk, 2007. – S. 265.

8. РГИА. – Ф. 1343. – Оп. 25. – Д. 5677. – Л. 7.

9. Там же. – Л. 7–11об.

З.А. Барбарунова

(г. Прага, Чешская Республика)

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ПОМОЩЬ ТРУДЯЩИХСЯ СТРОИТЕЛЬСТВУ СОЦИАЛИЗМА В СССР. ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КООПЕРАТИВ «INTERHELPO» В СОВЕТСКОЙ КИРГИЗИИ В 1925–1943 гг.

Аннотация. Статья посвящена теме трудовой миграции в Советскую Россию, куда по призыву Ленина помочь индустриализации и строительству социализма, поехали, в частности, трудящиеся Чехословакии. На примере кооператива «Интерхелпо» автор пытается по-новому оценить деятельность чехословацких переселенцев по строительству и развитию промышленного кооператива в Кыргызстане, а также их вклад в модернизацию Центральной Азии в 1925–1943 гг.

Ключевые слова: трудовая миграция, СССР, Чехословакия, кооператив «Интерхелпо», модернизация, Кыргызстан.

Z.A. Barbarunova
(Prague, Czech Republic)

INTERNATIONAL WORKERS' ASSISTANCE TO THE SOCIALISM CONSTRUCTION IN THE USSR. CZECHOSLOVAK PRODUCTION COOPERATIVE «INTERHELPO» IN SOVIET IN KYRGYZSTAN 1925–1943

Abstract. The article is devoted to the labour immigration to Soviet Russia, where, at Lenin's call, the workers of Czechoslovakia, in particular, went to help to industrialize and build socialism. Using the example of the Interhelpo cooperative, the author tries to re-evaluate the activities of Czechoslovak immigrants in the construction and development of an industrial cooperative in Kyrgyzstan, as well as their contribution to the modernization of Central Asia in 1925–1943.

Key words: labour immigration, USSA, Czechoslovakia, the Interhelpo cooperative, modernization, Kyrgyzstan.

Реальные потребности российской экономики в иностранной рабочей силе, новые потоки трудовых ресурсов потребовали

разработки современных механизмов управления миграционных служб и совершенствования миграционной политики Российской Федерации. Обострился интерес ученых историков, экономистов и социологов к изучению этой проблематики.

В советское время историография данного вопроса была представлена работами публицистического политизированного характера и материалами из советской прессы. Крайне мало работ по истории промысловых и сельскохозяйственных кооперативов и коммун в СССР, основателями которых были иностранные рабочие и специалисты. Кооперативу «Интерхелпо» посвящены работы И.П. Мужикова, А.К. Каниметова, Р.П. Маречка и Д.М. Будянского, Н.А. Величко, А.К. Каниметова, вышедшие в Кыргызстане в 1957 и 1982 гг. соответственно [1].

В постсоветский период в независимой Киргизской Республике, начиная с 2012 г., появился ряд публикаций, где дается общественная оценка кооперативу «Интерхелпо» на основе воспоминаний участников кооператива или их потомков [2]. Авторы считают, что переселенцы, вдохновленные советской социалистической мечтой и ленинским призывом, стали пионерами и новаторами во многих областях модернизации экономики и развития культуры советского Туркестана. Однако первое комплексное исследование сформированной в СССР системы привлечения и использования иностранных трудовых ресурсов содержится в кандидатской диссертации В.В. Павловой «Международная трудовая иммиграция в СССР в 1920–1930-е гг.» [3]. Автор утверждает, что созданная в 1920–1930-е система государственного регулирования трудовой иммиграции позволила привлечь в СССР квалифицированную рабочую силу из Западной Европы и США, создать многочисленные общества рабочей и технической помощи СССР. Это способствовало решению задач ускоренной модернизации экономики. Эффективность использования иностранной рабочей силы на промышленных и сельскохозяйственных объектах зависела прежде всего от грамотного управления кадрами внутри самих иностранных трудовых коллективов, как например: в кооперативе «Интерхелпо». Автор доказала, что движение к модернизации и экономическому росту в СССР было бы менее эффективным без использования иностранных трудовых ресурсов.

Чешскую и словацкую историографию по интересующей нас проблематике можно разделить на два периода: «до» и «после бархатной революции» в Чехословацкой республике (ЧСР) в 1989 г. В целом к этой теме обращались очень мало. До 1989 г. кооперативу «Интерхелпо» посвящены ряд работ словацкого историка-коммуниста Павла Поллака. В частности, интересна его монография, выпущенная в 1961 г. В ней было собрано много фактических данных о составе четырех транспортов с переселенцами из ЧСР, о размерах общественных членских взносов для переезда, приведены статистические данные по экономическому и культурному развитию колонистов «Интерхелпо». Им же отмечена руководящая роль чехословацких коммунистов в организации кооператива и дальнейшей его общественно-политической жизни [4]. К этому периоду относятся также редкие публикации, содержащие воспоминания членов «Интерхелпо», в частности Александра Дубчека, или знаменитостей, посещавших известный кооператив, например, Юлиуса Фучика [5].

Ученым разных специальностей из независимых Чехии и Словакии еще предстоит заново проанализировать вопросы кооперативного движения в ЧСР в 1920–1930-е гг. Первым шагом к этому стала публикация в 2020 г. книги чешского журналиста Яромира Марека «Интерхелпо». Трагическая история чехословацких колонистов в Советском Союзе» [6]. За двенадцать лет работы автором был собран большой фактический материал с использованием архивных документов Министерства Иностранных дел ЧСР, личных архивов членов кооператива и записанных воспоминаний их потомков, проживающих в Чехии, Словакии и Кыргызстане. В книге автор делает следующий вывод: «Интерхелпо» был продуктом ленинской новой экономической политики (НЭП), который должен был умереть вместе с концом этого курса. Простые жители из ЧСР в поисках лучшей жизни, поддавшись на обман своих агитаторов о светлом будущем мире в СССР, уехали и построили в пустынной степи экономически успешные промышленные предприятия, преобразив пустыню в сад. И проект, и жизнь переселенцев кончились крахом.

Несмотря на обширный фактический материал, представленный в книге автором, нерешенными осталось много вопросов. Каковы причины, побудившие людей с семьями, продав свое имущество, объединившись в коллективы, уехать в СССР? Каков социальный

состав переселенцев в 1920–1930-е гг., как он менялся? Каковы принципы организации этих коллективов, насколько они традиционны для чехословацкого общества того времени? Схожесть и различия в организационных принципах и развитии всех чехословацких обществ на территории СССР? Считать ли неудачей проект «Интерхельпо» несмотря на трагический конец кооператива?

В работе над статьей были использованы документы Государственного Архива Чешской Республики (Národní Archiv České republiky (NA ČR), которые хранятся в Фонде Министерства Иностранных дел ЧСР (МИД ЧСР - F. MZV). Были проанализированы анкетные листы и заявки на переезд до СССР, поданные в МИД ЧСР, донесения сотрудников полиции о деятельности коммунистов-членов «Интерхелпо», документы самого общества и газетные публикации 1926–1928 гг. [7].

Окончание Первой мировой войны и распад мировых империй привели к появлению новых политических систем: американского либерализма и советского коммунистического эксперимента. Под патронажем США на бывших имперских территориях были образованы новые национальные независимые государства, в том числе ЧСР. Тяжелый послевоенный кризис, который испытывали европейские страны, менее всего сказался на ЧСР. На ее территории не велось пятилетних разрушительных боев, а в наследство от Австро-Венгерской империи остался ее центральный промышленный регион. Начало становления нового государства, языка и связанный с этим подъем национального самосознания граждан ЧСР стали благодатной почвой для завоевания популярности идеи равенства людей в «первом государстве рабочих и крестьян». Однако для внедрения этой идеологии и запуска процесса по привлечению квалифицированной рабочей силы из-за рубежа для модернизации экономики СССР в 1920–1930-е гг. была выстроена система государственных мер. В работе участвовали: Высший совет народного хозяйства, комиссариаты иностранных и внутренних дел, Комиссия Совета Труда и Обороны по трудовой сельскохозяйственной и промышленной иммиграции и эмиграции (КОМСТО – 1922–1927 гг.), Совет Труда и Обороны (СТО – 1923–1937 гг.). За рубежом работу по пропаганде и привлечению трудящихся продолжали торговые представительства СССР, общества технической помощи СССР, деятели Коминтерна и

члены коммунистических партий в Европе и Северной Америке [8]. По условиям приглашения кооператоры должны были осуществить переезд за свой счет, автономно организовать производство, самостоятельно финансировать и снабжать его сырьем, техникой и прочим необходимым. Непременным условием допуска иммигрантов в сельское хозяйство устанавливался ввоз ими с собой капитала (основного и оборотного) в размерах, обеспечивающих организацию и ведение хозяйства. Размер капитала определялся договором с СТО [9]. В свою очередь советское государство предоставляло обширные участки земли в малолюдных местах, например, на Урале, в Поволжье и Кыргызстане, а также освобождало от налогов первые три года. Новая экономическая политика, принятая в 1921 г., допускала существование промышленных промысловых товариществ с демократическими принципами устройства и функционирования и со 100% иностранным капиталом.

Процесс был запущен. Агитаторы начали работу на местах. Владельцы малоземельных небогатых хозяйств из юго- восточных областей ЧСР в призывах помочь строить светлое будущее увидели также рациональную возможность получить значительно большие наделы земли при налоговых льготах. Для этого следовало организоваться в коллективные товарищества, задачей которых стало получение новых общественных земельных наделов на территории СССР. Из ЧСР было подано, примерно, равное количество заявок на работу в промышленности и сельском хозяйстве. Заявления были индивидуальные и коллективные. Большинство (98.8%) коллективных заявок было подано от земледельцев, только 0.2% от промышленных коллективов, что объясняется трудностью объединить квалифицированную производственную силу со своими производственными мощностями и финансированием. Процентное отношение поступивших в 1922–1925 гг. коллективных заявок для работы в промышленности СССР распределяется так: ЧСР – 4.07%, Германия – 8.99%, США – 66.43% [10]. Всего же состав ходатайств о въезде в СССР распределялся следующим образом: ЧСР – 16.1%, США – 18.7%, Германия – 21.5%, Турция – 9.1%, Австрия – 4.2%, Канада – 4.2%, а также Литва, Польша и Бельгия [11].

Нельзя сказать, что чехословацкие пропагандисты иммиграции умышленно лгали согражданам, скорее они преподносили не

действительную информацию, а свое представление о жизни в СССР. Организаторы кооператива «Интерхелпо» – коммунисты И. Самюэль и Р. Маречек также пропагандировали изучение языка IDO (разновидность эсперанто) как средство общения между народами в светлом будущем. Кружок по изучению языка и составил идейное ядро кооператива. Скрываясь от призыва в австро-венгерскую армию, Р. Маречек побывал в Центральной Азии и описывал ее райским краем с цветущими гранатовыми деревьями. Кооператив «Интерхелпо» («Взаимопомощь») зарегистрирован 9 ноября 1924 г. в городе Жилине (Словакия). Первый транспорт с колонистами, 117 членов и 186 членов их семей, отъехал из ЧСР 29 апреля 1925 г. За это время был заключен договор с СТО СССР и собраны деньги для финансирования проекта. Казна кооператива была сложена из членских взносов (за взрослого – 5000, за семью – 10000 чешских крон), а также из добровольных инвестиций, которые должны были вернуться с процентами. Кстати: месячная зарплата Р. Маречка в кооперативе до отъезда первого транспорта в Бишкек (куда он сам не поехал) была 1600 чешских крон [12]. Руководство кооператива «Интерхелпо» ходатайствовало о содействии в организации переезда у правительства ЧСР. У Министерства железной дороги просили дешевых проездных билетов, в министерствах промышленности и сельского хозяйства предоставления на льготных условиях станков и инструментов, семян и лошадей.

В Кыргызстан, г. Бишкек, в 1925–1928 гг. уехало 4 транспорта членов кооператива «Интерхелпо» и их семей (1078 человек). Иммигранты, уехавшие в 1920-х гг., по социальному составу и причинам, побудившим к отъезду, отличаются от тех, кто уехал в 1930-е гг. [13]. Первыми членами «Интерхелпо» стали в основном семейные люди (83%), одиноких молодых мужчин и женщин было мало (16%). Причем семей с детьми (56%) и молодоженов без детей (44%) было, примерно, поровну. В последнем транспорте (1928 г.) растет число одиноких мужчин (70%) по сравнению с семейными колонистами (30%). Следует заметить, что 25% мужчин, пожелавших переехать в СССР, были либо реэмигрантами – бывшими чешскими колонистами из Малороссии и Кубани, либо бывшими военно-пленными из австро-венгерской армии, побывавшими в плену в России [14]. Эта тенденция сохраняется и позднее, в 1930-е гг. Ее можно проследить при анализе

отъезжающих на другие чехословацкие предприятия в СССР. Начавшийся мировой экономический кризис заставил искать работу на чужбине одиноких молодых квалифицированных специалистов, прежде всего выпускников государственных профессиональных школ [15]. Колонисты всех чехословацких трудовых товариществ по приезде в СССР испытывали огромные трудности. Они были связаны с недостаточной или ложной информацией о реалиях жизни в СССР, непроверенными данными о затратах на организацию хозяйства на местах и как следствие - катастрофической нехваткой финансов, в частности: оборотного капитала. Чехословацкие газеты позже писали, что коммунары ходят в дырявых портках [16]. Труднее всего досталось членам «Интерхелпо»: из вагонов первых переселенцев высадили в мае 1925 г. в пустынной степи с юртами кочевников, где им предоставили один развалившийся барак без воды, электричества и медицинской помощи. До конца лета умрут все дети младше трех лет (25 детей) [17]. Отдельные переселенцы сразу вернулись в ЧСР. Потеряв все, включая членские взносы и свои инвестиции, они стали первыми, кто дал правдивую информацию о положении дел с переездом. «Был обман и разочарование… Ехали с великой надеждой, но каждый возвращается с плачем» [18].

Однако большинству переселенцев хватило сил и выдержки с помощью вновь прибывших транспортов с переселенцами построить такое хозяйство, которое в 1930 г. было названо «Лучшим кооперативным хозяйством в СССР» [19]. За пять лет были построены электростанция, бетонные колодцы с водой, текстильная, кожевенная, суконная и мебельная фабрики, механический цех с литейным производством, обозно-бондарное производство. Проведена ветка железной дороги, открыты школа, больница, клуб, разбит парк, названный в честь Юлиуса Фучика, и многое другое [20]. В начале голодных 1930-х гг. в кооперативе открыли дешевую столовую, продукты в которую поставлялись из своих хозяйств. Было построено 4 700 кв. м. кирпичного жилья, где площадь каждой квартиры была около 26 кв.м. В 1935 г. в коммуне жило уже 1914 человек четырнадцати народностей. Активная русификация стала естественным процессом. Многонациональный коллектив постепенно заговорил по-русски [21].

Изменение стратегии развития хозяйства в СССР, сворачивание НЭПа к началу 1930-х гг. напрямую ударили по кооперативу: в 1932 г. его раздробили на 7 самостоятельных хозяйств, были ущемлены права самоуправления, введена обязательная паспортизация. Получение советского гражданства означало отказ от гражданства ЧСР. В 1937–1938 гг. из кооператива последовала волна отъездов целых семей на родину. С трудом преодолевая препоны советского бюрократического аппарата, возвращались голодными, оборванными, грязными, нищими и бездомными [22]. Партийные чистки второй половины 1930-х гг. коснулись и всего руководства, и активистов «Интерхелпо». Последовали аресты, расстрелы или длительные сроки в ГУЛАГе. С 1939 г. по 1943 г. все вышеперечисленные промышленные объекты, принадлежавшие кооперативу, были переданы в ведение государства. Перед началом Второй мировой войны в кооперативе осталось 40 чехов, 34 словака, 20 венгров и лиц других европейских народностей (106 человек). Война осложнила и без того тяжелую жизнь оставшихся первых переселенцев. Расстрелян по обвинению в шпионаже 21 человек, сослано в трудовые принудительные лагеря 17 человек. Около 50 человек из «Интерхелпо» вступили в чехословацкую армию Людвига Свободы, прошли всю войну до конца, от г. Бузулука до ЧСР, где и остались. Потом долго, после смерти Сталина, с трудом вызволяли членов своих семей из СССР [23].

Чехословацкие трудовые товарищества в Советском Союзе просуществовали с 1925 г. до 1929 г.: «Кладенская коммуна» на Кубани и земледельческий кооператив «Рефлектор» в Саратовской области; с 1925 г. по 1936 г.: «Словацкая коммуна (Зноимская)» в Сталинградской (ныне Волгоградской) области. Дольше всех продержался промышленно-промысловый кооператив «Интерхелпо» – с 1925 г. по 1943 г.

Переселение в СССР с целью получить большие наделы дешевой земли при налоговых льготах, расширить возможности предпринимательской деятельности было хорошей идеей. Неподготовленность к реалиям советской жизни, ошибки в расчетах финансирования, авантюризм первых руководителей был преломлен терпеливым усердием рядовых колонистов, достигших хороших экономических результатов и достойного образа жизни. Однако, основа самого проекта рабочей коммуны, с демократическими

принципами ее руководства, организации и управления хозяйством, характера ее собственности не совместима со стратегией сталинской советской бюрократической машины.

В заключение хотелось бы привести слова консула ЧСР в Москве д-ра Рудольфа Врабца (Rudolf Vrabec): «Наши рабочие были стахановцами до Стаханова… были ими без всякой обманной шумихи» [24].

Примечания

1. *Мужиков И.П., Каниметов А.К., Маречек Р.П.* История чехословацкого кооператива «Интергельпо». – Фрунзе: Кыргызгосиздат,1957; *Будянский Д.М., Величко Н.А., Каниметов А.К.* У истоков дружбы: история промыслового кооператива «Интергельпо»: Сборник документов и материалов. Фрунзе: Кыргызстан, 1982. – 216 с.

2. *Кокайсл П., Усманов А.* История Кыргызстана глазами очевидцев (начало XX века). – Прага: Ностальжи, 2012. – 208 с.; *Муратова А.* Интергельпо: высокая миссия [Электронный ресурс]: Режим доступа: https://24.kg/archive/ru/ludi_i_sudbi/177056-.html/ (дата обращения 22.08.21); *Андрианова Н.* Интергельпо – ностальгический оптимизм, 2015. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://insight-community.ru (Дата обращения 23.08.21).

3. *Павлова В.В.* Международная трудовая иммиграция в СССР в 1920–1930-е гг. (на материалах РСФСР и Украинской ССР): дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. – М: ФГАОУВО Российский университет дружбы народов, 2016. – 241 с.

4. *Pollák P.* Internacionalná pomoc československého proletariátu národom SSSR. –Bratislava.1961. – S. 315.

5. *Holá V., Vicherek E.* Interhelpo (Vzpomínky na činnost průmyslového družstva československých dělníků v sovětské Kirgizii). – Praha: Lidové nakladatelství, 1967; *Huňa F.* Interhelpo – osada ve stepi. – Gotwaldov: Oblastní muzeum jihovýchodní Moravy, 1967. – S. 125; *Dubček A.* Naděje umirá poslední. – Praha: Svoboda, 1993. – S. 293.

6. *Marek J.* Interhelpo. Tragický příběch československých osadníků v Sovětském svazu. – Brno: Host, 2020. – S. 327.

7. NA ČR. F. MZV. Karton 422, 441,446-448, 525,526.

8. *Павлова В.В*. Указ. соч. – С. 44-71.

9. Постановление Совета Труда и Обороны от 2 февраля1923 года. [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1510. (дата обращения 25.08.21)

10. Там же. – С. 61–66.

11. Там же. – С. 60.

12. *Marek J.* Interhelpo. – С. 34, 47, 80–82, 288-294; *Кокайсл П., Усманов А.* Указ. соч. – С.165,166.

13. *Павлова В.В.* Указ. соч. – С. 161-163.
14. NA ČR. F. MZV. – Karton 422, 441, 446, 525, 526.
15. NA ČR. F. MZV. – Karton 448.
16. *Marek J.* Interhelpo. – C. 57-70.
17. Там же. – С. 309.
18. NA ČR. F. MZV. Karton 422, 447, 448.
19. *Marek J.* Interhelpo. – C. 310
20. *Holá V., Vicherek E.* Interhelpo. – C. 161.
21. *Marek J.* Interhelpo. – C. 202.
22. NA ČR. F. MZV. – Karton 447.
23. *Marek J.* Interhelpo. – C. 226, 227, 257, 288, 310.
24. NA ČR. F. MZV. – Karton

П.С. Крючек, Е.М. Сергеева
(г. Минск, Республика Беларусь)

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ ИЗ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА РУБЕЖЕ СТОЛЕТИЙ

Статья подготовлена в рамках совместного российско-белорусского проекта «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом», реализуемого при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (БРФФИ) № Г20Р-227.

Аннотация. Изначальным условием человеческой жизни является выбор места проживания, определяемый совокупным взаимодействием объективных и субъективных факторов. Если условия не отвечают требованиям приемлемого, качественного и безопасного проживания, люди стремятся переменить место жительства. Это особенно проявляется в переломные периоды истории.

В статье показано как развертывались миграционные процессы из Беларуси на рубеже XX–XXI столетий

Ключевые слова: Беларусь, Россия, миграции, переселение, адаптация.

P.S. Kruchek, E.M. Sergeeva
(Minsk, Republic of Belarus)

MIGRATION PROCESSES FROM THE REPUBLIC OF BELARUS AT THE BORDER OF THE CENTURY

The article was prepared in the framework of the joint Russian-Belarusian project «The Historical Culture of Belarusians and Russians: the formation of ideas about the national and general past», implemented with the financial support of the Belarusian Republican Fundamental Research Foundation (BRFFI) No. G20P-227.

Abstract. The initial condition of human life is the choice of place of residence, determined by the cumulative interaction of objective and subjective factors. If the conditions do not meet the requirements for an acceptable, high-quality and safe living, people tend to change their place of residence. This is especially evident during critical periods of history.

The article shows how the migration processes from Belarus unfolded at the turn of the 20th century.

Key words: Belarus, Russia, migration, resettlement, adaptation.

Миграционные процессы, особенно в начале 1990-х годов на постсоветском пространстве, были во многом порождены межнациональными конфликтами, обернувшимися массовыми трагедиями для многих народов бывшего СССР. Этнические, конфессиональные, военные, политические и иного характера противостояния в новых независимых государствах постсоветского пространства, экономический спад привели к исходу из бывших советских республик граждан не титульной национальности. Этнические белорусы, которых в этих странах по материалам последней переписи советского периода насчитывалось 2,1 млн. человек, начали интенсивно переселяться в Беларусь, а также в Россию и другие более спокойные места. Миграционная статистика всех стран постсоветского пространства фиксировала преобладание в них оттока населения в Беларусь и Россию над притоком.

Проблема миграции сегодня занимает особое место в социальной и демографической политике Беларуси. Специфика миграции обусловлена ее тесной связью со всеми сферами общественной жизни: внутренними и международными отношениями, социально-экономическими и политическими, личностными и общественными процессами, этническими и конфессиональными, расселенческими и

экологическими факторами, уровнем жизни и ситуацией на рынках труда и др.

Считается, что в Республике Беларусь в целом миграционная и демографическая ситуация более или менее стабилизировалась, и что Беларуси характерно положительное сальдо миграции.

Тем не менее, демографическая ситуация в Республике Беларусь уже более двух десятилетий характеризуется устойчивой тенденцией уменьшения численности населения. И хотя в 2000-е годы в результате активной социальной политики в репродуктивной сфере в Беларуси наблюдалась тенденция повышение уровня рождаемости, уменьшение численности населения страны продолжалось. Это связано, в том числе и с повышением степени влияния на демографическую ситуацию миграционных процессов.

В начале 1990-х годов в Беларуси была впервые зафиксирована естественная убыль и началось снижение численности населения. На первом этапе положительное сальдо миграции (120,1 тыс. человек за 90-е годы) частично возмещало потери населения. Лидирующее положение в миграционном обмене населением с Республикой Беларусь занимала Россия. Это наш ближайший сосед, с которым у Беларуси много общих исторических корней, а также более тесные связи, чем с другими странами постсоветского пространства.

За период с начала 1990-х гг. в числе прибывшего в Беларусь населения из бывших советских республик доля России составила 57,8%. Основной приток мигрантов из России и из новых независимых государств бывшего СССР в Беларусь пришелся на 1991–1993 гг. соответственно – 59,0% и – 58,8%. Во многих постсоветских странах в этот период наблюдался наибольший разгул националистических страстей, население к новой ситуации еще не адаптировалось, что привело к вынужденному переселению лиц некоренной национальности, главным образом русскоязычного населения [1]. В последующем уровень миграционного притока в Беларусь из России и бывших советских республик заметно снизился – до 17–19% к уровню 1991–1994 гг. В тоже время увеличилась численность трудовых мигрантов из Беларуси главным образом на территорию России, что также сказалось на демографической ситуации в республике.

Как было отмечено выше, для демографической ситуации в Республике Беларусь сегодня характерна устойчивая тенденция

сокращения численности населения. Если в 1994 в Республике Беларусь постоянно проживало 10367,5 тыс. человек, то в 2019 эта цифра уже составляла 9413,4 тысяч. Интересной является тенденция изменения роли составляющих демографических показателей в этом уменьшении численности населения страны.

Так, за период 1989–1998 гг. структура людских потерь Республики Беларусь за счет естественного и механического движения населения составляла соответственно 76,3 и 23,7%, а за период 1999–2008 гг. эта пропорция составила 58,1 и 41,9%. Это означает, что за последнее десятилетие сокращение численности населения Республики Беларусь по сравнению с предшествующим десятилетием за счет естественной убыли выросло в 3,8 раза, а за счет миграционных потерь рост составил 8,8 раза. Это свидетельствует, что существенным фактором современного демографического развития Беларуси стал рост влияния миграции на депопуляционные процессы [2].

Наибольшие масштабы белоруской миграции, естественно, приходится на российский вектор. Однако отметим, что, как в отношении характеристики белорусской миграции (имеет она положительное или отрицательное сальдо в целом), так и в отношении характера белорусско-российской миграции имеются разночтения. Согласно данных текущего статистического учета Белстатом (Национальным статистическим комитетом Республики Беларусь), величина международной миграции Республики Беларусь за годы XXI столетия постоянно характеризуется положительным сальдо.

К примеру, по этим данным, за 2010–2015 гг. положительное сальдо миграции Республики Беларусь составило: 2010 г. – 10303 чел., 2011 г. – 9900 чел., 2012 г. – 9328 чел., 2013 г. – 11643 чел., 2014 г. – 15722 чел. и в 2015 г. – 18494 чел. Также согласно этим данным положительное сальдо миграции Республики Беларусь со странами бывшего Советского Союза составило соответственно: 2010г. – 10561 чел., 2011 г. – 10048 чел., 2012 г. – 7590 чел., 2013 г. – 10293 чел., 2014 г.– 13943 чел. и в 2015 г. – 15826 чел.

Из них, по данным национального текущего статистического учета Белстата, на долю Российской Федерации приходится почти половина положительного сальдо миграции Республики Беларусь, составившее 24755 чел., в т. ч. в 2010 г. – 5031 чел., 2011 г. – 4713 чел., 2012 г. – 3067 чел., 2013 г. – 4772 чел., 2014 г. – 4662 чел. и в 2015 г. –

2700 чел. [3]. Но анализ данных российской статистики о величине безвозвратной белорусско-российской миграции показывает совсем иную тенденцию, значительно отличающуюся от данных Белстата. Российские данные за период 2010–2015 гг. выявляют, что Россия в миграционном обмене с Беларусью имеет положительное сальдо в 35152 чел. Белорусские данные за этот период показывают, что, наоборот, Россия имеет отрицательное сальдо на 24745 чел.

Если ориентироваться на данные органов внутренних дел Беларуси и России, фиксирующих реальное прибытие мигрантов показатели о численности безвозвратной белорусско-российской миграции за 2010–2015 гг. будут следующими: прибыло на постоянное место жительства в Беларусь из России – 53612 чел. (данные Белстата), а в Россию на постоянное место жительства из Беларуси прибыло 83007 чел. (данные Росстата). Это значит, что Россия имеет в миграционном обмене положительное сальдо почти в 30 тыс. чел., а Беларусь на эту величину – отрицательное сальдо [4].

Важным аспектом проблемы анализа масштабов, структуры и сфер приложения труда различных видов белорусско-российской миграции населения является демографическая структура мигрантов. По данным текущего статистического учета Белстата, в Беларусь из России на постоянное место жительства переезжают этнические (или родившиеся ранее на территории Беларуси) белорусы старших (пенсионных) возрастов, а в Россию из Беларуси переезжает трудоспособное население в активном репродуктивном возрасте. Это негативно сказывается на демографических процессах в Беларуси: резко растет удельный вес нетрудоспособного населения и сокращается репродуктивная база демографического потенциала Беларуси.

К основным факторам, привлекающим трудящихся – мигрантов из Беларуси в Россию, можно отнести: устойчивый спрос на работников, ввиду демографического кризиса, происходящего в России; более высокий уровень заработной платы; отсутствие визового режима; низкие транспортные издержки; общность культуры и языка.

Кроме того, высокую интенсивность миграционных потоков между Республикой Беларусь и Российской Федерацией определяет договор о равных правах граждан обеих стран от 25 декабря 1998 г. Имеется также соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской

Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств – участников Союзного государства России и Беларуси. Кроме того, в мае 2014 г. между Российской Федерацией, Республикой Беларусь и Республикой Казахстан подписан договор о создании Евразийского экономического союза. Согласно этому договору три государства принимают обязательства гарантировать свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, осуществлять согласованную политику в ключевых отраслях экономики: энергетике, промышленности, сельском хозяйстве, транспорте.

Вместе с тем сложившаяся ситуация с белорусскими трудовыми мигрантами в России, несмотря на внешнее благополучие, имеет и негативные стороны. Во-первых, белорусские трудовые мигранты используются не на самых высококвалифицированных работах. Во-вторых, может быть такое привилегированное положение белорусских трудовых мигрантов на российском рынке труда является своеобразным мостом для проводимой с начала 2007 г. в России либеральной политики по отношению трудовых мигрантов, чтобы в перспективе дать этим трудовым мигрантам законные основания на получение российского гражданства и тем самым обеспечить за счет их прирост населения (им облегчается доступ к рынкам труда и пребывания на российской территории).

Россия в последнее время с целью решения демографической проблемы взяла курс на привлечение в страну этнически близкого населения. При этом белорусы являются для нее наиболее приемлемым миграционным материалом. При этом, как было отмечено выше, уезжают из Беларуси, как правило, наиболее работоспособные и перспективные в репродуктивном плане люди. Так, по оценке специалистов, численность граждан Беларуси, поставленных на учет в России за 2009–2015 гг., составила 1342,5 тыс. человек, или 14 % от численности населения республики [5]. Такая ситуация создает реальную опасность как для внутреннего рынка Беларуси, так и для перспектив ее демографического развития.

В росте белорусских мигрантов на рынке труда России каждая из сторон решала свои стратегические задачи. В демографическом плане: Россия стремится заполучить наиболее квалифицированный родственный социокультурный трудовой потенциал. Беларусь в свою

очередь стремилась снизить социальную напряженность, связанную с возможной безработицей и использовала возможность трудоустроить почти миллионную армию трудового потенциала.

Но существует и другая сторона проблемы с белорусскими трудовыми мигрантами на рынке труда России, которая для экономики Беларуси является важной – как источник привлечения в экономику страны валюты. И здесь забота о сохранении демографического потенциала Беларуси вступает в противоречие с финансовыми интересами. К сожалению, сиюминутные финансовые интересы перевешивают стратегические демографические интересы, ибо значительная часть валюты в Беларусь поступает от трудовых мигрантов. В результате по аналитическим расчетам в различные периоды количество трудовых мигрантов из Беларуси в России колебались от миллиона (2007–2008 гг.) до 600 тыс. чел. в 2013–2015 гг. Это с одной стороны позволяет белорусскому населению решать сложные проблемы на рынке труда, возникшие в самой Беларуси, а с другой стороны часто трудовая миграция превращается в безвозвратную миграцию.

Вторым направлением белорусских миграционных потоков является южное, и прежде всего, украинское. В отличие от восточного и западного направлений, миграционные белорусско-украинские потоки до 2014 г. характеризовались двусторонним движением человеческих ресурсов с небольшим преимуществом для Беларуси. Украина являлась одновременно и страной-реципиентом, привлекавшей мигрантов из Беларуси, и страной-донором, отдававшей человеческие ресурсы Беларуси.

С 2014 г. произошли кардинальные изменения. Так количество мигрантов, покинувших Украину в 2014 г. составило 6 311 чел., что на 3 671 чел. больше показателя 2010 г. В 2015 г. численность украинских мигрантов увеличилась еще на 4 260 чел. и составила 10 571 чел. Количество мигрантов, выехавших в Украину из Беларуси в 2015 г. составило 893 чел. (в 2014 г. – 429 чел.) [6].

В миграционном обмене населением с остальными странами мира (кроме стран СНГ и Балтии) у Беларуси наблюдается совсем другая картина.

С первых лет обретения независимости из Беларуси в страны дальнего зарубежья выезжает больше мигрантов, чем въезжает.

Причины, по которым население предпочитает покинуть республику, изменились за это время. Первоначально основным фактором, влияющим на миграцию, была либерализация политической жизни, т.е. облегчение процесса получения разрешения на выезд. В это время за пределы Беларуси хлынул поток мигрантов, которые уже раньше планировали покинуть страну, но не имели возможности. Помимо этого, на решение эмигрировать оказала влияние и экологическая обстановка, которая резко ухудшилась после взрыва на Чернобыльской АЭС. Именно в начале 90-х годов наблюдался самый значительный поток эмигрантов. Максимальный объем эмиграции был отмечен в 1990 г., когда сальдо миграции составило минус 34,1 тыс. человек.

В дальнейшем отрицательное сальдо миграции постоянно сокращалось, причем именно за счет сокращения численности эмигрантов. Изменились и причины выезда из страны. Если раньше это были этнополитические и экологические проблемы, то уже к середине 90-х годов им на смену пришли экономические и социальные трудности. На снижение численности эмигрантов оказала влияние, с одной стороны, эмиграционная политика Беларуси – упрощение процедуры выезда из страны на короткий срок для посещения родственников или с иными целями, а с другой стороны – иммиграционная политика принимающих стран, в которых ужесточились требования приема иммигрантов.

Основными странами эмиграции для Беларуси являются Израиль, США, Германия. Именно в эти страны выехало больше всего наших соотечественников, причем доля этих стран в чистой миграции за изучаемый период значительно изменилась. В начале 90-х годов несомненным лидером по количеству эмигрантов выступал Израиль: в 1990 г. на его долю пришлось 97% выданных органами МВД разрешений на выезд, в 1992 г. – 32,5%, а уже в нашем столетии лишь 14-18% эмигрантов направляются в Израиль. Пик эмиграции в США пришелся на 1992 г. и составил 57% от всех получивших разрешение на выезд, постепенно доля эмигрантов сокращалась и в нашем веке установилась на том же уровне, что и с Израилем. Доля Германии в эмиграции из Беларуси, наоборот, постоянно растет: в 1990 г. лишь 0,3% получивших разрешение на выезд направлялись в Германию, а в

XXI веке доля Германии в общем объеме эмиграции колеблется в пределах 22–25%.

Помимо вышеназванных основных стран эмиграции у Республики Беларусь отрицательный миграционный прирост с Австралией, Канадой и странами Западной Европы, т.е. со странами, развитыми в экономических и других отношениях. В то же время со странами Азии (Китай, Вьетнам, Турция, Индия и др.) Беларусь в последние годы имеет положительный миграционный прирост, причем тенденция эта лишь усиливается. В первую очередь это обусловлено укреплением дружеских договоренностей, заключением двусторонних соглашений между Беларусью и некоторыми странами Азии. Поэтому миграционный прирост с этими странами растет именно за счет роста числа иммигрантов, численность которых с 2008 г. даже перекрывает численность эмигрантов в страны Запада.

Таким образом, в 2008 г. впервые за годы независимости чистая миграция со станами «дальнего» зарубежья оказалась положительной и составила 196 чел., а в 2009 г. она достигла 1980 чел., но столь значительный прирост произошел из-за изменений в подсчете статистических данных (страны Балтии, которые всегда приводились в таблицах вместе со странами СНГ, отнесли к странам дальнего зарубежья, а также из состава СНГ исключили Грузию).

Социально-экономические факторы международной миграции – разнообразны: имеются как «позитивные», так и «негативные» мотивы миграции. Представителям среднего или более высокого социального слоя, которые материально более обеспечены, имеют средства к существованию на родине, свойственны «позитивные» мотивы. Их желание трудоустроиться за границей носит деловой характер (стажировка, повышение образования) или личный (личная жизнь). «Негативные» мотивы свойственны представителям малообеспеченных слоев (низкий жизненный уровень, проблемы социального развития личности). В этом случае работа в других странах – едва ли не единственный выход из кризисного положения человека (семьи). Но такая ситуация приводит к социально-экономическому напряжению: граждане названной категории почти всегда идут на «черновую», низкоквалифицированную или даже нелегальную работу.

Практика показывает, что решить проблему депопуляции невозможно лишь мерами, направленными на увеличение рождаемости. Проблема повышения рождаемости является сегодня главным направлением в демографической политике белорусского государства. Но рост миграции не компенсируется даже ростом рождаемости, что выдвигает проблему миграции, на наш взгляд, на первый план в демографической политике.

Примечания

1. Трансформация миграционных процессов на постсоветском пространстве / *Л.Л. Рыбаковский [и др.]*. – М.: Academia, 2009. – С. 378.

2. *Злотников А.Г.* Миграция в демографических процессах Беларуси // Народонаселение. № 1-1. – 2016. – С. 65.

3. *Злотников А.Г., Смалюга А.К.* Белорусская миграция в евразийском отражении // Демографический потенциал стран ЕАЭС: VШ Уральский демографический форум: международная научная конференция: сборник статей. – Екатеринбург, 2017. – Т. 2. – С. 282.

4. Там же. – С. 283.

5. *Воронич А.В., Кусенков А.Н.* Интеграционные процессы в ЕАЭС и некоторые вопросы миграции рабочей силы в Республику Беларусь // Правовое регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь в контексте устойчивого развития: сборник научных статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скарины, 2017. – С. 39.

6. *Лопатова А.П., Астапкина Т.В.* Миграционные процессы в Беларуси и развитие демографического потенциала // Правовое регулирование миграционных процессов в Республике Беларусь в контексте устойчивого развития: сборник научных статей. – Гомель: ГГУ им. Ф. Скорины, 2017. – С. 126.

В.А. Желнорович
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ПРОЦЕСС ПОИСКА СВОБОДЫ В ЧЕШСКОМ И РУССКОМ СОЗНАНИИ НА ПРИМЕРЕ ОПЕРЫ ЛЕОША ЯНАЧЕКА «ИЗ МЁРТВОГО ДОМА» И ОДНОИМЁННОЙ ПОВЕСТИ ФЁДОРА МИХАЙЛОВИЧА ДОСТОЕВСКОГО

Аннотация. В статье рассмотрены несколько уровней свободы (как философской категории) на основе повести Фёдора Михайловича Достоевского «Записки из Мёртвого дома» и проведено сопоставление ключевых вех текста с их отражением в основных сценах одноименной оперы Леоша Яначека. Отступления от исходного текста и его философского послания, сделанные в опере, проанализированы как результат различий русского и европейского сознания и, соответственно, различий в понимании повести.

Ключевые слова: Фёдор Михайлович Достоевский, Леош Яначек, Записки из Мёртвого дома, повесть, опера, либретто, свобода.

V.A. Zhelnorovich
(Krasnodar, Russian Federation)

THE SEARCH OF FREEDOM IN CZECH AND RUSSIAN CONSCIOUSNESS ON THE EXAMPLE OF LEOŠ JANÁČEK'S OPERA «FROM THE HOUSE OF THE DEAD» AND FEDOR DOSTOEVSKY'S NOVEL OF THE SAME NAME

Abstract. In the article several levels of freedom (as a philosophical category) were considered, based on the novel by Feodor Mikhailovich Dostoyevsky "Notes from the House of the Dead" and a comparison was made between key milestones of the text with their reflections in the scenes of Leoš Janáček's opera of the same name. The deviations from the text and its philosophical message, made in opera, were analyzed as a result of differences between Russian and European consciousnesses and therefore of differences in the understanding of the novel.

Key words: Fedor Mikhailovich Dostoevsky, Leoš Janáček, The House of the Dead, novel, opera, libretto, freedom

«Деньги есть чеканенная *свобода* (курсив автора – В.А.)» [1], – именно так слово, вынесенное в заглавие данной статьи, впервые возникает на страницах повести Достоевского. Впоследствии автор

«Записок…» возвращается к этой мысли снова, ставя вопрос чётче и развивая идею подробнее в том же абзаце: «Что же выше денег для арестанта? *Свобода* или хоть какая-нибудь мечта о *свободе* (курсив автора – В.А.)» [2]. Такова точка зрения Александра Петровича Горянчикова, главного героя повести, по сюжету оставившего после себя целую плеяду типов и характеров, увиденных им за четыре года каторги – у каждого было своё понимание свободы. По-своему понимал эту категорию и Достоевский, по-своему её перенёс в свою оперу Леош Яначек. В рамках данной статьи были рассмотрены несколько трактовок (или «уровней») понимания свободы и была предпринята попытка проанализировать три нижеследующих вопроса:

а) получилось ли у композитора передать в собственном произведении замысел писателя;

б) какие элементы личного виденья Яначек привнёс в оперу;

в) какую роль в этом видении играли национальные различия между Яначеком и Достоевским.

Начиная разговор о повести Достоевского, следует в первую очередь коснуться отзывов современников писателя на неё. Шестидесятые годы XIX века, он совсем недавно вернулся из каторги, «Великое пятикнижие» ещё не увидело свет: оттого многие психологические и философские вопросы, уже намеченные в «Записках…», как будто остаются без внимания. В Достоевском видят пионера в области описания быта заключённых; до него в русской литературе ещё никто не погружался в тему настолько глубоко, а потому по А.И. Герцену он предстаёт русским Данте, а повесть сопоставляется с фреской Микеланджело «Страшный суд».

А между тем, уже в этом описании каторги заложены основы взглядов на жизнь, больше присущих позднему Достоевскому: «Спасение, очищение, обновление и развитие возможны только через унижение, через страдание и даже через грех». Потому что и Христос – идеал для автора «Записок…», как и для любого христианина – пострадал более, чем все люди, и уже однажды сходил во ад.

Пройдёт сто лет, и именно на эту позицию будет нападать Бунин – на манеру «совать Христа где надо и не надо» [3]. Набоков отметит, что ему «…претит, как герои [Достоевского] через грех приходят ко Христу» [4]. Эти упрёки вполне справедливы, но такова философская

позиция автора, отчётливо видимая только через века и при глубоком знакомстве с библиографией.

Рассматривая не одни только «Записки из Мёртвого дома», но всё наследие Достоевского как примеры подъёма к духовному идеалу (всегда недостижимому, но предельно конкретному), можно увидеть, как и сам автор, и его герой ищут свободу: не одного только освобождения из каторги, но многомерной и противоречивой категории человеческого бытия, формально очертить которую сможет лишь французский экзистенциализм. При рассмотрении и оценке приведённых Достоевским характеров (с оглядкой на произведения авторов XX века – таких, как Жан-Поль Сартр и его роман «Тошнота» или А.И. Солженицын и его повесть «Один день Ивана Денисовича») читателю под силу выделить несколько «уровней» понимания свободы как философской категории, а также обращения человека с ней:

1. На самой низшей ступени те, кто полностью находится во власти собственных страстей, в ком осталась одна телесная сторона личности. Такой человек, по словам Горянчикова, способен на любую гнусность, низость и подлость – лишь бы удовлетвориться в максимально короткий срок. Таков каторжанин А-в в «Записках…», отголоски подобного сладострастия можно найти и в Фёдоре Павловиче Карамазове;

2. Второй уровень – уровень простых арестантов, понимающих свободу как нечто материальное, чем можно завладеть и что можно купить. Таких в каторге большинство – они видят свою свободу в деньгах и возможности их потратить (на вино, на дорогую одежду, которую всё равно украдут, на скрипача, на проститутку). Их свобода – ожидание окончания срока каторги и попытки выжить любой ценой до этого срока. Достоевский в главе, посвящённой празднику Рождества в остроге, отчётливо показывает, что поиски такой свободы всегда будут оборачиваться погоней за миражами. Арестанты покупают дорогую еду и вино, облачаются в новые одежды, «заказывают музыку», но всё напрасно: под вечер весёлое гуляние сменяется пьяными жалобами, заунывными песнями, ссорами и драками. Свобода всё ещё не обретена, а на следующий день опять ожидают каторжные работы;

3. На третьем уровне находится сам Горянчиков, отражение этого типа проявится впоследствии в главном герое романа «Раковый

корпус» А.И. Солженицына Костоглотове. Это сильные духом люди, поставившие перед собой цель не только выжить, но сохранить себя, свою личность, своё лицо. Они побывали в Мёртвом доме – один на каторге, другой в онкологическом отделении – но вышли оттуда живыми и свободными, пусть и заплатив за эту свободу сполна;

4. Четвёртый, самый близкий ко Христу уровень, кажется почти недостижимым, но представителей именно этого типа Достоевский раз за разом приводит на страницах своих романов: он пишет типажи блаженных, почти что святых. Таков старик-старообрядец, таков татарин Алей, таков неизменно служащий Горянчикову Сушилов: это тип смирившихся со своей участью, унизившихся, ставших «как дети» и через это спасших себя. По Достоевскому это те, кто своей добротой и невинностью ломают стены Мёртвого дома, через таких людей дом перестаёт быть Мёртвым. Мышкин, своей кротостью успокаивающий окружающих, Сонечка Мармеладова, переменившая сердце Раскольникова: через истории этих персонажей Достоевский стремится показать, как вера, будучи и внутренним стержнем, и внутренним светом, позволяет человеку сберечь свою душу, даже потеряв её. У такой личности есть силы усомниться в том, реален ли Мёртвый дом вообще, а затем спастись – и, возможно, спасти кого-то ещё.

При внимательном рассмотрении, становится очевидно, что данная градация является фундаментом большинства романов Достоевского: здесь и трагическая судьба «идиота» Мышкина, и простые истины Макара Долгорукого в «Подростке», и наставления старца Зосимы в «Братьях Карамазовых». Нерешённым остаётся вопрос: увидит ли эту структуру в тексте «Записок…» творец другого века, другой культуры и другого рода искусства; не писатель и не литературный критик, но композитор?

Выбор данной повести в качестве основы для оперы поставил Яначека в затруднительное положение. Он хорошо знаком с русской музыкой и литературой, неоднократно совершал поездки в Россию, учил русский язык, и даже в создании оперы переводит реплики для либретто напрямую с русского оригинала. Но тому, что пока скрыто в тексте «Записок…», ещё не дано название, роман Сартра выйдет только спустя десять лет после смерти композитора, слова «Экзистенциализм это гуманизм» прозвучат ещё позже. С технической

стороны задача также сложна: необходимо уместить в сценическом представлении сюжет четырёхсот страниц текста.

Отношение и к повести Достоевского, и к самой опере у Яначека едва ли когда-то было однозначным. Своей возлюбленной, Камилле Штёссловой, он писал так: «И эта чёрная опера требует от меня много усилий. Кажется, будто я спускаюсь всё ниже и ниже, к беднейшим из бедных. И как же труден этот спуск» [5]. Эпитет «чёрная» по отношению к опере встречается достаточно часто и в письмах Яначека, и в воспоминаниях знавших его людей. Тем не менее, мораль повести и, таким образом, девиз своей оперы он формулирует иначе, гораздо светлее: «В каждом существе есть искра Божья» [6].

Из свидетельств современников Яначека и из его собственных слов становится ясно видно, как много времени он уделял точности передачи текста повести в опере, стараясь придать ей аутентичность, русский колорит. Вот лишь некоторые из примеров такой работы:

– отказавшись от включения народных мотивов в партитуру, он оркеструет песенки, приведённые в тексте Достоевским;

– он насыщает либретто оперы русизмами и элементами суржика, перенося без перевода слова и целые фразы на чешский субстрат (что нередко ведёт к искажениям или потере смысла из-за обилия омонимов и паронимов в русском и чешском языках [7]);

– Яначек уделяет особое внимание второму акту, формируя в его рамках «театр в театре» [8] – задумка, которая очень нравилась ему по его же собственному признанию;

– он применяет новаторское решение, и де-факто лишает оперу главного героя; фокальный персонаж Горянчикова отходит на второй план, а произведение через этот «коллективизм» обретает новизну;

– в то же время некоторых персонажей повести Яначек объединяет в угоду динамике действия и даже для создания драматического, почти детективного напряжения;

– наконец, он перерабатывает открывающую и закрывающую сцены оперы.

И в этом пункте наблюдается одно из серьёзнейших расхождений между произведениями Достоевского и Яначека. Сцена пленения и освобождения орла в опере ключевая, она обеспечивает ей кольцевую композицию, а судьба птицы и главного героя оказываются параллельны в глазах зрителей. Достоевский же формирует в тексте

куда более мрачный эпизод: орла также освобождают, но он не воспаряет над острогом под многократные радостные крики арестантов, его просто сбрасывают в степь с вала [9]. Крыло ещё не зажило, орёл по-прежнему не может взлететь, а потому лишь ковыляет прочь от арестантов – в холод, в позднюю осень [10], будто бы уже обретя свободу, но всё ещё не зная, что с ней делать (и даже не имея возможности сделать хоть что-нибудь).

Между тем, именно за эту дуальность многие исследователи так часто называют Достоевского предтечей экзистенциализма. Мало добиться свободы – относительной или абсолютной – необходимо понимать, как в этом состоянии жить.

Те, кто обратились и стали как дети, уже не заметят этого перехода из каторги на волю. Будь то старик-старообрядец у Достоевского или Алёшка-баптист у Солженицына: такой персонаж творит вокруг себя собственный мир, этот мир всегда при нём, а жить и сохранять свою душу можно и в остроге. Напротив, вышедший из каторги Горянчиков ещё долго не будет знать, что делать со своей свободой – он прошёл через Мёртвый (хочется сказать «костяной») дом, он переменился, но куда идти теперь? Подобной же неопределённостью веет и от последних глав «Ракового корпуса». По той же причине учитель Матье, главный герой «Дорог свободы» Сартра, предпринимает попытку самоубийства почти сразу после столкновения с абсолютной свободой.

Святой, просветлённый ещё может продолжать жить в таком состоянии, но для обычного человека оно мучительно. Вполне возможно, что оно было мучительно и для Достоевского. Но перемена произошла и в авторе, и в герое – и она требовала отклика. Отклик нашёл форму в литературе – в виде уже упомянутой повести и последующих романов.

Наиболее точно об этом переходе сказал Ремарк – устами героев романа «Искра жизни»: «Такое чувство, будто мы – последние люди на земле. – Нет, не последние, а первые» [11]. При анализе оперы «Из Мёртвого дома» приходится признать, что Яначек, столь радикально корректируя сцену с орлом и ставя её в таком виде во главу угла, или не заметил этой мысли Достоевского, или не придал ей значения, или, что наиболее интересно, не согласился с ней.

Однако, можно ли сказать, что такой корректировкой Яначек упрощает или искажает основной замысел повести. Ни в коем случае. И тем не менее, композитор таким образом вступает с писателем в полемику, вполне традиционную для русской литературы, и теперь – выходящую на арену мировой культуры. В этой полемике философии двух гигантов русской литературы, Достоевского и Толстого, неожиданно оказываются идущими рука об руку. Подобные взгляды впоследствии отразит в своих романах Солженицын, и взгляды эти умещаются в ёмкую синтетическую формулу: «Храни тот дух и тот *свет, который в тебе*, потому что телу достаточно всего два аршина земли». Но рядом с Толстым в русской культуре возникает Чехов и провозглашает торжество свободы: «Это трупу нужно лишь два аршина, а живому человеку нужен весь мир!» [12] Где же в этой системе координат находится Яначек? Возможно, что посередине, но всё же ближе к Чехову.

Слишком просто было бы сказать, что Яначек сделал финал оперы светлее ввиду «чешского национального характера». Это не более чем незаслуженное сведение исторической личности к стереотипу. Но нельзя отрицать очевидного: того, что Яначек – представитель европейского сознания и культуры, по-своему читающий и понимающий Достоевского. Путь его романов всегда был труден. «Самый русский писатель» получил от Европы форму для своих произведений – от Диккенса, от Эжена Сю, от французских сентименталистов – а затем наполнил её своим содержанием и снова вернул Европе. Возможно, в этом и есть главная заслуга композитора – спустя несколько десятилетий вывести на сцену молодого Достоевского, ещё считавшего, что каторга калечит души людей, как преступников, так и невинных, чтобы о нём таком помнили в Чехии, в России, в Европе и во всём мире. И в этой парадигме подлинной кульминацией повести и оперы становится театр в театре: искусство, возможность прикоснуться к прекрасному, хоть на мгновение способно по-настоящему вывести человека из животного состояния, в которое его повергает каторга, и хоть немного возвысить его. «Только немного позволили этим бедным людям пожить по-своему, повеселиться по-людски, прожить хоть час не по-острожному – и человек нравственно меняется, хоть бы то было на несколько только минут» [13].

И также для того, чтобы помнили и задумались, таким амбивалентным сделан финал оперы – финал, которого первая её постановка была лишена. За радостными возгласами «Свобода, свобода» следует окрик стражника: «За работу! Марш!» Но произведение высокого искусства не может оканчиваться стуком топоров и лязгом цепей, а потому для премьеры в 1930 г. был написан апофеоз. Леош Яначек, к тому времени уже два года как покойный, никак не мог защитить своё детище.

Примечания

1. *Достоевский Ф.М.* Записки из Мёртвого дома. – СПб.: Авалонъ, Азбука-Аттикус, 2011. – С. 30.

2. Там же. – С. 141.

3. *Набоков В.В.* Лекции по русской литературе. – СПб.: Азбука: Азбука-Аттикус, 2016. – С. 421.

4. Там же. – С. 420.

5. *Přibánová Svatava*. Hádanka života: Dopisy Leoše Janáčka Kamile Štösslové. – Brno: Opus Musicum, 1990. – S. 259.

6. *Vogel Jaroslav*. Leoš Janáček. – Praha: Academia, 1997. – S. 334.

7. *Hudecová Danuta*. Kalina, Petr Ch.. Leoš Janáček's Interpretation and Misinterpretation of Dostoyevsky's The House of the Dead // Musicologica Brunensia. – 2016. – №2. – P. 33.

8. *Racek Jan*. Leoš Janáček v mých vzpomínkách. – Praha: Vyšehrad, 1975. – S. 36.

9. *Достоевский Ф.М*. Указ. соч. – С. 412.

10. Там же. – С. 413.

11. *Ремарк Эрих Мария*. Искра жизни: [роман] [пер. с нем. М. Рудницкого]. – М.: Изд-во АСТ, 2017. – С. 477.

12. *Чехов А.П.* Малое собрание сочинений. – СПб.: Азбука, 2016. – С. 516.

13. *Достоевский Ф.М.* Указ. соч. – С. 273.

В.В. Воронин

(г. Краснодар, Российская Федерация)

ГРЕКИ СЕЛА ТРЕХСЕЛЬСКОГО УСПЕНСКОГО РАЙОНА КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Аннотация. Статья посвящена особенностям традиционной культуры этнической группы греков села Трёхсельского Успенского района Краснодарского края. Впитав в прошлом себя много элементов из турецкой, грузинской, армянской культуры, система жизнеобеспечения греков в Трёхсельском претерпела изменения, появились различные заимствования в календарной обрядности, в сфере жилища, в соционормативных отношениях.

Ключевые слова: традиционная культура, греки села Трёхсельское, язык, календарная обрядность, обрядовые блюда

V.V. Voronin
(Krasnodar, Russian Federation)

GREEKS OF THE VILLAGE OF THREE SELLS ASSUMPTION DISTRICT OF THE KRASNODAR TERRITORY

Abstract. The article is devoted to the peculiarities of the traditional culture of the ethnic group of the Greeks of the village of Trehselsky Assumption district of the Krasnodar Territory. Having absorbed itself, many elements from Turkish, Georgian, Armenian culture, the life support system of Greeks in Trejskilsky has undergone changes, various borrowings appeared in calendar rituals, in the field of dwelling, in commercial relations.

Key words: traditional culture, Greeks village Trehselsky, language, calendar ritual, ritual dishes

В рамках реализации проекта Фонда президентских грантов №19-2-005225 «Земляки и соседи» (2020 г.), были проведены исследовательские экспедиции в ряде районов Республики Адыгея, а также в Успенском районе Краснодарского края (Зудин А.И., Матвеев О.В., Воронин В.В., Ракачев В.Н.). Основной задачей экспедиционной деятельности исследователей являлось изучение исторического опыта мирного межэтнического, межкультурного сотрудничества [1].

Успенский район был выбран, не случайно. В первую очередь это обусловлено тем, что район известен компактным проживанием адыгов в аулах Кургоковском, Коноковском и Урупском. В 7 километрах от аула Коноковского находится село Трёхсельское, административный центр Трёхсельского сельского поселения, включающее в себя населенные пункты – с. Трёхсельское, хутор Воронежский, с. Пантелеймоновское, с. Новоурупское с общей численностью населения 2271 человек. Важным аспектом для исследовательской группы стало то, что на территории поселения проживают различные старожильческие этнические группы. Так, с. Новоурупское (бывшее Ливонское) – основано эстонскими поселянами в 1874 году. В 1895 г. крестьянами различных губерний было основано с. Пантелеймоновское. История самого села Трёхсельского еще недостаточно изучена. Тем не менее известно, что в уже 1930 году в селе насчитывалось три колхоза, и примерно с этого года начинается переселение греков в с. Трёхсельское, которые и стали этническим большинством в данном населенном пункте.

К сожалению, полевые материалы крайне ограниченной во времени экспедиционной работы не позволяют всеобъемлюще осветить все стороны жизни этого народа и его культуры. К тому же, никаких специальных исследований группы греков с. Трёхсельского вообще не проводилось. И данную работу, в первую очередь, необходимо рассматривать, как постановку проблемы.

Основная метропольная территория, откуда шло переселение греков – Цалкинский район ныне Республики Грузия. По преданию, сохранившемуся среди греческого населения Трехсельского, пять братьев ушли из турецкой Порты, и основали в Цалке пять сел: Санта, Торсун, Аврало, Бешташ. Собственно, именно эти села называются как метропольные. Первоначальной территорией проживания до освоения Цалки называется Турция, но без точного районирования.

Термин «урумы» респонденты не использовали, называя себя «ромеи». Однако отмечали, что большинство из старожилов, даже уже переселившись, использовали турецкий язык при общении, объясняя это тем, что турки предложили им выбор: поменять либо язык, либо религию. Греки перешли на турецкий язык, сохранив православную веру. Но, при этом подчеркивали, что дома они общались на греческом, а на турецком в обществе. Вот как говорит о своем языке наш

респондент: «У меня, например, язык – половина турецкого. Потому что они были под влиянием Турции, и говорили так, что им запрещали говорить – только на турецком языке. У меня греческий язык происхождения турецком <…>. Наши села в основном в Грузию переехали с Турции. Турция завоевала греков, ну Балканы. И народ угнали в Турцию <…>. А веру не потеряли. Они язык потеряли, но веру нет. Угрожали, убивали, но народ веру не потерял. Как были христианами греки, так и остались ими в Турции» [2].

Респонденты отмечали, что цалкинские греки были полифонами – знали греческий, турецкий, грузинский, русский, и даже армянский и азербайджанский язык. Русский язык начали преподавать в школах уже в советский период, но вот старики, которые не получили образования, русского не знали, даже после переселения на Кубань: «У меня бабушка русского не знала, и вот мы разговариваем на русском, а она обижалась: "Почему вы на русском говорите, хотите, чтобы я чего-то не знала?". А я ей: "Бабушка, если бы ты по одной букве в год учила, давно уже на русском разговаривала"» [3.].

Проживающие в Трехсельском и сегодня знают несколько языков, особенно старики, однако практически не пользуются ими в быту. Надо отметить, что и греческий язык так же уходит из активного бытования. Если старшее и среднее поколение знают родной язык, общаются на нем, то уже дети, понимают, но не говорят на нем.

Каковы причины, побудившие эту группу к переселению? В первую очередь это малоземелье в селах Цалкинского района, и низкое качество почв. Хотя, даже несмотря на это, греки Цалки славились своим картофелем на всю Грузию. Малоземелье, при высокой детности в семьях, влекло за собой бедность: «В Грузии, там беднота, земли мало, а детей много. Там на горе, ничего не растет, нечего делать, одни камни» [4]. В 1930-е годы регион несколько раз настигал голод: «Мама уже замужем была, и вот пояс у нее остался, браслеты остались. А тогда была беднота, и она продала браслеты за два ведра кукурузы, продала и нас кормила, нас было шестеро» [5].

Другой причиной являлось то, что родители хотели дать образование детям в высших учебных заведениях, а для этого было необходимо хорошо знать русский язык. В некоторых случаях в 1960–1970-е гг. некоторые семьи присылали своих детей к родственникам в Трёхсельское, чтобы дети активно постигали русский язык [6].

Почему выпал выбор на с. Трёхсельское? Во-первых, по рассказам респонтентов, в образованных колхозах на каждый трудодень выделялась пшеница. Во-вторых, село было небольшим, и стоимость домовладений была очень низкая. Так, семья Будаговых, первых переселенцев, жила первоначально в конюшне, так как глава семьи был конюхом, и через несколько месяцев получили возможность приобрести старый дом. Так в 1930 году в Трехсельское перезжают первые две семьи – Будаговы и Панагасовы.

Нужно отметить, что греки всегда поддерживали межродственные связи, несмотря на расстояния. Несколько семей из Цалкинского района переехало в 1930-е годы в Ставропольский край, в с. Дубовая Балка, где проживали их родственники. Греки с. Дубовая Балка обосновались там еще в XIX веке. Однако впоследствии цалкинские семьи перебрались в Трёхсельское, опять же объясняя это тем, что на заработанные трудодни выдавалось зерно.

До войны переселяются Аслановы, Мелетовы, Савиди, Делибалтовы. В послевоенное время переселились семьи Куцуровых, Каракетовых, Балабановых, Янаковых и др. В 1970-е годы численность греков, по рассказам местных жителей достигла более 600 человек. При этом, долгое время браки заключались внутри группы. Были случаи, когда молодые мужчины выезжали в Цалку к своим родственникам в поисках жен-гречанок на метропольной территории. Некоторые заключали браки с гречанками из таких населенных пунктов как г. Сухуми, с. Витязево, с. Мерчанское, г. Армавир, в Ставропольском крае.

В 1990-е годы начался активнейший отток греческого населения в Грецию. В настоящее время из 170 пустующих подворий в селе, около 110 принадлежало грекам. Но при этом они так и не продали их, так как большинство имеют двойное гражданство. Конечно, не все выдержали процессов акклиматизации и адаптации в Греции, некоторые вернулись в с. Трёхсельское.

Экспедиция не преследовала цели сбора комплексного этнографического материала, тем не менее, зафиксированные нарративы дают представление о календарных обрядах и праздниках, родильной обрядности, фрагментарно по свадебной и погребальной обрядности, материальной культуре.

Календарные обряды и праздники основывались на православном календаре. Наиболее почитаемыми являлись Рождество, Новый Год, Крещение, Вербное воскресенье (Бедный Лазарь), Пасха, Троица, Илья, Успение Пресвятой Богородицы.

Рождество было семейным праздником. Кутью греки на этот день не варили: «Греки кутью не делали, это русские должны кутью крестным носить. А греки не делали, а потом тоже начали, уже как-то помешалися» [7]. Но уже в с. Трёхсельском греки переняли обычай носить кутью крестным.

Респонденты отмечали, что, как и русские, они ходили посевать на Новый Год, при этом упоминали короткие тексты посеванок: «Сею-вею-посеваю». Однако, вспомнили, что у греков Цалки бытовал обычай обхода дворов детьми, с ритуальным текстом. Открыв двери дома, они кидали большие шерстяные носки и пели небольшую песню [8]. Хозяева же одаряли детвору, складывая угощение в носки.

На Крещение выпекался специальный многослойный пирог – *чуряк*, в котором запекалась монета. Утром этот пирог разрезался, и раздавался. Кому попадалась монета, тот считался счастливым [9].

На Бедного Лазаря (суббота под Вербное Воскресенье) обязательно пеклись постные булочки, напоминающие бублики – *керкели*, которые раздавались детворе, которые заходя в каждый дом говорили: «Керкелия сегодня, такой день, мы ходим и у Бога просим урожай, богатство» [10]. Помимо бубликов, детям раздавали яйца. Именно яйцо считалось самым дорогим подарком.

На Пасху пеклись *паски*, красились яйца. На стол ставился поднос, на который насыпалась пшеница, поверх ставили паску и клали несколько яиц. Пшеницу поливали ежедневно, поднос покрывался зеленой проросшей пшеницей. Через 40 дней и пшеницу, и паску с яйцами отдавали курам.

В поминальный день – Провода – ходили на кладбище: «Ходим обязательно. Раньше вот знаете, сделаешь хлеба, пирожки, пироги – удлиненные вот так моя мама делала, и вот так на ней крестик делала эту лепешку. И мы носили на кладбище. А сейчас уже и жарят, и парят. А раньше вот эти пироги с крестиком несли. Это вот три штуки несешь на кладбище, режишь, раздаешь» [11]. Основной помин душ предков происходил уже дома.

На Троицу двор, жилище украшались травой, ветками. В качестве обрядового блюда называлось *танафено фаин* – суп из перловки и *паштигана* (йогурт), в который добавлялась зажарка из лука и чабреца. Интересно, что упоминается и турецко-азербайджанское название – *айран-аш* [12].

Илья – в Трёхсельском этот праздник особо почитаем, так как рядом с селом, на горе, усилиями всех жителей была построена часовня, освященная в честь Ильи Пророка. И хотя это было буквально 20–25 лет назад, существует несколько версий причин строительства: мужчина дал обет, что построит часовню; построили в честь Родины; причиной стало появление св. Ильи перед пастухами. В этот день все жители села собираются около часовни, совершают жертвоприношение – барашку, варят *шулюм*, устраивается общее застолье.

Особо почитаемым днем считается Успение пресвятой Богородицы, празднующийся 28 августа. В этот день все жители так же собираются в храме, делая *курбан* (жертва). В качестве жертвы выступают барашки, бычки [13, 14].

Культура Цалкинских греков и в прошлом впитала себя много элементов из турецкой, грузинской, армянской культуры. Уже на территории Краснодарского края традиционная культура греков, несомненно, претерпела изменения, появились различные заимствования (в календарной обрядности – посевания, ношение кутьи), в материальной – жилища из самана (в горной местности из камня, причем цалкинские греки славились как хорошие строители, мастера по камню). Появились изменения и в соционормативной культуре: примером могут служить те же межнациональные браки (в прошлом, старики выступали противниками межнациональных браков). К негативным процессам можно отнести утрату родного языка подрастающим поколением, что ведет к гораздо большим разрушительным последствиям для культуры местных греков.

В целом, культуры греков с. Трехсельского заслуживает гораздо большего исследовательского интереса, и мы надеемся, что это дело будущего.

Примечания

1. *Матвеев О.В., Зудин А.И., Воронин В.В.* Земляки и соседи: по материалам экспедиций 2020 года. – Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2020. – 176 с.

2. Полевые материалы экспедиций (ПМЭ) проекта «Земляки и соседи» 2020 года («Земляки и соседи-2020»). – Село (С.) Трехсельское Успенского района (р-на) Краснодарского края (кр.). – Респондент (Респ.) Михайлов Г.К., 1943 года рождения (г.р.).

3. ПМЭ «Земляки и соседи-2020». – С. Трёхсельское Успенского р-на Краснодарского кр. – Респ. Попова Л.И., 1960 г.р.

4. ПМЭ «Земляки и соседи-2020». – С. Трёхсельское Успенского р-на Краснодарского кр. – Респ. Куцурова Н.И., 1937 г.р., Казакова М.Ф., 1951 г.р., Балабанова И.А., 1956 г.р.

5. ПМЭ «Земляки и соседи-2020». – С. Трёхсельское Успенского р-на Краснодарского кр. – Респ. Куцурова Н.И., 1937 г.р.

6. ПМЭ «Земляки и соседи-2020». – С. Трёхсельское Успенского р-на Краснодарского кр. – Респ. Куцурова Н.И., 1937 г.р., Казакова М.Ф., 1951 г.р., Балабанова И.А., 1956 г.р.

7. ПМЭ «Земляки и соседи-2020». – С. Трёхсельское Успенского р-на Краснодарского кр. – Респ. Куцурова Н.И., 1937 г.р.

8. Там же.

9. ПМЭ «Земляки и соседи-2020». – С. Трёхсельское Успенского р-на Краснодарского кр. – Респ. Попова Л.И., 1960 г.р.

10. ПМЭ «Земляки и соседи-2020». – С. Трёхсельское Успенского р-на Краснодарского кр. – Респ. Куцурова Н.И., 1937 г.р.

11. Там же.

12. Там же.

13. ПМЭ «Земляки и соседи-2020». – С. Трёхсельское Успенского р-на Краснодарского кр. – Респ. Попова Л.И., 1960 г.р.

14. Использованы также интервью с респ.: Делибатиди А.Г., 1965 г.р.; Куцурова (Спафарова) Е.Ф., 1954 г.р.; Ткаченко Н.В., 1963 г.р.

А.Д. Гронский

(г. Москва, Российская Федерация)

ШКОЛЬНЫЙ УЧЕБНИК ПО ИСТОРИИ БЕЛОРУССИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (НА ПРИМЕРЕ УЧЕБНИКА ДЛЯ 7 КЛАССА ИЗДАНИЯ 2017 г.)

Аннотация. В статье исследуется проявление исторической политики в Белоруссии на примере анализа описания формирования белорусского этноса, представленное в школьном учебнике по истории Белоруссии для 7 класса, который издан в 2017 г. и используется в настоящее время в образовательном процессе.

Ключевые слова: Историческая политика, историческая культура, Белоруссия, школьный учебник, формирование этноса, белорусский народ

A.D. Gronsky
(Moskow, Russian Federation)

A SCHOOL TEXTBOOK ON THE HISTORY OF BYELORUSSIA AS AN ELEMENT OF HISTORICAL POLITICS (ON THE EXAMPLE OF A TEXTBOOK FOR THE 7TH GRADE OF THE 2017 EDITION)

Abstract. The article examines the manifestation of historical politics in Byelorussia by the example of the analysis of the description of the formation of the Byelorussian ethnic group, presented in the school textbook on the history of Byelorussia for the 7th grade, which was published in 2017 and is currently used in the educational process.

Key words: Historical politics, historical culture, Byelorussia, school textbook, formation of an ethnic group, the Byelorussian people.

Историческая культура является субстанцией достаточно подвижной. Наше восприятие прошлого отличается от восприятия прошлого наших предков и будет отличаться от восприятия прошлого нашими потомками. Распад империй в XX в. породил новые взгляды на историю, связанные больше не с объективностью и попытками постичь истину, а с обоснованием появившихся суверенитетов. На историческую культуру активно стала влиять историческая политика.

Как пишет академик В.А. Тишков, «сейчас мы можем говорить об исторической политике как о важной и признанной форме общественного сознания, как об одной из характеристик новой исторической культуры» [1]. Историческая политика выражается по-разному. В Польше и на Украине созданы институты национальной памяти, в Прибалтике и Грузии – музеи оккупации. Не обминуло это веяние и Белоруссию. В 2019 г. в журнале Администрации президента «Беларуская думка» появилась статья, написанная академическими историками и членами белорусского Совбеза, в которой прямо говорилось о необходимости проведения исторической политики [2]. Таким образом, историческая культура, попала под требования власти. Понимание прошлого в начале XXI в. слишком политизировано. Хотя, это можно сказать практически обо всех периодах, когда прошлое подвергалось изучению. Отличие лишь в том, что ранее не было такого разнообразного и гибкого набора средств принуждения к следованию определённой исторической культуре. Ранее на историческую культуру влияли в основном историческая память и историописание, которые, по словам Тишкова, «обладают властью предписания и определения ценностей и норм поведения, а также мотивов действия». «В основе новой исторической культуры, помимо названных характеристик, лежат моральные аспекты. Моралистский подход к истории порождает амбивалентность оценок и отношений к историческим событиям и личностям. Нормы морали трансформируются, и вместе с ними меняется историческая наука и политика формирования идентичности» [3].

Современная историческая культура направлена на создание конкретных идентичностей и такого взгляда на прошлое который давал бы нужные ответы на вызовы современности. Потому что, по словам немецкого исследователя Й. Рюсена, появилось «слишком много недовольных исходом истории для себя как страны или как сообщества» [4]. В общем, по мнению различных политических и идеологических сил, «собственная» история должна быть комфортной для «своей» группы. Эта комфортность достигается не только путем создания образа величия своего народа или своей страны в прошлом, но и подчеркиванием особых страданий, трагичности прошлого, что может повлиять на комфортность настоящего, например, получением особого статуса или определённых льгот. При этом нынешним

эксплуататорам особого взгляда на историческое прошлое нисколько не стыдно получать выгоды не от собственных страданий, а от страданий своих очень давно умерших предков, а зачастую от их вымышленных страданий.

Как указывает Л.П. Репина, «наиболее важными в изучении исторической культуры оказываются исторические мифы, ментальные стереотипы, обыденное историческое сознание, историческая память». Новая историческая культура подразумевает более широкую вовлечённость обывателя в исторические сюжеты. Интернет позволяет высказывать собственное видение истории на максимально широкую аудиторию. Однако всё же любой пользователь интернета волен игнорировать рассуждения на исторические темы. Но от одного из проявлений исторической политики уйти никому невозможно. И этим проявлением является школьный курс истории. «Воспитание историей – давний инструмент в арсенале социальной инженерии» [5].

Общеобразовательная школа не только дает знания по различным предметам, но также и воспитывает подрастающее поколение (правда, не всегда качественно). Помимо того, школа формирует представление о прошлом, что также связано с необходимостью воспитания лояльных государству граждан. Для этого необходимо создать определенное отношение к истории, которую принято называть отечественной или национальной. Определения «отечественная» и «национальная» достаточно условны, т.к. нация – явление относительно молодое, поэтому непонятно, насколько историю до возникновения конкретной нации моно назвать национальной. Отечественная история подразумевает существование в прошлом Отечества. Но как быть тем государством, которые появились недавно, а их территория в прошлом была занята другими государствами и другими этносами, которые не всегда имеют отношения к ныне живущим на этих территориях? Так что в терминах «национальная» и «отечественная» история заложена некая условность. Тем не менее, практически никто не стесняется выводить собственную этническую, национальную или государственную историю из древности, иногда из глубокой древности.

Немецкая исследовательница А. Ассман обращает внимание на выборочность информации, транслируемой детям и подросткам: «Лишь то, что выставлено в музеях, воплощено в памятниках и попало

в школьные учебники, обретает шанс на передачу следующим поколениям» [6].

Однако в практике формирования необходимого для государства видения прошлого могут возникать проблемы разного порядка, в том числе и логические. Стараясь выстроить повествование о прошлом, авторы учебников иногда провоцируют внимательных учеников критически относиться к утверждениям о прошлом.

Особо важным для молодых государств представляется поиск своего места в прошлом, необходимость найти такие примеры, которые показывали бы «наше» присутствие в прошлом, существование в прошлом людей, объединенных такой же идентичностью, которая бытует на этих территориях сегодня, или хотя бы идентичностью, близкой к сегодняшней.

Рассмотрим белорусский школьный учебник по отечественной истории, описывающий историю Белоруссии XVI – XVIII вв. [7]. Этот период интересен тем, что XVI веком датируется окончание формирования белорусской народности: «особая белорусская народность сложилась только в XIV–XVI вв.» [8]. Отходя от примордиалистских взглядов, бытовавших в СССР, и до сих пор бытующих в среде этнонационалистов, авторы учебника пишут: «Самой важной особенностью формирования того или иного народа является этническое (национальное) самосознание. Иначе говоря, человек принадлежит к тому народу, к которому он сам себя причисляет» [9]. Совершенно логичное утверждение на этой же странице учебника сталкивается с другим: «Бóльшая часть жителей современной Белоруссии называла себя "русь", "русины". Только на северо-западе, где проживало немало балтов, были распространены также самоназвания "литва", "литвин"» [10]. То есть учебник утверждает, что белорусский этнос в XVI в. уже существовал, а бóльшая часть тех, кто к нему принадлежал, имели другое самосознание, причем, разное: часть из них была русинами или русью, другая – литвинами или литвой. При этом нужно обратить внимание, что литвины и литва – это самообозначение балтов. Получается, что часть белорусского этноса в XVI в. называла себя именем соседнего, даже не славянского народа. Естественно, можно сказать, что данное название являлось обозначением всех жителей Великого княжества Литовского вне зависимости от этнической принадлежности, но тогда

почему большая часть называла себя русинами? Или одна часть определяла себя по этническим маркерам, другая – по политическим?

В составе Великого княжества Литовского и Первой Речи Посполитой в то время находилась и часть земель, принадлежащих в настоящее время Украине. Естественно, украинские учебники тоже рассматривают XVI в. в курсе истории Украины. Украинские авторы, как и их белорусские коллеги, также упоминают о самоназваниях того времени: «Национально-культурное возрождение стало возможным благодаря активным представителям всех сословий украинского общества: тем князьям, магнатам и шляхтичам, которые осознавали себя "русью", т.е. украинцами и материально поддерживали украинскую культуру…» [11].

В итоге получается, что в украинском учебнике русь – это украинцы, а в белорусском, русь – это часть белорусов. И никто не объясняет, насколько эти «руси» пересекались или же совпадали полностью. Для авторов белорусского учебника как будто не существует руси или русинов, живущих южнее Полесья, а для авторов украинских учебников не существует руси или русинов, живущих севернее Полесья. Попытка закрыться в нынешних границах при описании прошлого, при том, что в прошлом нынешних границ не существовало и они даже не подразумевались, приводит к тому, что в учебниках появляются противоречия.

В белорусском учебнике истории подробно описаны причины формирования белорусского народа или народности (авторы используют оба термина, поэтому создается впечатление, что термины выступают как синонимы). Одной из главных причин указывается нахождение белорусских земель в составе одного государства. Это позволяло жителям различных регионов контактировать между собой, что, в свою очередь унифицировало локальные культуры и обычаи [12]. Логика утверждений понятна, но она абсолютно не объясняет, почему унификация культуры и обычаев повлияла именно на становление белорусского этноса, ведь в пределах тех же границ существовали современные литовские, украинские или польские регионы. Почему формирование белорусского этноса ограничивалось не всей территорией Великого княжества Литовского, а лишь ее частью? Если как-то можно объяснить языковую границу между балтским и славянским населением княжества, то жители

современных Белоруссии и Украины совместно существовали и в Древней Руси, и в Великом княжестве Литовском, и в Первой Речи Посполитой. И называли они себя одинаково. Да и географически жители ныне белорусского Гомеля имели больше шансов унифицировать свои культуру и обычаи с жителями близлежащих Чернигова или Брянска, пока те входили в состав Литовского княжества. А вот унифицировать обычаи жителям ныне белорусского Гомеля с жителями ныне белорусского Гродно было сложнее по причине расстояний. Также жители Витебска плотнее общались с жителями Смоленска, пока тот быв в составе Великого княжества Литовского, а жители Бреста имели больше шансов унифицироваться с жителями волынских городов, а не Витебска или Полоцка. Так что ограничение рамками современных границ не учитывает то, что этих границ в XVI в. не было.

Те же проблемы существуют и у утверждения, что формированию белорусского этноса способствовали торгово-экономические связи [13]. Купцы налаживали связи не внутри формирующейся этнической территории, а в тех местностях, где им было выгодно торговать. Вряд ли кто-нибудь из купцов задумывался над этническими вопросами и тем, что налаживанием торговых связей он формирует будущий этнос. Крестьянская же торговля вообще не имела потенциала к формированию этнической территории, т.к. крестьяне чаще всего ездили на рынки ближайших городов. Крестьяне могли унифицировать лишь локальные обычаи и культуру.

Еще одной причиной формирования белорусской народности учебник называет службу в одном войске [14]. Но войско Литовского княжества не набиралась исключительно с белорусских земель. В нем служили уроженцы всех территорий княжества. При этом основной состав войска был шляхетским, крестьяне в войско практически не попадали. Поэтому если общая служба и формировала представление о единстве, то не о белорусском, а о литовском или польском, т.к. идентичность шляхты постепенно менялась на польскую.

Авторы учебника уверены, что белорусский этнос формировали единая политическая система, единая система власти, общий монарх, признание всеми общегосударственной символики в качестве своей [15]. Однако это единство затрагивало все территории государства, а не только белорусские земли, т.е. все эти факторы влияли на

зарождение единой народности в рамках всего княжества, а не отдельно белорусской или какой-то другой.

После перечисления причин, по которым должен был возникнуть белорусский этнос, авторы делают вывод, что «все это отличало жителей белорусских земель от населения зарубежных стран» [16]. От жителей других стран все это, возможно, и отличало, но насколько перечисленные причины позволяли формировать различие между населением регионов внутри одного государства – Великого княжества Литовского? Общие не для белорусских земель, а для всей территории страны герб, монарх, система власти, войско и т.д. провоцировали формирование не белорусской, а общелитовской народности.

Еще одной проблемой, которая присутствует в учебнике, является описание отличий в менталитете социальных слоев. Так, авторы пишут, что «при всех общих чертах, которые объединяли людей в народность, внутри нее сохранилось разделение. Одним из самых значительных препятствий на пути формирования народности была иерархия слоев общества. Представители привилегированных сословий считали, что они имеют более высокое происхождение и лучше других. Особенно это было свойственно шляхтичам. Среди них получила распространение идея о происхождении от другого народа – древних сарматов. Возникла целая особая система взглядов шляхетского сословия – сарматизм» [17]. В «Терминологическом словаре» в конце учебника понятие «сарматизм» определяется следующим образом: «Система взглядов шляхетского сословия в Речи Посполитой. Основывался на идее происхождения шляхты от древнего племени сарматов. Тем самым объяснялись ее особые нравственные качества, исключительное положение и права в государстве» [18]. В самом же тесте учебника указывается, что исповедовавшая идею сарматизма шляхта «была уверена в своей культурной, политической и национальной исключительности» [19]. Учебник не расшифровывает, что такое национальная исключительность, в которой была уверена шляхта. Но, если шляхта была уверена в своей национальной исключительности, значит, крестьяне для нее были представителями другой нации (хотя говорить о нации в XVI в. и некорректно, но термин «национальная исключительность» в описании менталитета шляхты того времени

авторы учебника используют). Теория сарматизма разрабатывалась в Польше. Те, кто придерживался этой теории были уверены, что «потомками сарматов древности может считаться только воинское – рыцарское сословие, т.е. шляхта. Представители же иных групп общества – горожане и тем более крестьяне являются потомками местного, автохтонного покорённого населения и не могут считаться генетическими продолжателями ни рода сарматов, ни тем более их славы и свершений» [20].

Таким образом, шляхта была уверена, что она и местные крестьяне разные на генетическом уровне. Такая уверенность никак не способствует формированию единой этнической общности. У шляхты было иная этническая идентичность, а именно этническая идентичность является «важнейшей характеристикой этнической общности» [21]. Сарматская идеология сближала шляхту Великого княжества Литовского и Польского королевства, а не формировала белорусскую народность. Т.е. шляхтич на генетическом уровне отличал себя от крестьянина, хотя оба могли быть рождены в одной деревне. Такая ситуация не выполняет серьезного условия, которое сформулировано авторами учебника: «самой важной особенностью формирования того или иного народа является этническое (национальное) самосознание» [22].

Если вспомнить, что авторы учебника указывают, что «человек принадлежит к тому народу, к которому он сам себя причисляет» [23], то станет понятно, что шляхта, причисляя себя к сарматам, не могла принадлежать к белорусскому народу. Более того, источники умалчивают о том, насколько было распространено самоназвание «белорус» в период формирования белорусской народности. Первым человеком, назвавшим себя белорусом был шляхтич Соломон Рысинский. «Впервые он выступает в документах как белорус в 1586 г. В переписке с иностранными друзьями поэт тоже называл свою родную страну Белоруссией» [24]. Хотя в учебнике, посвященном предыдущему периоду истории указано, что жители белорусских земель называли себя в том числе и литвинами-белорусами [25]. И это при том, что впервые слово появилось в 1586 г.

В целом, можно отметить, что белорусский школьный курс отечественной истории стремиться повторять советские нормы о том, что белорусская народность формировалась на протяжении XIV–

XVI вв. Но нынешний учебник отошел от примордиалистских заявлений, которые были в ходу в советское время. Пытаясь использовать альтернативные объявления формирования этноса, авторы формируют ряд противоречий, которые иногда располагаются на одной странице учебника. Более того, белорусский учебник истории вступает в противоречие с украинским учебником, посвященным тому же историческому периоду.

Примечания

1. *Тишков В.А.* Историческая культура и идентичность // Уральский исторический вестник. – 2011. – № 2 (31). – С. 9.
2. *Коваленя А., Арчаков В., Данилович В., Баньковский А.* К вопросу об исторической политике // Беларуская думка. – 2019. – № 8. – С. 3–11.
3. *Тишков В.А.* Указ. соч. – С. 9.
4. Там же. – С. 8.
5. Там же. – С. 11.
6. *Ассман А.* Новое недовольство мемориальной культурой. – М.: Новое литературное обозрение, 2016. – С. 16.
7. Гісторыя Беларусі, XVI–XVIII стст.: вучэбны дапаможнік для 7-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання / *В.А. Варонін [і інш.]; пад рэд. В.А. Вароніна, А.А. Скеп'ян*. – Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2017. – 214 с.
8. Там же. – С. 107–108.
9. Там же. – С. 110.
10. Там же.
11. *Бурнейко І.О., Наумчук О.В., Крижановська М.Є., Штанько О.Ф.* Історія України: підручник для 8 класу загальноосвітніх навчальних закладів. – Тернопіль: Видавництво Астон, 2016. – С. 58.
12. Гісторыя Беларусі, XVI–XVIII стст.: вучэбны дапаможнік для 7-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. – С. 108.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. Там же.
17. Там же. – С. 108–109.
18. Там же. – С. 206.
19. Там же. – С. 156.
20. *Лескинен М.В.* Мифы и образы сарматизма. Истоки национальной идеологии Речи Посполитой. – М: ИСл РАН, 2002. – С. 52.

21. *Дробижева Л.М.* Этническая идентичность // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / *Отв. ред. И.С. Семененко* / ИМЭМО РАН. М.: Издательство «Весь мир», 2017. – С. 417.

22. Гісторыя Беларусі, XVI–XVIII стст.: вучэбны дапаможнік для 7-га класа устаноў агульнай сярэдняй адукацыі з беларускай мовай навучання. – С. 110.

23. Там же.

24. Там же. – С. 111.

25. *Бохан Ю.Н., Темушев С.В.* История Беларуси с древнейших времен до конца XV в.: учеб. пособие для 6-го кл. учреждений общ. сред. образования с рус. яз. обучения: в 2 ч. Ч. 2 / *под ред. Ю.Н. Бохана*. – Минск: Изд. центр БГУ, 2016. – С. 118.

Н.А. Левандовская
(г. Брно, Чешская Республика)

К ВОПРОСУ ОСОХРАНЕНИИ ЗЕЛЕНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ г. БРНО, ЧЕШСКАЯ РЕСПУБЛИКА, КАК ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Аннотация. Конец XX века охарактеризовался стремительным ростом промышленности и городов. Это значительно увеличило антропогенную нагрузку на окружающую среду и, в особенности, оказало губительное влияние на старые леса и парки расположенные в городской черте. Статья посвящена важности и необходимости мероприятий по сохранению зеленого фонда городов, в особенности исторически сложившихся зон, наиболее уязвимых, в связи с их возрастом.

Ключевые слова: парки, лесопарки, рекреация, наследие.

N.A. Levandovskaya
(Brno, Czech Republic)

TO THE QUESTION OF CONSERVATION GREEN INFRASTRUCTURE OF BRNO, CZECH REPUBLIC, AS A HISTORICAL HERITAGE

Abstract. The end of the twentieth century is characterized by quick growth of cities. This significantly increased the anthropogenic load on the environment and a detrimental effect on old forests and parks located within the city limits. The article is

devoted to the importance and necessity of measures to preserve the green fund of cities, especially the historically formed areas, the most vulnerable due to their age.
Key words: parks, forest parks, recreation, heritage.

Возникновение общественных садов и парков на территории Европы датируется концом XVII началом XVIII вв. [1]. До нынешнего времени они выполняют ландшафтные и оздоровительные функции, как основа и каркас зеленой структуры города и часто являются единственными островками живой природы посреди урбанизированного городского пространства [2]. Подобные зеленые массивы можно наблюдать в разных странах как остатки естественных лесов: Горский парк (Horský park) в г. Братислава (Словацкая республика), Вильсонов лес (Wůlsonov les) на окраине г. Брно (Чешская республика), либо как созданные парковые зоны для прогулок и отдыха – парк Лужанки (Lužanky) в г. Брно – один из старейших общественных парков средневековой Европы [3].

На территории г. Брно (первое упоминание о нем датируется X–XI вв.) хотелось бы упомянуть ряд городских садов и парков, возникших за долгую историю города.

Парк Лужанки (Lužanky), основан в 1796 г. на месте иезуитского сада, открытый для свободного посещения горожанами [4]. Площадь его 22га. В 1855 г. был дополнен павильоном в стиле Ренессанс. На территории произрастают деревья возрастом свыше 300 лет, платан кленолистный *Platanus acerifolia*, с диаметром ствола 520см. и дуб венгерский *Quercus frainetto* с диаметром ствола 536см. [5].

Сады народного сопротивления (Sady Národního odboje). В 1939–1944 гг. на территории нынешнего парка располагался немецкий концентрационный лагерь с названием «Под каштанами». В 60-е г. XX столетия на этом месте был заложен парк в память о жертвах нацизма и установлен памятник [6].

Лесопарк Вильсонов лес (Wilsonův les) был основан нотариусом короля Франтишка Йозефа I (František Josef I) – Людвиком Одстрчилом (Ludvík Odstrčil). В северной части деревья были высажены в форме букв FJE – аббревиатуры имен Франтишка (F), Йозефа (J), и Елизаветы (E), его жены. Инициалы были видны с соседних холмов. В 1918 г. лесопарк получил название в честь американского президента Вильсона [7]. Декларация его имени лежала

в основе провозглашения независимой республики Чехословакии в 1918 г.

Парк Шпилберк (Park Špilberk) возник в 1862 г. Садовник Антонин Щебанек (Antonín Šebánek) под руководством окружного комиссара Кристиана д´Элверта (Christian d´Elvert) заложили пейзажный парк на голых склонах холма с одноименным замком, доминантой средневекового города. Парк обустроен хорошей тропиночной сетью, видовыми площадками, большим количеством скамеек. Площадь парка составляет 17 га. [8].

Парк Колиште (Park Koliště) расположен на месте бывшей крепостной стены. В 1793 году перед стеной были высажены липовые аллеи. В 1836 году, при прокладке дороги, липы были уничтожены, в середине XIX в. парк был восстановлен и дополнен беседками, лавочками и музыкальным павильоном [9].

Тирсув сад (Tyršův sad) возник в 1907 г. на месте бывшего городского кладбища 1785–1883 гг. Это было крупнейшее кладбище того периода. В 1849 г. начался его перенос. Кроме устройства парка на освободившихся землях устроили ботанический сад. В память об усопших установлен чугунный крест в 1847 г. и памятник Роджеру Валгуберту *(Roger Valhubert)* французскому генералу, смертельно раненому в битве под Аустерлицем [10].

Лесопарк Каменная вершина (Lesopark Kamenný vrch) использовался как оздоровительный, рекреационный объект при городской больнице. Здесь были устроены купальня, кегельбан, спортивные площадки и видовая площадка. В 1937–1939 г. был построен санаторий [11].

Исторически сложившиеся парки, лесопарки и сады в городах имеют не только большое культурное, природоведческое, дендрологическое, но и важное рекреационное значение, как места отдыха населения от напряженной, полной стрессов городской жизни.

Ухудшение состояния старовозрастных зеленых массивов в городской черте и округе снижает качество жизни населения. Загрязнение воздуха, воды, сокращение зеленых зон в угоду массовой застройки, изменение гидрологического режима территории, а подчас и геологического, значительно влияют на зеленые насаждения [12]. Можно утверждать, что мониторинг и оценка состояния городских и

пригородных зеленых насаждений являются обязательной компонентой в содержании старых посадок [13].

В основе реализации мониторинга парков и лесопарков на урбанизированных территориях должна находиться объективная оценка состояния старовозрастных насаждений. Это позволит оценить меру возможности выполнения парком рекреационных функций, обусловленных его природными свойствами и результатами деятельности человека [14]. На примере части пригородного лесопарка Писарки (Pisarky) – Мысливна (Myslivna) (см. карту), описан опыт оценки состояния старых лесопарковых насаждений на урбанизированных территориях. Ограниченный естественными природными границами, лесопарковый массив издавна использовался местным населением с утилитарными целями – для охоты и собирательства. Позже, в середине XIX в. предприимчивый горожанин поставил небольшое питейное заведение на окраине леса, а позже, и гостевой дом. Сегодня Мысливна (Myslivna) – популярная гостиница с рестораном посреди старого лесопарка, недалеко от центра большого промышленного города.

Оценка состояния лесопаркового массива была поведена по 15 показателям, учитывающим устойчивость экосистемы, и ее способности отвечать рекреационным потребностям населения [15]. В том числе учитывались: рекреационная деградация; состояние подроста и подлеска; возраст насаждений; обустройство мест отдыха, состояние дорожно-тропиночной сети, обводненность объекта и проч.

Установлено, что с течением времени без проведения комплекса хозяйственных мероприятий лесопарк может потерять свое значение как зеленая зона для отдыха и быть частично утрачен. Показано, что привлекательность лесопарка может быть повышена в результате комплексного развития территории – благоустройства дорог и тропинок, устройства видовых площадок, создания посадок

декоративных растений. Для повышения устойчивости насаждений необходимы регулирование потоков посетителей, возможно ограничение во время восстановительных работ, проведение санитарных рубок, уборка захламленности и восстановление нарушенных участков.

Подводя итог, хотелось бы подчеркнуть важность сохранения старых парков, не только, как части исторического и культурного наследия городов, но и как необходимой социокультурной составляющей современного общества. Решение этой проблемы возможно при регулярном наблюдении, мониторинге и последующих грамотных санитарно-гигиенических и восстановительных мероприятиях.

Примечания

1. *Боговая И.О., Фурсова Л.М*. Ландшафтное искусство. – М.: Агропромиздат, 1988.

2. *Supuka J*. Zelená infraštruktúra // Životné prostredie, 1952. – № 1. – С. 1–2.

3. *Emödiová R.* Historický vývoj zeleně v městěBrně. – Brno: Městské kulturní středisko S.K. Neumanna, 1983.

4. *Kolouškova V., Otruba, I., Havránek, P*. Reminiscence na potok Ponávka v brněnském parku Lužánky, in Zahrada – Park – Krajina, roč. XV, č. 3. 2005. – S.12–16.

5. *Černoušková D, Menšíková M*. Brněnské parky a zelená zákoutí, 2005.

6. Veřejná zeleň města Brna, kol. autorů: Texty k 10. výročí vzniku organizace. – Brno, 2005.

7. Там же.

8. *Emödiová R.* Historický vývoj zeleně v městě Brně. – Brno: Městské kulturní středisko S.K. Neumanna, 1983.

9. *Emödiová R.* Historický vývoj zeleně v městě Brně. Brno: Městské kulturní středisko S. K. Neumanna, 1983.

10. Veřejná zeleň města Brna, kol. autorů: Texty k 10. výročí vzniku organizace. Brno, 2005.

11. *Kuča Karel.* Brno: vývoj města, předměstí a připojených vesnic. Vyd. 1. – Praha: Baset, 2000. – 644 s.

12. *Горохов В.А*. Городское зеленое строительство. – М.: Стройиздат, 1991. – 416 с.

13. *Агальцева В.А.* Основы лесопаркового хозяйства. – М.: МГУЛ, 2004. – 111 с.

14. *Рысин С.Л., Кобяков А.В.* Совершенствование методики оценки рекреационного потенциала лесов на урбанизированных территориях // Вопросы

ландшафтной архитектуры // Науч. тр. – Вып. 369. – М.: ФГБОУ ВПО МГУЛ, 2014. – С. 97–101.

15. Levandovskaja, N., Kolejka, J., Šerá, B., Žarnovičan, H. The recreational potential of urban forests – an application of the assessment method. Samarskite list. Zagreb: CROATIAN FORESTRY SOC, 2020, roč.114, 1-2. – S.53–63. URL: https://www.sumari.hr/sumlist/pdf/202000530.pdf

О.В. Матвеев, В.Н. Ракачёв
(г. Краснодар, Российская Федерация)

ЧЕХИ И СЛОВАКИ
(материалы к энциклопедии «Народы и культуры Кубани»)

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 19-49-230008 р_а, «Народы и культуры Кубани: энциклопедия»

Аннотация. Статья посвящена роли чехов и словаков в формировании этнокультурного пространства Кубани и Черноморья. Прослежены этапы освоения края представителями этих этнических групп, численность, участие в политической, экономической и культурной жизни региона.

Ключевые слова: чехи, словаки, Кубань, Черноморье, идентичность, миграции, западные славяне, историко-культурные связи

O.V. Matveyev, V.N. Rakachev
(Krasnodar, Russian Federation)

CZECHS AND SLOVAKS
(Materials for the Encyclopedia «Peoples and Culture of the Kuban»)

The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Fundamental Studies, Project No. 19-49-230008 R_A, «Peoples and Culture of the Kuban: Encyclopedia»

Abstract. The article is devoted to the role of Chechs and Slovaks in the formation of the ethnocultural space of Kuban and the Black Sea. The stages of the development of the region are traced by representatives of these ethnic groups, the number, participation in the political, economic and cultural life of the region.

Key words: Czechs, Slovaks, Kuban, Chernomyrier, Identity, migraion, Western Slavs, Historical and Cultural Communications

Чехи (самоназвание *чеши*) – этническая группа западнославянского этноса, которая компактно осваивала отдельные населенные пункты Кубани и Черноморья. Словаки (самоназвание *словаци*) – представители родственного чехам западнославянского этноса, которые приняли участие в миграциях славян Австро-Венгрии во второй половине XIX – начале XX вв. на территорию Кубанской области и Черноморского побережья Кавказа.

Иммиграция чехов и словаков носила добровольный характер, шла при поддержке правительств Российской и Австро-Венгерской империй, а также при содействии чешских организаций. Первые колонисты прибыли в начале 1868 г. и образовали две деревни на Георгиевских хуторах, за Туапсе. В последующие годы сформировались такие чешские поселения как с. Павловка и с. Варваровка (Таманский округ), с. Владимировка, с. Мефодиевка, с. Борисовка, с. Глебовка (Новоросссийский округ). А.В. Верещагин упоминает поселения чехов: между Анапой и Новороссийском Владимировка (смешанное: русские и чехи), Мефодиевка (исключительно чехи), на Озереевке и Глебовке (смешанное: чехи и русские), близ Анапы – Павловка (чехи) и Варваровка (смешанное: русские и чехи).

Уполномоченные от поселян деревни Кирилловка Иосиф Тендер, Иосиф Крагуальц и Иосиф Лузум писали в своем прошении в Министерство государственных имуществ в 1896 г., что «в 1869 году мы поселены в Черноморском округе на основании "Положения о заселении онаго округа" и получили в надел северные склоны Цемесской долины (около реки Цемес) в 7 верстах от города Новороссийска» [1]. Примерно тогда же были основаны деревни Варваровка и Павловка. Их жители писали в декабре 1895 г.: «Все мы бывшие Австрийско-подданные чехи, выполнившие присягу на верность подданства России хлебопашцы, поселились в числе 50-ти дворов в обеих вышеназванных деревнях, составляющих волость, на казенной земле 25 лет» [2].

Большинство чешских переселенцев прибыло из Южной и Западной Чехии – из окрестностей городов Будеёвице, Писек, Табор – на юге и Пльзень, Клатовы, Сушице на западе. Часть мигрантов были

жителями Восточной Чехии и Моравии [3]. Словаки пребывали из жупов (областей) Горного края и Верхней Венгрии [4]. В деревне Павловка в 1920-е гг. учительствовал основоположник словацкой литературы социалистического реализма Петр Йилемницкий, который указывал, что среди первых чешских поселенцев имелось несколько семей словаков, которые «чехизировались, а [позже] все разом уже частично и русифицировались». В их числе Йилемнецкий называл «бабушку Веверку» родом из села Прибоце под Турчианским Св. Мартином (ныне г. Мартин Словацкой Республики) [5]. Несколько семей словаков прибыло из имения Палфи одного из крупнейших магнатов в тогдашней Венгрии [6]. Словаков в то время редко отделяли от чехов, во многих случаях и тех, и других совокупно называли «чехо-славянами», иногда отождествляли со словенцами. Последнее обстоятельство было обусловлено тем, что прилагательное от этнонима «слова» по-словацки, как и по-чешски звучит «slovenský». Так, в материалах переписи 1897 г. в Кубанской области проживали 26 словенцев (из них 19 мужчин), которые осели преимущественно на хуторах близ Майкопа. Поскольку другие источники не упоминают словенцев, В.С. Пукиш объясняет это тем, что переписчики, слыша в ответ на вопрос о родном языке slovenský, воспринимали это, как «словенский», а не «словацкий [7].

Условия проживания, трудности при освоении пустынной местности, отсутствие дорог, большая смертность от малярии надломили семьи многих переселенцев, которые бросали хозяйство и возвращались на родину [8]. По данным А.В. Верещагина численность чехов на Черноморском побережье Кавказа в 1882 г. составила 735 чел. [9]. В Кубанской области тогда было зафиксировано 97 чехов (54 муж, 43 жен.) [10], однако по-видимому, эти данные не точны, поскольку часть чехов местные жители называли немцами. Так, в 1880 г. на бывшем земельном участке полковника М.И. Мамацева в Майкопском уезде стали оседать чехи-лютеране из Кирилловки. Вскоре здесь вырос хутор Шилика и Шессена, впоследствии переименованный в Мамацев, где компактно проживали чехи. В 1882 г. их здесь насчитывалось 152 чел. [11].

О занятиях чешских переселенцев они сами рассказывали в своем обращении в Министерство государственных имуществ в феврале 1896 г.: «Земли наши под хлебопашество неудобны, благодаря

особенным почвенным и климатическим условиям края, но зато способны к разного рода высшей культуре. Испытав неудачи несколько лет с посевами хлеба, мы принялись было за табаководство. В низовьях земли, очищенной нами от зарослей, – табак удавался превосходный; культивировались сорта турецкого табака: Самсон, Персичан и проч., и, хотя мы, чехи, на родине своей в Чехии культуру табака нигде не вида, а здесь стали учениками Анатолийских Греков, но вскоре наш табак получил лестнейшие отзывы по своей выделке и качеству (на Всероссийской выставке в Москве в 1881 году)» [12]. Однако, «увидев такой успех», соседи-казаки и турецкоподданые греки также занялись прибыльным табаководством. В результате цены на табак резко упали, поэтому чехи на расчищенных землях вновь стали сеять хлеб, которого едва хватало «на собственное прокормление» [13]. Поэтому, писали чехи деревни Кирилловка, «руководствуясь примером окрестных землевладельцев и стараясь извлечь необходимые средства к жизни, мы принялись за разведение виноградников, к чему единственно наши каменистые склоны в совершенстве годятся» [14]. Однако тяжелые условия обработки скальных участков требовали материальных вложений, поэтому чехи и просили о ссудах от департамента земледелия. Житель Кирилловки Иосиф Тендер отмечал: «Судя по опыту, по возрастанию винограда на наших склонах, по его качеству как продукта, заставляющего дать самые лестные отзывы таких знатоков, с таким авторитетом, как его сиятельство князь Голицын и др., можно с уверенностью предсказать, что вино из окрестностей Новороссийска, как местности сухой, каменистой имеет, т.е. будет иметь немаловажную и блестящую будущность, она будет составлять когда-то гордость сего уголка Кавказа» [15]. И действительно, лучшее в этом крае вино делали в чешских селах Владимировке, Кирилловке, Павловке, Глебовке [16]. Большой вклад в развитие садоводства и виноделия внесли отец и сын Бедржих (Фёдор) и Ярослав Гейдуки, пропагандировавшие среди чешских крестьян эффективные методы хозяйствования.

Жители хутора Мамацев ориентировались на выращивание ячменя, который использовался пивоваренной промышленностью района. Этому способствовало возникновение крупных пивоваренных заводов в Майкопе, один из которых создал чешский предприниматель В. Товар [17].

Прекрасную репутацию заслужило чешское животноводство. Так, чехи с. Текос снабжали по высоким ценам молочными продуктами, птицей и яйцами соседние села. В Анастасиевке и на хуторе Мамацев чехи успешно занимались пчеловодством. Кроме того, собирали каштаны, лесные фрукты на месте старых садов черкесов, заготовляли листья скумпии.

В конце 70-х – начале 80-х годов XIX в. чехи возводили дома и хозяйственные постройки из камня и самана. Планирование застроек осуществлялось по городскому типу. Дома были специфичной удлиненной планировки (комната и длинные сени). Дом состоял из нескольких жилых и гостевых комнат, кухни и нескольких кладовых для хранения молочных, мясных продуктов и хлеба. Старшие спали на кроватях, дети на рогожах. В каждом доме был подвал для хранения вина. В конце участков располагались коровники, стены которых были белены, полы деревянные, желоба из керченского камня, обложенного цементом. Мужская одежда состояла из длинной рубахи со стоячим воротником, которая носилась навыпуск и подпоясывалась плетеным шелковым пояском с кистями или широким кожаным ремнем и темных брюк из покупной ткани. На ноги одевали кожаные постолы, кирзовые полуботинки с хлястиком, на голове носили соломенные шляпы и фуражки. Молодежь носила шляпы с небольшими полями, украшенными лентой и букетом цветов. Женская одежда состояла из нательной нижней рубахи (кошилэ), отороченной кружевами, которые должны выглядывать из-под верхней юбки, нижней юбки (спордничка), верхней кофты, прямого длинного платья с рукавами или длинной прямой юбки (сукнэ), сборчатой сзади и кружевного фартука. Прическа состояла из косы, закрученной сзади Девушки и молодые женщины ходили чаще всего с непокрытой головой. У пожилых женщин головным убором служили разноцветные кружевные платки (шабэк), которые завязывались под подбородком или чепчик. Обувь состояла из кожаных туфлей без задников на деревянных долбленых колодках из вербы, с каблуком в виде бугорка. На праздник одевали чувэки – тапочки из свиной крашеной кожи [18]. Национальную кухню составляли кнедлики с мясом, супы с затиркой или клецками, куриная лапша, штерц – обжаренный картофель с луком, с добавлением мака, сахара, корицы, манная каша с корицей, тонинки (хлеб с чесноком), пончики, колачи, караваи [19].

Большая часть чехов Кубанской области по данным переписи 1897 г. размещалась в Темрюкском отделе (47%), группы численностью около 200 чел. проживали также в Екатеринодарском и Майкопском отделах. (85%). Чешские поселенцы применяли исключительно высокие приемы ведения интенсивного хозяйства, выращивая преимущественно высококультурные растительные культуры (отсюда и название их участков – «культурные». В первую очередь это наблюдалось на землях, отведенных под сады, виноградники, огороды и частновладельческих землях. В конце XIX – начале XX в. в крестьянском хозяйстве чехов преобладал семейный труд с привлечением отдельными «крепкими» хозяевами, в первую очередь виноградарями, сезонных работников на период сбора урожая.

Словаки активно трудились лудильщиками, служили учителями и католическими священниками в костелах Черноморского округа (губернии). В ст. Псебайской на р. Лабе словаки занимались мельничным промыслом [20]. Кроме того, среди словаков фигурировали управляющие, приказчики, врачи, торговцы [21].

В делах Государственного архива Краснодарского края сохранилось немало свидетельств о принятии кубанскими чехами российского подданства [22]. Чехи проживали в Екатеринодаре, Ейске, Майкопе, в ст. Лабинской, в селении Армавир. Нередко это были предприниматели, представлявшие австрийские фирмы, или занимавшие руководящие должности на российских предприятиях, либо средние технические кадры и квалифицированные рабочие. В отличие от чехов-крестьян, в основном перешедших к началу Первой мировой войны в российское подданство, чехи этой волны оставались преимущественно австро-венгерскими подданными, хотя жили в России годами. Главной сферой их деятельности были пивоваренные и сахарные заводы. Наиболее известными из них были отец и сын Карл и Владимир Гусники, основавшие первый на Кубани чугунолитейный механический завод, открывавшие котельные, склады механических машин, колбасные заводы и др. [23]. Среди владельцев пивзаводов были чехи М.Ф. Ирза в Екатеринодаре, В.И. Товара в Майкопе, Б.Б. Вострый в Темрюке, А. Войтеховская и Р. Душанек в ст. Лабинской. В Армавире пользовался известностью принадлежавший братьям Вратиславу и Юлиану Штепанекам паровой колбасный завод «Прага Чешская» [24]. Существенную часть городского чешского населения

составляли преподаватели немецкого и классических языков, а также гимнастики. Последние были в основном членами общества «Сокол», которые преследовали не только развития физической культуры, но и национального возрождения славян. Общество «Сокол» регулярно организовывало в Екатеринодаре, Армавире и др. городах показательные выступления, состязания по бегу, велосипедные гонки, пропагандируя среди кубанцев здоровый образ жизни и идеалы физического совершенства человека. Местные «соколы» поддерживали связь с чешскими инструкторами, а сокольская гимнастика вошла в практику преподавания кубанских средних учебных заведений.

В Черноморской губернии по данным переписи насчитывалось 1290 чехов, 85,4% были сельскими жителями и 14,5% – горожане. 52,6% приходилось на мужское население и 47,5% – на женское. Согласно обзору черноморского губернатора, в 1914 г. в губернии проживало 2259 чехов (1157 муж. и 1102 жен.) [25]. Среди постоянно проживающих зафиксировано чехов: в Новороссийске – 131 (по вероисповеданию – католики), в Туапсе – 4 (католики), в деревнях: Адербиевке – 40 (католики), Борисовке – 21 (католики), Глебовке – 206 (195 католиков и 11 православных). Владимировке – 163 (католики), Васильевке – 18 (католики), Кирилловке – 314 (католики), Мефодиевке – 284 (16 православных и 168 католиков), Павловке – 144 (католики), Тешебс – 122 (10 православных, 112 католиков), Чилипсы – 10 (православные), Анастасиевке – 218 (198 католиков и 20 православных) [26]. В числе «временно проживающих» в губернии зафиксировано: в Новороссийске – 49, Туапсе – 79, Сочи – 14, Глебовке – 27, на культурных участках в долине р. Цемес – 29, обществ Черноморского цементного производства в Новороссийске – 16, цементного завода Франко-русской компании в селении Геленджик – 2. Цементного завода «Цепь» – 2, в Текосе – 14, Вельяминовке – 22, Анастасиевке – 12, все католики [27].

Представители чешской диаспоры подарили Кубанской области и Черноморской губернии немало видных общественных деятелей, трудившихся на ниве науке и культуры. Научно-исследовательская работа Ф.И. Гейдука по акклиматизации винограда, плодовых деревьев и кустарников в прибрежной зоне позволило добиться высоких результатов в агрокультуре. Ф.И. Гейдук и М.Ф. Пенчул

исследовали основные заболевания местных сельхозкультур, разработали методы лечения. Цементная промышленность в районе Новороссийска обязана своим развитием химику О. Кучере. Задолго до приезда Д.И. Менделеева после нескольких опытов с горной породой «мергель» Кучера получил первый новороссийский цемент. Неоценимый вклад в развитие чешских музыкальных традиций внесли Ф. Лауб, Й. Палечек, Э.Ф. Направник. В каждом чешском селе имелся музыкальный оркестр.

Некоторые австрийско-подданные чехи в период Первой мировой войны подверглись аресту и выселению с территории Кубанской области и Черноморской губернии вместе с немцами и болгарами. В то же время чехи Новороссийска, Майкопа. Екатеринодара вступали в Чешскую дружину – добровольческое формирование, которое воевало в составе русских войск на Западном фронте [28]. В годы войны в Кубанской области оказалось немало пленных чехов и словаков, чей труд использовался в сельском хозяйстве и на производстве. Активное участие чехи приняли в Гражданской войне на Кубани, воюя как составе Добровольческой, так и Красной армии.

В данных Всероссийской переписи 1920 г. по Кубано-Черноморской области фигурируют 2678 чехов и 155 словаков [29]. В 1925 г к чешским поселениям в крае добавилась Кладенская коммуна, которую основали в Армавирском округе переселенцы из Чехословацкой республики. Перепись 1926 г. фиксировала уже «чехо-словаков» в соответствии с принятой первой Чехословацкой республикой доктриной единой нации. Общая численность этой группы по четырем округам (Армавирскому, Кубанскому, Майкопскому и Черноморскому) указана 3107 чел.

В ходе коллективизации многие чешские крестьяне были объявлены кулаками и высланы. Большинство из них, благодаря своему трудолюбию и аккратности, были зажиточными, поэтому подверглись раскулачиванию. Из с. Текос были высланы в Кемеровскую и Томскую область 32 семьи, пострадали многие семьи Павловки и Варваровки [30]. Согласно докладной записки поручика Ф. Янды. составленной для комиссии по формированию чехословацких воинских частей в СССР в 1942 г., «арестована или переселена была треть всех чехов. Преподавание на чешском языке в некоторых школах (велось) до 1933 г. В этот год чешские школы были запрещены, а

общества (культурные) распущены» [31].

По данным переписи 1939 г. численность чехов в крае составила 2648 чел. среди них доля лиц с родным чешским составила 69,2%. Значительная доля лиц с родным языком у чехов в значительной мере обусловлена тем, что большинство их на территории Кубани проживало компактно и преимущественно в сельской местности (64,2%). Доля мужчин составляла 47,9%, женщин – 52,1%.

Во время Великой Отечественной войны мужчин мобилизовали в Красную Армию. Многие попали в строительные части, откуда некоторые впоследствии записались в корпус Л. Свободы. Так, житель с. Павловки И. Сланец в составе корпуса прошел всю войну, в боях за Карпаты был ранен. Потерял ногу, за боевые заслуги был награжден Чехословацким военным крестом. Воевали в этом подразделении и жители Кирилловки Л. Ружечко. В. Лузум, В. Шуссер, И. Душанек и др. Евгения Иосифовна Иранек из хут Мамацев рассказывала, что её отца взяли на фронт шестнадцатилетним подростком, и «он освобождал Прагу, и у них там в Праге ему дали за освобождение Праги крест, награду, и ещё какой-то орден у него был. Вот этот Свобода им как раз вручал, вот там на площади Вацлава в Праге» [32].

Чехи пострадали во время оккупации Краснодарского края немецко-фашистскими захватчиками. Так, фашисты расстреляли 16 жителей с. Варваровки, членов семей воинов Красной Армии и партизан. Ещё восьмерых фашисты повесили прямо в селе, возле костела, преобразованного в клуб. Люди сами копали себе яму и ставили виселицу [33].

Согласно переписи 1959 г. численность чехов в Краснодарском крае сократилась до 1794 чел. Резко снизилась доля лиц с родным чешским языком – до 35,4% (26,3% – среди горожан и 44,9% – в селе). В 1970 г. численность чехов в крае составила 1535 чел., в 1979 г. 1310 чел., в 1989 г. 1078 чел.

В 2002 г. численность чехов в крае составила 732 чел. из них 48,8% – мужчин и 51,2% женщин. 56,5% чехов в крае городские жители (Новороссийск и др.), 43,5% – проживают в селах Анапского и Геленджикского районов, хуторе Мамацев в Адыгее. В 2010 г. в Краснодарском крае проживали 416 чехов и 6 словаков.

Народная культура чехов была связана с католицизмом, но с закрытием костелов они посещали оставшиеся православные церкви,

другие ограничивались домашними молитвами и редкими причастиями во время ежегодных визитов ксендзов из Новороссийска и Майкопа (в хут. Мамацев). В советское время многие жители Мамацева ездили в православную церковь в ст. Гиагинскую, но по словам М.А. Стакановой, «они не очень верили, как я себя помню в детстве, ни в церковь не ходили, на кладбище, тётя Женя молиться не умеет, а мама моя молитвы сама придумывала» [34].

Крещение чаще проводил не священник, а «бабИчка» (бабушка-повитуха) или просто старшая женщина в семье. Однако детей с раннего возраста приучали детей, что нашло отражение и в зимнем календаре. «Миколаши», например, могли проверять детей на знание молитвы «Отче наш» и, в зависимости от результатов, одаривали или наказывали их [35]. Среди основных праздников годового круга были Св. Миколаши, Рождество, Три Короля и Пасха. Чехи в вопросах веры никогда не были ортодоксами и, придерживаясь своей веры, не противопоставляли ее православию. В новогоднем ритуале «посевания» у чехов посевают дети (мальчики и девочки), и них на этот случай имелась своя «коледа»: «Дети малые, идем колядовать! Если на не дадите <угощение>, мы побьем все кастрюли. Если они у вас в печи, мы их <и там> побьем и домой убежим» [36].

У мамацевских чехов было принято колядовать на Шчедрый ден два раза: 25 декабря по лютеранскому обычаю и 7 января – по православному. Объясняли это тем, «чтобы не обидеть наших бабушек и местных русских» [37]. Отголоски архаических верований присутствуют в календарном круге в комплексе *«Ваноци»* (от Рождества до Трех Королей), в расстановке снопиков пшеницы по углам жилища на Рождество, в присутствии в составе ряженых персонажей с цепью, в новогодних гаданиях в полночь о своей судьбе через окно чужого жилища и др. [38].

На последней неделе Великого поста («страшной» неделе) основные ритуальные роли играли дети-подростки. Мальчики с трещетками утром, в обед и вечером «дзвоны выклыкалы». Накануне Пасхи они со специальной песней обходили дворы и собирали яйца. Девочки на этой же неделе делали куклу «Смертл» и с песней «Смэртл лазэ по воде, / Новли лито к нам едэ...» носили ее по селу [39].

Архаические элементы обнаруживаются в таких праздниках, как «ГрОмныця»» (2 февраля), «Клече» (Троица), в обрядах жизненного

круга (погребение мертворожденных детей в местах, где не ходят люди, под деревьями; представлениях о родившихся в «рубашке» – «кошылы».

При окончании строительства дома имел место обычай устанавливать в жилище зеленую ветку. Существовали запреты и представления, связанные с порогом, ласточкой, кукушкой [40]. Продолжает сохраняться обряд перемены чепца невесты, который считается кульминационным в чешской свадьбе и наиболее устойчивым. Во время перемены головного убора невесты исполняли песню «Вчерась била маминчина», а в завершении его невесту подбрасывали замужние женщины, и она кричала им: «Женщины, примите в свою команду!» [41]. После этого также подбрасывали жениха. Среди других свадебных обычаев чешской традиции сохраняет актуальность приглашение на свадьбу гостей двумя мужчинами, один из которых был гармонистом, а также использование в качестве свадебного деревца посоха, украшенного цветной бумагой, цветами и лентами [42].

В августе 2000 г. как Новороссийская городская общественная организация было зарегистрировано Чешское национально-культурное общество «Наздар», которое возглавила Зинаида Тренда. В Кирилловке в 2002 г. по инициативе местной жительницы Ирины Третьяковой (Кабрды) открылась воскресная школа, где дети изучали чешский язык, а в 2006 г. был создан клуб «Материдоушка» («Душа матери»), где знакомят с чешской литературой и языком, традиционной культурой, отмечают национальные праздники и готовят традиционные блюда, поют чешские песни. В клубе есть медиотека и библиотека.

На хуторе Мамацев народные традиции чехов хранят благодаря энергии и оптимизму Ольги Николаевны Дубянской, которая много лет руководит Домом культуры. Здесь интерес к чешской культуре получил новый импульс после того, как о существовании чешской общины узнал меценат и бизнесмен Схатбий Джаримов, бизнесмен и меценат, брат бывшего Президента Адыгеи. Он организовал поставку из Чехии компакт-дисков и обучающих книг по традиционной народной культуре на чешском языке. В репертуаре местного певческого коллектива «Славянка» появились и чешские, в том числе обрядовые. Визитной карточкой местного коллектива на фестивалях

различного уровня стали сценические постановки таких чешский обрядов, как перемена чепца невесте с исполнением свадебных песен, рождественский номер, посвященный Святому Микулашу (деду Морозу), гадания (ворожения) девушек на Щчедрый дэн (25 декабря / 7 января), обряд Тши кралове на Крещение, Масопуст (Масленица) [43].

Идентичность чехов прочно связана с кубанским этнокультурным пространством. Е.И. Иранек, рассказывая о своей поездке в Чехию, отмечала: «Это (чехи современной Чехии. – Авт.), конечно, совсем другие люди» [44]. М.А. Стаканова рассказывала о случае, когда в хут. Мамацев в 1980-е гг. должна была приехать делегация их Чехословакии: «Наготовили еды наши чехи, понасобирали, стол накрыли. А эти (гости. – авт.) приехали: "Йежишь, Мария! Мы утром едим одно яйцо и кофе". А у нас даже кофе пили – свиным жиром со шкварками на хлеб намажут, и с кофе» [45]. Сегодня культура кубанских чехов нуждается не только в изучении, но и в бережном сохранении, популяризации, для чего необходима консолидация усилий государственных и законодательных органов, учреждений науки, культуры и образования.

Примечания

1. Российский Государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 398. – Оп. 62. – Разр. I. – Д. 19667. – Л. 3.

2. Там же. – Л. 1.

3. *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. Годы и судьбы: 1868–2010. – Ростов-на-Дону: Изд.-полигр. Фирма «Медиа-Полис», 2010. – С. 31.

4. *Пукиш В.С.* О словацких переселенцах на Кавказе // Кубанский сборник. – Т. III / *под ред. А.М. Авраменко, Г.В. Кокунько*. – Краснодар: ООО «Книга», 2008. – С. 67.

5. *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. – С. 292.

6. Там же. – С. 293.

7. Там же. – С. 289.

8. *Домашек Е.В.* История чешских поселений Черноморского побережья Северного Кавказа (вторая половина XIX – 1914 г.). Автореф. … дисс. канд. ист. наук. – Краснодар, 2006. – С. 18.

9. *Верещагин А.В.* Исторический обзор колонизации Черноморского прибрежья Кавказа и ее результат. – СПб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1885. – С. 10.

10. Сборник сведений о Кавказе. – Тифлис, 1885. – Т. VII. – Списки населенных мест Кубанской области. – № 6659.

11. *Данильченко А.Е.* Хутор Мамацев Шовгеновского района (1880) // Памятные даты по Республике Адыгея на 2020 год. Библиографический указатель. – Майкоп: Качество, 2019. – С. 69.

12. РГИА. – Ф. 398. – Оп. 62. – Разряд I. – Д. 19667. – Л. 3об.

13. Там же. – Л. 4 об.

14. Там же. – Л. 5.

15. Там же. – Л. 10 об.

16. *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. – С. 62.

17. *Данильченко А.Е.* Указ. соч. – С. 71.

18. *Кузнецов И.* Чехи Кавказа // Бюллетень Центра содействия развитию и правам расовых, этнических и лингвистических меньшинств. – Краснодар, 1999. – № 1. – С. 120.

19. Там же.

20. *Пукиш В.С.* Указ. соч. – С. 292.

21. *Птицын А.Н.* Словацкая переселенческая община в России на рубеже XIX – XX вв. // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 7 / *Научн. ред., сост. О.В. Матвеев*. – Краснодар: Изд-во «Эдви», 2013. – С. 196.

22. См.: Государственный архив Краснодарского края (ГАКК). – Ф. 449. – Оп. 10. – Д. 19. – Л. 5–9; Д. 24. – Л. 1-3; Д. 33. – Л. 11–12 и др.

23. *Бардадым В.П.* Открытки на память. – Краснодар: Сов. Кубань, 2005. – С. 173–181.

24. *Ктиторов С.Н.* Чешский след в истории Армавира // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 2 / *Научн. ред., сост. О.В. Матвеев*. – Краснодар: ООО РИЦ «Мир Кубани», 2005. – С. 271.

25. Архив муниципального образования «Город Новороссийск» (АМОГН). – Ф. 74. – Оп. 1. – Д. 15. – Л. 3 об.

26. Там же. – Л. 36–38.

27. Там же. – Л. 40–48.

28. *Матвеев О.В.* «Среди них вспыхнул патриотизм славян…»: Чехи Кубанской области и Черноморской губернии в годы Первой мировой войны // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 5: к 60-летию профессора Н.И. Бондаря: научно-методические материалы / *Научн. ред., сост. О.В. Матвеев*. – Краснодар: адиция, 2009. – С. 128–129.

29. Население и хозяйство Кубанско-Черноморской области. Статистический сборник за 1922-23 год. Общий очерк. Территория и население. Краснодар, 1924. – Ч. I. – С. 66–67.

30. *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. – С. 159.

31. Там же. – С. 163.

32. Полевые материалы экспедиций по проекту «Земляки и соседи» 2020 года (ПМЭ «Земляки и соседи»-2020). – Хутор (Хут.) Мамацев Шовгеновского района (р-на) Республики Адыгеи (РА). Информатор (Инф.) Иранек Евгения Иосифовна, 1956 года рождения (г.р.).

33. *Пукиш В.С.* Чехи Северного Кавказа. – С. 168.

34. ПМЭ «Земляки и соседи-2020. – Хут Мамацев Шовгеновского р-на РА. Инф. Стаканова Мария Адольфиевна, 1953 г.р.

35. *Бондарь Н.И.* Материалы к устной истории и этнографии чехов Кубани // Мир славян Северного Кавказа. – Вып. 7 / *Научн. ред., сост. О.В. Матвеев*. – Краснодар: Изд-во «Эдви», 2013. – С. 225.

36. Там же. – С. 226.

37. *Матвеев О.В., Зудин А.И., Воронин В.В.* Земляки и соседи: по материалам экспедиций 2020 года. – Ростов-на-Дону: Печатная лавка, 2020. – С. 146.

38. *Бондарь Н.И.* Указ. соч. – С. 228.

39. Там же.

40. Там же.

41. *Матвеев О.В., Зудин А.И., Воронин В.В*. Указ. соч. – С. 149.

42. Там же.

43. Там же. – С. 153.

44. ПМЭ «Земляки и соседи-2020. – Хут Мамацев Шовгеновского р-на РА. Инф. Иранек Евгения Иосифовна, 1956 г.р.

45. ПМЭ «Земляки и соседи-2020. – Хут Мамацев Шовгеновского р-на РА. – Инф. Стаканова Мария Адольфиевна, 1953 г.р.

Сведения об авторах

Анчев Стефан Иванов – доцент-emeritus Университета «Св. Св. Кирилла и Мефодия», доктор исторических наук, факультет истории, кафедра Новой и Новейшей общей истории (г. Велико Тырново, Республика Болгария).

Баранов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и политического управления Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Барбарунова Зоя Александровна – независимый исследователь (Прага, Чешская Республика).

Вартаньян Эгнара Гайковна – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета, соруководитель Центра славянских исследований КубГУ (г. Краснодар, Российская Федерация).

Воронин Василий Владимирович – заместитель заведующего Научно-исследовательского Центра традиционной культуры ГБНТУК КК «Кубанский казачий хор» (г. Краснодар, Российская Федерация).

Гронский Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений РАН (г. Москва, Российская Федерация).

Желнорович Владимир Александрович – инженер-проектировщик АО «НИПИГАЗ, выпускник Томского политехнического университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Заровная Ася Аркадьевна – историк, преподаватель МАОУ СОШ № 16 (г. Краснодар, Российская Федерация).

Иванов Александр Гавриилович – доктор историчесикх наук, профессор, заведующий кафедрой Всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Иващенко Александр Стефанович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Всеобщей истории Адыгейского государственного университета (г. Майкоп, Российская Федерация).

Каптур Марина Михайловна – соискатель кафедры Истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация).

Копршивова Анастасия Васильевна – консультант государственной библиотеки Чешской Республики – Славянская библиотека в Праге (г. Прага, Чешская Республика).

Крючек Пётр Степанович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси и политологии Белорусского государственного технологического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Левандовская Наталья Анатольевна – докторант кафедры региональной географии университета Масарика в г. Брно; ст. преподаватель кафедры физиологии филиала РУДН в г. Сочи (г. Брно, Чешская Республика).

Леонов Артем Андреевич – историк, магистрант 2 курса Факультета истории, социологии и международных отношений Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Манько Сергей Анатольевич – руководитель территориального органа – представитель МИД России в Краснодаре, кандидат исторических наук, доцент (г. Краснодар, Российская Федерация).

Мархолева Красимира Лалева – кандидат исторических наук, Софийский университет Республики Болгария, доктор социальной и культурной антропологии, Карлов университет Чешской Республики, сотрудник болгарского журнала в Праге «Болгари» (г. София, Республика Болгария).

Матвеев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории России Кубанского государственного университета, соруководитель Центра славянских исследований КубГУ, (г. Краснодар, Российская Федерация).

Ненашева Зоя Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории южных и западных славян исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Российская Федерация).

Ракачёв Вадим Николаевич – доктор исторических наук, профессор кафедры социологии Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

Селицкий Александр Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры Всеобщей истории и международных отношений (г. Краснодар, Российская Федерация)

Сергеева Евгения Михайловна – ассистент кафедры философии и права Белорусского государственного технологического университета (г. Минск, Республика Беларусь).

Степанова Лилия Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России Кубанского государственного университета (г. Краснодар, Российская Федерация).

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие *(Э.Г. Вартаньян, О.В. Матвеев*)……..……3

Приветствие и.о. руководителя представительства Россотрудничества в Чешской Республике *А.А. Шуниной*……..….5

Приветствие председателя правления Международного культурного института «Ключ» *Анны Евсиной*, члена правления Международного культурного института «Ключ» *Дана Битнерова,* президента клуба молодежной и детской дипломатии в Чехии *Михаила Федорова*……6

Раздел 1. К 170-летию со дня рождения А. Йирасека. Вопросы историографии и истории чешского народа

Матвеев О.В. Народная история Алоиса Йирасека……..…7

Копршивова А.В. Алоис Йирасек или как просто злоупотребить автором, который не может себя защитить……17

Ненашева З.С. 100-летие образования Чехо-Словакии в 1918 г. как фактор осмысления причин распада Австро-Венгрии в современной чешской историографии……..…25

Каптур М.М. Историческая аргументация в геополитических проектах чешской эмиграции в начале Первой мировой войны……...38

Мархолева К.Л. Чехословацко-польский конфликт из-за Тешина (осень 1918 – январь 1919 гг.)…….…48

Баранов А.В. Чехи и поляки на Юге России в контексте советской этнополитики в 1920-х гг……58

Иванов А.Г. За кулисами Мюнхенского сговора (по материалам архива Форин Оффис)…….....…67

Анчев Стефан И. Уничтожение Чехословакии в 1938 г. и политика ее соседей…….....83

Леонов А.А. Деятельность правительства Чехословакии в изгнании в годы Второй мировой войны…….……93

Иващенко А.С. Российская историография о событиях «Пражской весны» в Чехословакии в 1968 г……102

Раздел II. Вопросы истории и культуры славян и их соседей……112

Вартаньян Э.Г. Чешский литературный язык как основа формирования нации и национальной культуры ……112

Заровная А.А. Легенды, предания, эпос и песни славян как исторический источник……..121
Степанова Л.Г. Историческая область Славяносербия в материалах генерального межевания……128
Манько С.А. Чешские «будители» и зарождение Русинского (Галицко-Русского) национального движения в Галиции в конце XVIII – первой половине XIX вв……...…...138
Селицкий А.И. Проблема происхождения рода Я.А. Мордмилловича……..151
Барбарунова З.А. Интернациональная помощь трудящихся строительству социализма в СССР. Чехословацкий производственный кооператив «INTERHELPO» в Советской Киргизии в 1925–1943 гг……..……159
Крючек П.С., Сергеева Е.М. Миграционные процессы из Республики Беларусь на современном этапе……168
Желнорович В.А. Процесс поиска свободы в чешском и русском сознании на примере оперы Леоша Яначека «Из мёртвого дома» и одноименной повести Ф.М. Достоевского…….…..178
Воронин В.В. Греки села Трёхсельского Успенского района Краснодарского края……..186
Гронский А.Д. Школьный учебник по истории Белоруссии как элемент исторической политики (на примере учебника для 7 класса издания 2017 г.)…….……..193
Левандовская Н.А. К вопросу о сохранении зеленой инфраструктуры г. Брно (Чешская Республика) как исторического наследия……..……202
Матвеев О.В., Ракачев В.Н. Чехи и словаки (Материалы энциклопедии «Народы и культуры Кубани»)……207
Сведения об авторах……..221

Научное издание

ЧЕХИЯ, СЛАВЯНСКИЙ МИР И ИХ СОСЕДИ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ (К 170-ЛЕТИЮ АЛОИСА ЙИРАСЕКА)

Материалы Международной научно-практической конференции

Подписано в печать _____2021. Выход в свет _____2021-10-16 Формат

_____. Печать цифровая. Усл. печ. ед. 14,1